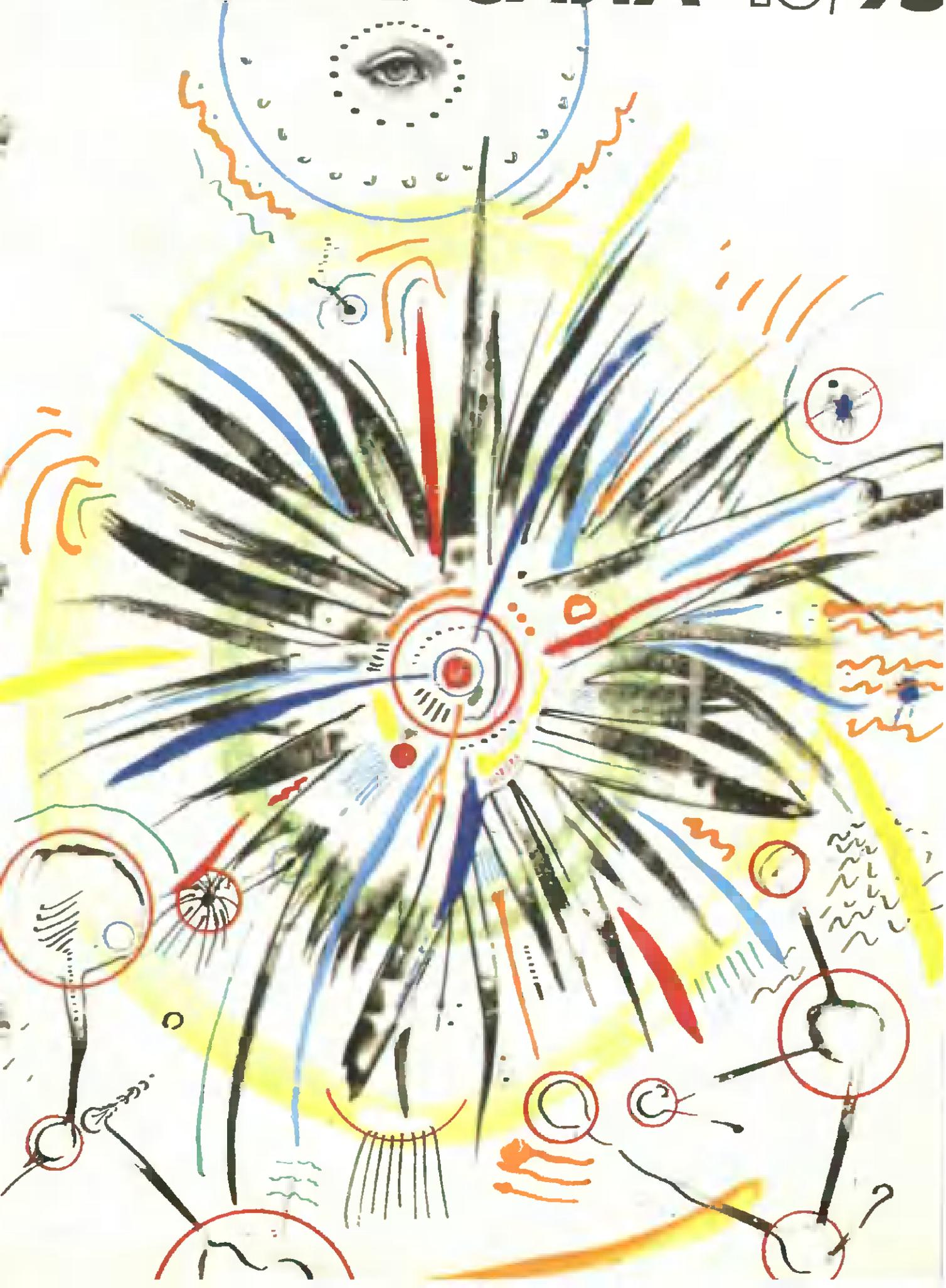

"Knowledge itself is power" (F. Bacon)

ЗНАНИЕ-СИЛА 10/95

В НОМЕРЕ

- 2** Взгляд в конце тысячелетия
Т. Савицкая
Заговор эпохи Водолея
- 13** Во всем мире
- 14** Курьер науки и техники
- 16** Время и мы
Г. Малинецкий
Высшая школа глазами математиков
- 25** Во всем мире
- 26** Курьер науки и техники
Хаоса в природе нет?
- 28** Этика науки
Б. Мюллер-Хилл
Наука, истина и другие ценности
- 37** Новые горизонты
А. Семенов
Вселенная по Кандинскому
- 45** Во всем мире
- 46** Вечные темы науки
В. Ковальзон
Тайна сна: на пороге третьего тысячелетия
- 54** Размышления у книжной полки
С. Бронин
Страх психиатра
- 65** Волшебный фонарь
- 66** Проблема: исследования и раздумья
С. Смирнов
Составляют ли трое коллегию?
- 72** Во всем мире
- 74** Библейские смыслы
Б. Берман
Хам, Кнаан и Нимрод
- 81** В мире животных
- 82** Дискуссии «Знание — сила»
С. Эрлих
Россия колдунов
- 92** Память места
М. Гнедовский
«Посещение музея», или
Rozhestveno Revisited
- 100** Понемногу о многом
- 101** ЛИЦЕЙ
- 102** Курс лекций:
история западной цивилизации XX
века
Д. Прокудин
Парадоксы индивидуализма

Макс Эрнст. «Португальская религия»

Д. Энсор.
«Художник с масками вокруг него»,
фрагмент

Из истории Арктики.
Лейтенант А. Жохов и его невеста

Фрагмент рисунка П. Федотова

Географическая карта с кругосветным путешествием Дрейка, 1589 год

- 110 Олимпиада
Е. Муравенко
Дети и лингвистика
- 114 Проблема: ребенок
и психологическое насилие
В. Каган
Где начинается «золотая клетка»?
- 119 Подробное чтение
Р. Фрумкина
Другой Базаров
- 122 Самоучитель
В. Строилов
Сверим наши заблуждения
- 129 Понемногу о многом
- 130 Новое прочтение судьбы
А. Шумилов
История одной эпитафии
- 138 Записки социолога
В. Чеснокова
Атланты в юбках
- 144 О. Дмитриева
Глориана
- 155 Мозаика
- 156 Рассказы о животных,
но не только о них
Д. Тоев
А мышей она ловить может?
- 159 Понемногу о многом
- 160 Мозаика

Обложка Ю. Сарафанова. Это — вариация на темы В. Кандинского и компьютерных сценариев развития Вселенной. Читайте в номере статью А. Семенова «Вселенная по Кандинскому».

ЗНАНИЕ — СИЛА 10/95

Ежемесячный научно-популярный
журнал для молодежи № 10(820)
Издается с 1926 года

Зарегистрирован 23.01.1995 года
Регистрационный № 013253

Журнал издается под эгидой
Международной ассоциации «Знание»

Главный редактор
Г.А. Зеленко

Редакция:
И. Бейненсон
Г. Бельская
В. Брель
И. Вирко
(зам. главного редактора)
Н. Максимов
М. Курячая
Ю. Лексин
А. Леонович
И. Прусс
И. Розовская
И. Умнова
Н. Федотова
Г. Шевелева
В. Янкулин
(зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
А. Гришаева

Художественный редактор
Л. Розанова

Оформление
А. Пылаевой

Корректор
И. Любавина

Технический редактор
О. Савенкова

Сдано в набор 31.07.95. Подписано к печати
06.09.95. Формат 70 X 100 1/16. Офсетная печать.
Печ. л. 10,0. Усл.-печ. л. 13,0. Усл. кр.-отт. 52,00.
Тираж 17 000 экз.

Адрес редакции: 113114, Москва, Кожевническая
ул., 19, строение 6. Тел. 235-89-35

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский
полиграфический комбинат Комитета Россий-
ской Федерации по печати 142300, г. Чехов Мос-
ковской области

Индекс 70332

Из общего тираже журнала 11,5 тысяч
экземпляров произносятся по заказу
института «Открытое общество», кото-
рый ежемесячно направляет их в би-
блиотеки России и ряда стран СНГ.

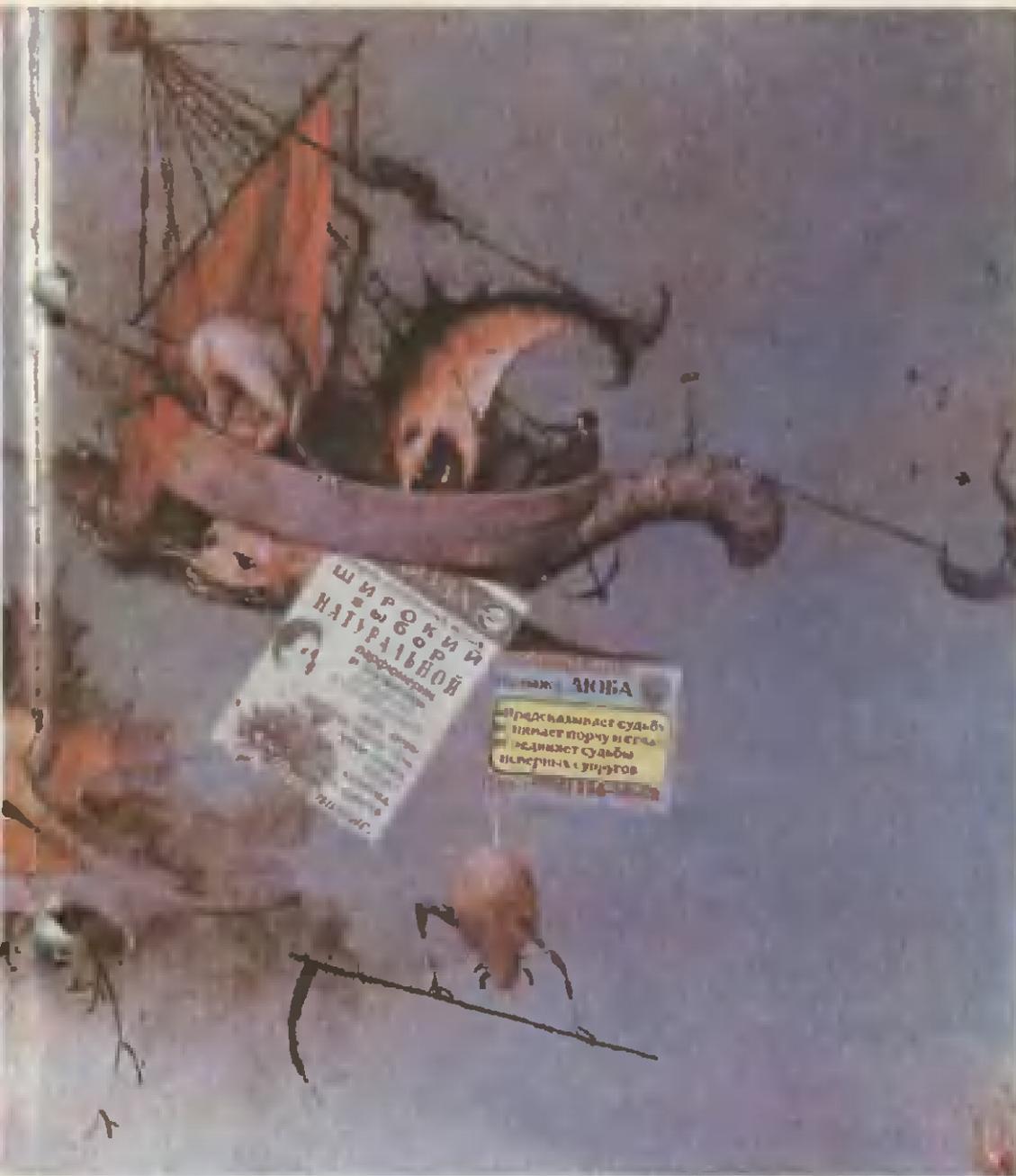
© «Знание — сила», 1995 г.

ВЗГЛЯД В КОНЦЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Татьяна Савицкая

Заговор эпохи Водолея

«Это — заговор без политической доктрины... Без манифеста. С заговорщицами, которые стремятся к власти лишь затем, чтобы расточить ее. Стратегия их прагматична, даже научна, но перспективы представляются столь мистическими, что даже они опасаются обсуждать их. Более широкий, чем просто реформа, более глубокий, чем революция, этот заговор во имя новых условий человеческой жизни привел в действие наиболее радикальное в истории переустройство культуры. Грандиозный, вызывающий содрогание бесповоротный сдвиг — не какая-нибудь новая политическая, религиозная или философская система. Это — новое мышление, рождение поразительного мировоззрения, объединяющего внутри себя самую радикальную, передовую науку и озарения древнейшей мысли».
Мэрилин Фергюсон

НОВЫЙ МИФ, ТВОРИМЫЙ НА НАШИХ ГЛАЗАХ

«Нью эйдж» (New Age) — «Новый век» — так называют мощное социальное и культурное движение, сформировавшееся в западных странах во второй половине XX века. Оно претендует на создание нового глобального мировоззрения и именуется то «движение за развитие человеческих возможностей», то «сознание эпохи Водолея», то «новое мышление».

Сам термин, возможно, порожден распространением одноименного американского журнала (New Age Journal) или популярной книги Алисы Бейли (последовательницы Елены Блаватской) «Ученичество в новый век».

Ключевое понятие Нью эйджа — «революция сознания». Это — лозунг, девиз, социальная и культурная программа. Такие характерные черты этого движения, как появление «светских», досуговых вариантов религиозности, формирование установки на личный внутренний опыт (в противовес схоластической и догматической морали церкви) или рост интереса к явлениям экстрасенсорного восприятия и парапсихологии, магии, астрологии и так далее, лишь очень поверхностно определяют то, о чем идет речь. Это — творимая на наших глазах интегральная идеология, парадоксально соединяющая авангардизм и архаику, науку и мистику, коллективизм и индивидуализм, глубинную экологию, феминизм и так далее, и так далее.

Тед Шульц, в недавнем прошлом сам активный участник этого движения, дает ему следующее определение: «Будучи частично изобретением «масс-медиа», частично наследием хиппи, частично подлинным открытием искренне ищущих, Нью эйдж — слабо очерченная амальгама экзотических верований, охватывающих различные религии, космологии, нравственную философию, духовные учения..., оздоровительные практики, системы саморазвития, а также теории, обосновывающие право на существование экстрасенсорного и паранормального опыта».

Популяризация грядущего «миллениума света и любви» целой армией ясновидящих, предсказателей, магов и астрологов есть, по сути, формирование современной мифологии, массового Эрзац-мировоззрения. Вера в перевоплощения человеческих существ (вплоть до возможности «вспомнить» свои предшествующие жизни), готовность принять за реальность контакты с внеземными цивилизациями и «параллельными мирами», применение в повседневной жизни всевозможных гадательных практик, психолечения — вот лишь некоторые черты этого нового мировосприятия. Оно претендует на преодоление любых — национальных, религиозных, культурных, политических и даже биологических — ограничений человеческой природы. Противоречивое сочетание гуманистической фразеологии и научно-экспериментального подхода к изучению психических явлений с оккультным, преимущественно восточного происхождения, учением о человеке придает этому мировоззрению очертания, непривычные для западного менталитета. И тем не

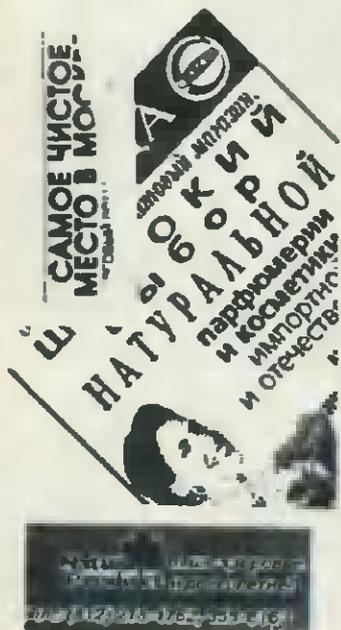

Если обратиться к восточному гороскопу и по нему справиться на натуре наших руководителей окажется, что среди президентов СНГ четыре Водолея: президент России - Борис Ельцин (1931 г.), Узбекистан - Ислам Каримов (30 января 1979 г.) и Шевченко (1979 г.) и т.д.

Какой знак у президента?

ПОЛИТЛОГИЯ
Каждый месяц проводим встречи и презентации. Прогнозы, а результаты видны. Может быть, ты психологически несовместим? Хотелось бы узнать о кто они по гороскопам.

излюбленная тема американских масс-медиа. Нью эйдж как идея, способ жизни, способ мышления победно шествует по США, захватывая бизнес, образование, искусство и даже политику.

Символ Нью эйджа — оккультная книжная лавка: здесь на полках, пропитанных ароматом курений и марихуаны, можно найти сочинения Баба Рам Дасса, Фуко, де Бовуар и Карла Роджерса рядом с картами Таро, кварцевыми кристаллами и книгами по кибернетике, экологии и квантовой физике. Не случайно Морен О'Хара сравнивает Нью эйдж с гигантским метафизическим «шведским столом», заставленным всевозможными интеллектуальными блюдами «на любой вкус».

Но было бы неоправданным легкомыслием пытаться свести столь многомерное, перспективное и многозначительное явление к очередной гримасе общества потребления.

Суевливая всеядность Нью эйджа не в состоянии скрыть тех трагических черт, которые он разделяет со всей современной западной культурой: дефицит осмысленной жизни, ослабление ощущения личного тождества и органической укорененности в какой бы то ни было национально-исторической или метафизической традиции. Солипсизм и эгоцентризм современного индивида с его жизненным кредо «реально то, что хорошо для меня» (антрополог и шаман Майкл Харнер назвал эту черту современного менталитета «концептуальным релятивизмом») — весьма благоприятная предпосылка для формирования нового шаманства как массового явления.

Претензия Нью эйджа на статус новой всемирной космической веры, преодолевающей все преграды и ограничения, вызвана к жизни не только будущим, но и самой современностью, культурным вакуумом, в котором оказалось западное общество после краха просветительской модели мира.

«В нашем постгейзенберговском, постфрейдковском, постмарксовом, посттелевизионном, постконструкционистском, постмодернистском мире, — пишет Морен О'Хара, — мы, в конце концов, пришли к осознанию того, что не существует системы истины, адекватной соотносимой со всеми аспектами бытия. И эту-то бездну неопределенности стремятся заполнить торговцы мифами, псевдожрецы и псевдоученые. То же, по-моему, делают и распространители наркотиков, психотерапевты и фундаменталисты всех мастей, психоневрологи, рекламные агенты и целители. В этом-то психосоциоэпистемологическом контексте мы и должны понимать движение Нью эйджа».

Американский исследователь Гордон Мелтон ищет истоки этого движения в традиции американского мистицизма. Снабжая древние учения новой социальной и психологической аргументацией, эта оккультно-метафизическая традиция, набиравшая силу на протяжении всего XX века, в начале семидесятых годов преодолевает свой маргинальный статус, делая «видение Нового века» достоянием значительных масс людей.

лям); «Здоровье для Нового века» в Лондоне — предоставление информации по различным формам альтернативного медицинского лечения; «New Dimensions Foundation» — подготовка радио-программ; «New Age Access» — информация по охране окружающей среды; «Prison Ashram Project» (Нидерланды) — снабжение литературы, аудио- и видеокассетами заключенных, проявляющих интерес к программам саморазвития; «Shanti Project» в Беркли (США) — консультирование безнадежно больных; Всемирное общество будущего в Вашингтоне — сбор и предоставление информации по проектам будущего.

В 1987 году на Всеамериканском съезде книгоиздателей в Вашингтоне был сформирован Союз книгоиздателей Нью эйджа с девизом «Сознание, время которого пришло», объединивший более пятидесяти издателей.

Историк Дж. Уэбб, крупнейший знаток оккультного подполья, видит в Нью эйдже очередной мощный выход на поверхность древней «гностической парадигмы». В самом деле: миф о непорочности природы человека, апокалиптическое видение современности, анархическая трактовка свободы. Что это, как ни черты гностической духовности, всегда сочетавшей естественный способ жизни, антииндустриализм, вегетарианство, охрану окружающей среды, «органические» коммуны и духовную эволюцию? Среди правозвестников «секуляризованного гностицизма оккультного возрождения» попадают известные нам имена: приверженец «вечной философии»* Олдос Хаксли, ставший пионером в использовании галлюциногенов для достижения мистического опыта; Генри Миллер, штудировавший учение Блаватской и, конечно, писатели-«битники» (Керуак, Снайдер, Олсон Гинсберг) с их метафорической трактовкой дзен-буддизма.

Однако наиболее распространенным является сведение Нью эйджа к сумме отдельных организаций, нонконформистов и искателей разного рода приключений, обосновавшихся на стыке таких областей, как развитие человеческих возможностей, холистическая медицина, органическое питание, стихийные демократические инициативы, медитация, экология, альтернативная технология, феминизм и прогрессивная политика.

Нехватка адекватного осмысления проявляется не только в эмпиризме, попытке сведения проблематики Нью эйджа к уровню явлений, потоку разрозненных фактов, событий, лиц, но и в предвзятом схоластическом подходе к нему (характерном, например, для большинства теологов). Когда движение это трактуется как «восточная, пантеистическая, релятивистская, аморальная, психологически опасная альтернатива... христианству», как «желтая опасность» в сфере культуры, «троянский конь» с Востока, стремящийся подорвать самые основы западной цивилизации. В рамках фундаменталистской догматической системы Нью эйдж характеризуется не как то, что он есть, а как то, что он не есть. И потому такой подход непродуктивен. Безусловно, Нью эйдж содержит не столько антихристианские, сколько ахристианские тенденции. Но, будучи в конечном счете детищем прокламированной Просвещением идеологии атеистического гуманизма, он такой же продукт дехристианизации Запада, как и нынешний пронизанный конформизмом церковный истеблишмент, где догматы, утратив сакральное значение, дегенерировали в некое подобие морально-правового кодекса.

Возможно ли, однако, рассмотрение концептуального стиля Нью эйджа *per se* (самого по себе), не от «противного» (с позиций христианских или традиционно гуманистических

* «Вечная философия» — термин, придуманный Хаксли для обозначения эзотерического учения о мире и человеке.

**ЖУРНАЛ
«НЬЮ-ИОРК»
50**

Всегда имеется в продаже
- серия «Книга Жизни»
- Матричные карты
более 100 наименований
эзотерического литературного
Выс ЖДУТ по адресу
- ОПТОМ
Москва, Интеркарион
корп. 1, на тер.

Вот только некоторые из периодических изданий Нью эйджа: «Brain/Mind Bulletin» — ежемесячный журнал, издаваемый в Лос-Анджелесе М. Фергюсон; «New Age» — ежемесячный журнал (Нью-Йорк); «Dromepop» — специализирующийся на «холистической педагогике» и саморазвитии; «New Age Book Review» — ежемесячный журнал, издаваемый в Нью-Йорке; «Новое человечество» (Лондон) — посвящен поиску стиля Нью эйдж в политике; «Парабола: миф и поиск значения» (Нью-Йорк) — ежеквартальный журнал по психологии и символам сознания.

**ОТ HOMO SAPIENS
К HOMO NOVUS**

западных ценностей), не с точки зрения его контекста (социального, психологического, интеллектуального), а исходя из собственных специфических закономерностей его формирования и функционирования?

Думаю, что пока невозможно. Невозможно потому, что нет мыслительного инструментария, адекватных ему языка и логики понимания, а главное — не ясна, не понятна та метареальность, та метаперспектива, в контексте которой смыслы Нью эйджа обрели бы наконец свое место. Пока же, интуитивно чувствуя стилистическое и концептуальное родство разрозненных явлений и идей Нью эйджа, исследователи (как адепты, так и критики этого движения) способны только описать, прояснить суть того мировоззренческого сдвига, который он несет с собой.

Этот радикальный сдвиг прежде всего — в переходе от привычного *homo sapiens* (человека разумного) к грядущему *homo novus* (человеку новому). В чем суть этого противопоставления?

Если для *homo sapiens* характерны дуализм и фрагментарность восприятия, то для *homo novus* — целостное холистическое мировосприятие.

Эгоистическое отчужденное «Я» как фокус самосознания индивида сменяется восприятием мира с помощью не только обычных пяти чувств, но и паранормальных «тонких» чувств.

Религия с догматизированным учением и формализованным ритуалом или научный материализм как преобладающее мировоззрение уступает основанному на личном опыте переживанию трансцендентного, а мистицизм и сциентизм дополняют друг друга.

Санкционированные обществом этические нормы вытесняются индивидуальным для каждого кодексом моральных норм.

Хищническая эксплуатация природы, разрушение окружающей среды отвергаются, предпочтение отдается поведению, основанному на экологической ответственности.

Идеология патриархата, все виды дискриминации женщины побеждены союзом полов при сохранении равноправия и уникальности каждого из них.

Дух соперничества, погоня за престижем и достатком отступают перед установкой на самодостаточность, благожелательность и дружелюбие как естественной нормой взаимоотношения людей.

Перечень этот наглядно демонстрирует противоречивую смесь науки, религии и оккультизма, столь популярную в леворадикальных кругах в семидесятые — восьмидесятые годы, когда сменяли друг друга всякого рода революции: «хиппи-революция», психоделическая, сексуальная, «гуру-революция» и прочее. Пацифистская, экологическая, неорелигиозная и феминистская проблематики, характерные для них, приведены здесь к новому синтезу.

Каковы же базовые принципы этого нового типа духовности? Немецкий теолог отмечает следующие особенности менталитета Нью эйджа: 1. Отказ от

**СЛОВ
И ЭКСТРА**
Открытое письмо и веруши

**СТИКИ
ЕНСЫ**
на и возвращении

**Предсказывает судьбу
Снимает порчу и сглаз
Соединяет судьбы
неверных супругов.**

СТАРИННОЕ ГАДАНИЕ
на картах, по руке и по планете.
Снимаю порчу и сглаз. 432-46-52.

априорных концептуальных схем в трактовке человека, социума, космоса. Опора на магическое делание как инструмент самоосуществления индивида, созидания социума, становления истории. 2. Культивирование дорефлексивных слоев мировосприятия; свободная от репрессивной цензуры разума и социальных запретов «новая телесность» как фундаментальное качество «нового жизненного праксиса», позволяющего органично включиться в жизнь природы и тем самым сделать реальными самолечение, целительство, все виды белой магии. 3. Опора на индивидуальную духовную практику как источник сверхчувствительного откровения.

Специфичность духовного облика Нью эйджа определяется термином «нсоязычество», и в этом, по мнению Гюнтера Швини, кроется указание на историческую бесперспективность данной стратегии духовного развития, суть которой может быть выражена словами «самоосвобождение через самопотерю» — конечное порабощение индивида, нацеленного на стяжание «магической мощи» природными силами и враждебными ему сверхчувственными существами.

В океане явлений, сопряженных с массовым распространением нетрадиционной религиозности, Нью эйдж прочерчивает курс, далекий как от крайностей авторитарных экстремистских культов, ужаснувших Америку в семидесятые годы, так и от спонтанной психоделической «парарелигии» хиппи. Для него характерна установка не на отказ от личности, как в культах, а на ее *видоизменение* с помощью той или иной стратегии саморазвития, не на курение наркотиков, а на достижение больших степеней «здоровья» и «просветления». Религиозность (вернее, «сакральность») отождествляется здесь с культивированием особых состояний сознания, возникающих вследствие специфического психофизического тренинга. Отсюда и терапевтический уклон Нью эйджа, и его гедонистическая ориентация, проходящая сквозь эклектизм и произвольность в заимствовании различных мистических учений.

Нью эйдж стремится объединить медитацию, позитивное мышление, лечение верой, особую технику глубинного массажа (рофлинг — по имени ее изобретательницы И. Рольф), реформирование диеты, заботу о сохранении окружающей среды, мистицизм, йогу, водолечение, акупунктуру, благоговения, астрологию, психологию Юнга, теорию биополя, спиритизм, вегетарианство, садоводство с применением органических веществ, теорию эволюции, сексуальную терапию, древние мифологии, архаические природные культы, суфизм, франкмасонство, кабалистическое учение, хиропрактику, лечение травами, гипноз и бесконечное количество любых иных техник, нацеленных на экспериментирование со стилями жизни, расширением сознания, гармонизацию межличностных контактов.

Любопытная попытка справиться с ускользающей от рационального анализа эклектикой Нью эйджа — это рассмотрение его как воплощения

Согласно исследованиям, проведенным М. Фергюсоном, 96 процентов (из 185 опрошенных ею человек) верят в телепатию, 94 процента — в психическое лечение, 89 процентов — в предсказания, 88 процентов — в ясновидение, 82 процента — в психокинезис, 86 процентов — в космический разум, 76 процентов — в продолжение жизни сознания после смерти тела и 57 процентов — в неоднократные воплощения людей. 48 процентов опрошенных подтвердили наличие у них «пиковых переживаний» (термин, введенный А. Маслоу для описания состояний религиозного экстаза, высшей сопричастности к миру, космической любви и прочее) как частых, а 45 процентов — как периодически возникающих, 5 процентов — как редких; лишь 2 процента опрошенных были вовсе не знакомы с этим состоянием.

В США создана система многоступенчатого психофизического тренинга «EST» (Erhard Seminars Training), разработанная Вернером Эрхардом. Через разветвленную сеть его курсов прошли свыше ста миллионов человек. «EST» осуществляет ежедневное радиовещание, издает газету, весьма популярен у звезд поп-искусства, его приверженцы — Йоко Оно, Дайана Росс, Джуди Коллинз, Джерри Рубин, Джон Дайвер.

...ля,
...нь и вода
...согласно
...льной китайской
...космологии, их
...взаимодействие создает
...гармонию Вселенной

НЬЮ ЭЙДЖ — ПУТЬ В XXI ВЕК?

принципа «онтологической анархии». Ее предлагает Хаким Бей, автор «теории хаоса». Стремясь выявить скрытую близость квантовой механики и восточного мистицизма, он пишет, что для мышления «века Водолея» вообще характерны мировоззренческие системы, «не дуалистичные и не теоцентричные, а скорее динамические, чем статические» и всеобщая релятивизация восприятия реальности, о которой ничего нельзя сказать, кроме перечисления отдельных статистических закономерностей реальности; она — «непредсказуема, поскольку реальна». Это черты и квантовой теории, и восточного мистицизма.

Тот же вывод подтверждает Фр. Капра, американский физик, автор ставшей бестселлером книги «Дао физиков»: «Я знаю с абсолютной уверенностью, что параллели между современной физикой и восточной мистикой станут некогда общепризнанным знанием.»

И все-таки западные исследователи не оставляют надежды на, как они говорят, позитивное определение сущности Нью эйджа. Так, Лоуэлл Страйкер дает следующую обобщающую его характеристику:

Нью эйдж пантеистичен, то есть склонен воспринимать божественную реальность не как противопоставленную творению, а растворенную в нем. Духовно экологичен, ибо трактует природу как действующую божественную силу. Андрогинен, соединяет черты мужской и женской культур, отличается ксенофилией, симпатией ко всему чужеземному. Экстатичен, то есть устремлен за пределы ordinарной реальности в исследовании границ человеческих возможностей в социальных экспериментах. Инклюзивен, иначе говоря, «принимает Христа и Будду, суфийских святых, индуистских свами и индейских шаманов». Терпим к инакомыслию, в том числе и в собственных рядах.

Неослабевающая популярность Нью эйджа не позволяет отмахнуться от этого движения, как от экзотической моды или очередного потребительского наваждения, и потому западные исследователи отправляются на поиски места Нью эйджа в культурно-историческом процессе, понимая его как зарождающийся новый культурный тип. Вот, например, таблица культурных парадигм различных эпох с параллелями в сферах духовно-религиозного, политического и экономического устройства:

1. Шаманизм — неавторитарная социальная организация — охота и собирательство (палеолит).
2. Политеизм — авторитарная социальная организация — земледелие (неолит).
3. Космос с центром на Земле — теизм — иерархическая социальная система (монархия, теократия) — цивилизация городов.
4. Космос с центром на Солнце — монотеизм — божественное право королей как гарант социальной системы — колониализм, империализм.
5. Механистический универсум — деизм или ате-

изм — идеальные типы социального устройства (демократия, капитализм, коммунизм) — индустриализм, бурное развитие техники.

6. Релятивистский универсум — мистицизм — «кибернократия» — постиндустриализм.

7. Квантовый универсум.

Схема эта (на чем специально настаивает автор) имеет функциональный характер; цель ее — задать определенные ориентиры в культурно-историческом процессе и найти место Нью эйджу.

Нью эйдж как культурный тип, с одной стороны, предстает «воспроизведением палеолитического шаманского мировоззрения», а с другой — «самым передовым постмодернизмом». Такая трактовка — вещь вынужденная, так как рождающаяся новая реальность, превосходящая все взятые из прошлого определения, не имеет еще адекватного самоназвания. И потому, может быть, наиболее плодотворно понимание Нью эйджа как симптома, как указания на «гигантский сдвиг сознания», сопряженный с выходом человечества за рамки эгоцентрической модели мира и растущим осознанием всеобщей связи вещей, новой космической этики. Экотеолог Питер Рассел назвал этот сдвиг новой коперниканской революцией.

Впрочем, в оценке социальных, философских, антропологических перспектив, которые потенциально несет человечеству Нью эйдж, более распространено утверждение, что этот новый век не «нов», а, наоборот, весьма древен.

Аргументация такого рода (разумеется, апологетического характера) имеет хождение и среди приверженцев движения. Так, Тимоти Лири (некогда преданный остракизму в США за пропаганду психоделических наркотиков, а ныне вполне уважаемая в академических кругах фигура) заявил в выступлении на XXII ежегодном собрании Ассоциации гуманистической психологии: «В любые темные времена были суфии, кабалисты, братства и сестричества, группы ведьм, мальтийские рыцари, масонские ордена... Дух гуманизма... вера в то, что вы можете найти Бога, глядя в глаза возлюбленного, не мы придумали это. Это началось не в шестидесятые и даже не в священные пятидесятые годы. Это было всегда.»

Принципиальный же оппонент Нью эйджа Хорст Бюркле, профессор религиоведения из Мюнхенского университета, отказывается видеть в Нью эйдже провозвестие грядущей всепланетарной спиритуально-магической культуры. По его мнению, цель этого влиятельного культурного движения — придать актуальность архаическому мировоззрению и узаконить теории эпохи матриархата, возвести шаманистические практики в ранг «нового концептуального синтеза», замкнуть христианство в некое подобие «морального гетто». Как реставрация язычества Нью эйдж идеологически агрессивен. По мнению Бюркле, йогические техники с помощью модного психотерапевтического жаргона камуфлируются под научно мотивированные средства психосоматической регуляции поведения человека; на

Палили две
«звезды»:
Дайана Росс
и Кулио Нелсон
Кремлевский Дворец (917-23-36)
16, 17 июня. Здесь состоятся два концерта чернойкожей певицы Дайаны Росс и музыканта Кулио Нелсона. Росс надеется, что в Москве сбудется ее давняя мечта — спеть для президента России.

Показательна биография Баба Рам Дасса (Ричарда Алперта) — первого всеми признанного выразителя сознания Нью эйджа; отказ от академической карьеры профессора психологии в Гарварде, эксперименты с психоделическими наркотиками, путешествие в Индию в поисках гуру, участие (совместно с А. Гинзбергом) в экзотических «маршах мира», проповедь через книги и лекции учения, объединяющего восточный мистицизм с западной трансперсональной психологией (исследующей уникальные психические состояния — религиозного опыта, экстрасенсорного восприятия, состояния после клинической смерти).

их базе развивается квазиметафизика, фактически пропагандирующая архаическое мирозерцание с присущими ему культом природных сил, ущербной трактовкой человеческой свободы, непрерываемым авторитетом «новых жрецов» (психотерапевтов, учителей йоги, целителей и прочее).

И тем не менее, являя собой парадоксальное сочетание магии и науки, прагматического и трансцендентного, просветительских интенций и мистицизма, Нью эйдж формирует, а вернее, предсказывает основы цивилизации XXI века. Таков факт, с которым (при разном к нему отношении), по мнению многих западных исследователей, невозможно спорить.

«Новый мир рождается. Это — не изменившийся старый мир. Это — новый мир, который рождается. Мы — в самом центре переходного периода, когда оба они накладываются друг на друга, когда старый мир еще могуществен и почти полностью контролирует обыденное сознание. Но постепенно входит новый мир, пока еще скромный и малозаметный.., полностью почти невоспринимаемый большинством людей. Но он действует, он растет.»

Так писала Мира Ришар (псевдоним Мать), сподвижница создателя «интегральной йоги» Шри Ауробиндо Гхоша, возглавлявшая в 1951 году работу по созданию «города будущего» — Луровилля, уникального международного эксперимента по закладыванию основ «духовной цивилизации» XXI века.

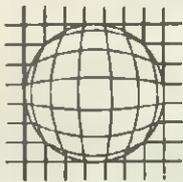
Почему уходит в небытие классическая культура, основанная на автономности индивида и ответственности личности? Почему занимается пугающая заря глобального «четвертого Рейха новой спиритуальности», провозвестием которой является нынешний Нью эйдж?

На этот вопрос, следуя духу Нью эйджа, мы пока можем только ответить: «Такова воля богов». ●

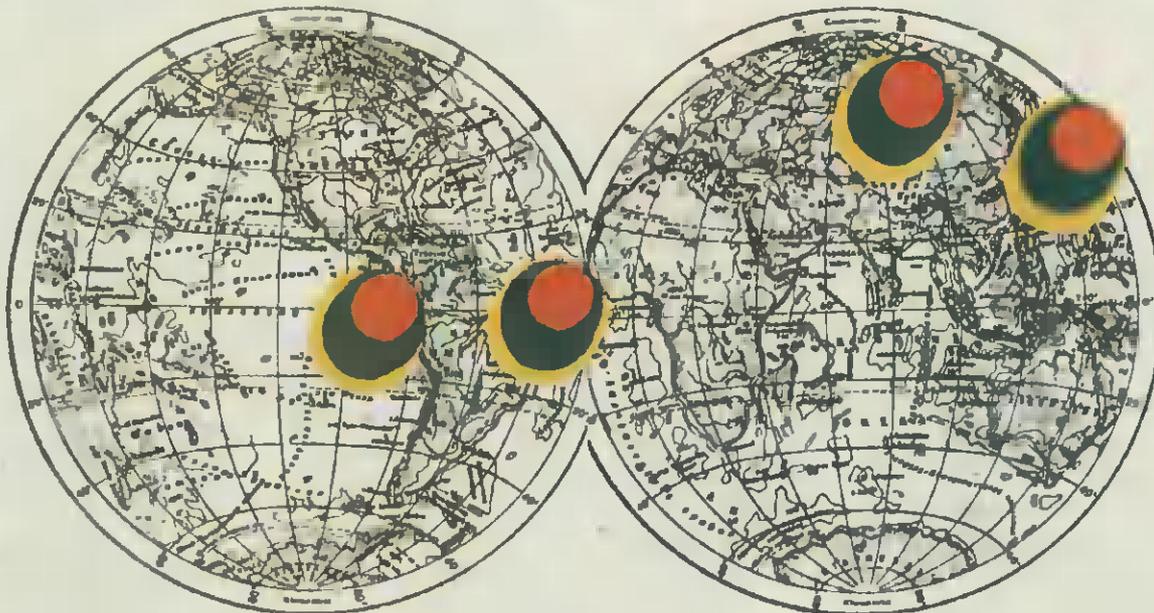
Татьяна Евгеньевна САВИЦКАЯ — филолог, культуролог. На основе противоречивых, а порой несовместимых симптомов (феминизм, новая религиозность, движение «новый век»), пытается определить «болезни» современной культуры и предугадать ее будущее состояние.

ВО ВСЕМ МИРЕ

Подземные шишки

На ядре Земли, на глубине 2900 километров, имеются выступы толщиной до

трехсот километров. С помощью сейсмических данных мюнхенскому геофизику Михаэлю Веберу удалось, наконец, доказать факт, давно предсказывавшийся численной конвекционной моделью.

Крупнейшие сгустки Вебер обнаружил под северной Сибирью, Японией, в средней части Атлантики и под побережьем Эквадора — в общей сложности они занимают три процента поверхности земного шара.

Возможно, на границе между ядром и мантией, там, где встречаются вязкотекучие силикатные породы мантии и жидкие сплавы железа земного ядра, обнаружен тот двигатель, что передвигает континенты по поверхности Земли.

Заслуженный отдых

Целая деревня специально для шимпанзе — нечто подобное вознамерился создать Фонд биомедицинских исследований в американском городе Сан-Антонио. Он располагает тридцатью семью обезьянами, инфицированными вирусом СПИДа в исследова-

они чувствуют себя обязанными обеспечить им спокойную старость (шимпанзе живут около пятидесяти лет). С этой целью в банк внесена уже солидная сумма, которая будет тратиться на нужды «пенсионеров» — обезьян — питание и строительство небольшой деревни в подходящем для них месте.

тельских целях. К счастью, ни у одного животного не обнаружено пока признаков заболевания. Другие одиннадцать шимпанзе заражены гепатитом.

Специалисты считают, что умертвлять животных после окончания эксперимента жестоко. Более того,

Следы остаются в древесине

Современные средства обработки информации позволили ученым Гамбургского университета определять по ископаемой древесине количество летних осадков в давно прошедшие времена. До сих пор по ширине годовых колец можно было оценить лишь совокупный результат действия всех окружающих факторов — температуры, осадков, насекомых-вредителей и тому подобного.

Исследователи выяснили, что величина сосудов в древесине непосредственно зависит от количества осадков, выпавших летом. Компьютерная программа автоматически определяет размер клеток и судит по

Рисунок Н. Васильевой

«...Так как орбиту Земли пересекают при своем движении свыше 100 астероидов с характерными размерами один километр и более, то вероятность их столкновения с Землей в будущем не равна нулю».

Два таких астероида уже приходили в «гости к нам» только в этом столетии и только на российскую землю — это Тунгусский и Сихотэ-Алиньский метеориты.

Ученые из московской ассоциации «Моделирование и прогноз катастроф» совместно с сотрудниками Института автоматизации проектирования РАН выполнили расчеты, где моделировали падение относительно скромного метеорита — рыхлого углестого хондрита диаметром в полкилометра и с весьма скромной скоростью сближения с Землей — сорок километров в секунду. Такое «заурядное» событие вызовет на поверхности планеты разрушения с линейным размером до тысячи километров.

Таким образом, «наши» метеориты, учинившие погром в масштабах только сотен километров, можно считать просто маленькими.

Исходя из размеров разрушений, ученые предлагают все метеоритные катастрофы измерять новой величиной — магнитудой, зависящей от энергий полета и удара. Тогда все бывшие и будущие катастрофы разделятся на локальные (разрушения в сотни километров), глобальные (более тысячи километров) и суперкатастрофы (более десяти тысяч километров разрушений). В последнем случае возможен даже «откол части материала Земли»...

- Нас ждут «подарки» с неба
- Кто и когда «открыл» созвездия?
- Очень странные аттракторы
- Палеозойские электролокаторы
- В Арголиде жарко

Кто и когда разделил небо над нашей головой на созвездия? Известно только, что разделенные на группы с присвоенными именами, они, как астрономы, пришли к нам из глубокой древности.

Наиболее полные и систематизированные астрономические наблюдения разных созвездий неба содержатся в поэме древнегреческого мыслителя Арата, жившего в III веке до новой эры, дошедшей до нас под названием «Феномены».

По мнению многих ученых, каталог Арата механически включает в себя и наблюдения, сделанные задолго до времени его составления, а следовательно, анализ этого каталога мог бы дать точные даты «открытия» созвездий древним человеком на небосводе.

Этой работой, в частности, занялись и сотрудники московского Института истории естествознания и техники РАН. Сравнив 48 созвездий древности с нынешними 88, ученые неожиданно обнаружили зависимость: чем больше площадь созвездия на небе, тем древнее дата его выделения и обозначения. Взяв поэтому только 23 наиболее древних созвездия из

собрания Арата и проанализировав их площади, измеряемые в квадратных градусах, исследователи пришли к следующему выводу. Самыми первыми древним человеком были выделены знаки нижнего космоса (воды), наблюдаемые обычно над горизонтом. Верхний космос был описан позднее и включал в себя созвездия вблизи зенита (летающие персонажи). Последними были поименованы группы звезд среднего космоса (антропоморфные персонажи).

Наконец, образуя три вложенных друг в друга кольца созвездий, они несколько должны были иметь в своем общем центре точку полюса мира, на которую была направлена тогда ось вращения Земли. Зная нынешний полюс мира (около Полярной звезды), ученым удалось вычислить и примерную дату первичного наблюдения и описания первых созвездий на небе — это произошло за четырнадцать тысяч лет до новой эры и где-то на географической широте в тридцать градусов.

Кстати, тридцатая параллель проходит прямо через Эль-Гизу и Каир и пересекает низовья рек Евфрат и Тигр.

Нашествия многих животных — мышей, гусениц, лягушек, саранчи — на места обитания человека носят порой удивительно регулярный характер. Причиной столь массовых миграций являются необъяснимые всплески численности той или иной популяции, излишек которой и отправляется потом в грабительские походы. Что-то подобное наблюдалось и в истории человека — викинги, испанские завоеватели Америки, кочевые империи азиатских степняков... Есть и другие примеры.

Долгое время ученые предполагали, что такие всплески численности популяций как-то регулируются внешними географическими и климатическими факторами.

Но вот, оказывается, эти популяционные механизмы могут срабатывать и без всяких внешних причин, что было только в 1981 году осознано исследователями. Популяционные кризисы могут развиваться сугубо за счет

внутренних причин, которые и были названы «странными аттракторами». Пример зарождения такого механизма «на ровном месте» изучили во владивостокском Институте автоматике и процессов управления ДВО РАН.

Здесь на компьютере смоделировали простую популяцию неких двухлетних организмов, составленную только из двух возрастных групп — детеныши и взрослые, способные давать потомство. Взрослые, родив детенышей, умирают. Предыдущие детеныши за это время успевают стать взрослыми.

При случайном и незначительном нарушении одной из этих групп неких пределов своей численности вся система приходит в неустойчивое состояние. Появляются биения — хаотические или даже циклические колебания численности. И это при полном спокойствии и стабильности во внешней среде.

Как известно, рыбы в воде обладают еще одним органом чувств — электрорецепторами. Эта способность имеется у большинства рыб, но особенно развита у акул и скатов. В принципе это приспособление — удачная находка эволюции, облегчающая жизнь обитателя прежде всего мутных и стоячих водоемов. По ничтожным электрическим сигналам, чужим и своим собственным, отраженным, водный обитатель может определить, враг или добыча перед ним, живое водное растение или мертвая коряга.

Куда столь ценное свойство деваается в эволюции потом? На этот вопрос ищут ответ ученые из Палеонтологического института РАН.

Оказывается, электрорецепторы были общим достоянием всех рыб палеозойской эры. Были они и у кистеперых — тех самых рыб, что первыми стали вылезать на сушу. От них-то потом пошли древние амфибии и рептилии.

Ученые-палеонтологи изучили ископаемые останки костей черепа многих представителей палеозойских и мезозойских рептилий и практически у всех обнаружили рудименты электросенсорных органов.

Для жизни на суше они были бесполезны, потому в эволюции они деградировали и утрачивались совсем. Из ныне живущих наземных позвоночных электросенсорная чувствительность сохранилась только у утконосов.

Солнечные курорты Европы и Азии теперь доступны многим «нашим»; можно считать, что это некая компенсация за утрату ставших суверенными пляжей Прибалтики, Крыма и Кавказа.

Какие опасности поджидают нашего курортника в дальнем зарубежье? Ведь солнечная радиация там посильнее, чем мы привыкли в Причерноморье. Комплекс исследований в этом плане предприняли санкт-петербургские ученые из Международного центра окружающей среды и дистанционного зондирования имени Ф. Нансена. Не шадя себя, труженики науки дождались наступления бархатного сезона и в сентябре 1993 года отбыли в Грецию. Здесь, на самом посещаемом пляже курорта в области Арголида, к ним присоединились коллеги, ученые из Афинского университета и одного из крупных частных медицинских центров.

Приборы, установленные прямо на жарком песке, у самой кромки воды, показали, что за неделю безоблачной погоды содержание озона в атмосфере над Грецией, пониженное все лето, стало с ослаблением жары повышаться, а интенсивность опасной для человека ультрафиолетовой радиации, наоборот, стала понижаться. Что и подтверждает известную пользу отдыха именно в бархатный сезон.

Медицинские данные о минимальной дозе УФ-радиации, вызывающей начальное покраснение белой кожи отпускника, однако, показывают, что и сентябрьское солнце Арголиды еще не безвредно — первичный ожог может быть получен уже за первые несколько минут.

3 4 5 6 1 5 8

3 4 5 6

3 5 2 7 8

0 6 8

THE

1 2 3

7 8

2 8

7 8

2

1 2 3 4 5 6

8 7 3

4 5 7 8

3 9

8 9

1 2 3 5 9

ART

Георгий Малинецкий

Высшая школа глазами математиков

Математики, как французы: все, что им говорите, они переводят на свой язык, и это тотчас же становится чем-то совершенно иным.

И.В.Геге

Как смоделировать «тихоокеанского тигра»?

Две с половиной тысячи лет назад известного исследователя Конфуция, который консультировал по различным проблемам в Китае, спросили, что нужно для процветания государства. Он ответил, что нужны три вещи — много хлеба, сильное войско и надлежащее состояние умов. Последнее, как мы знаем, самым тесным образом связано с высшей школой. О высшей школе, о ее любопытных взаимосвязях с другими социальными институтами, о попытках понять их, опираясь на современные меголы математического моделирования, и пойдет речь в этой статье.

Сначала были простые вопросы. Поставьте себя на место великого и всемогущего правителя, который в своем царстве постоянно сталкивается с временными финансовыми трудностями, спадом производства и растущим дефицитом бюджета. К вам поочередно являются мудрые визири и предлагают замечательные проекты. Один рекомендует сбросить «хомут» высшей школы с «государственной шеи» и начать ее приватизацию. Другой советует, не мешкая, «спустить проблемы в регионы» — пусть у местных падишахов болит голова. Третий считает необходи-

мым закрыть половину или хотя бы треть всех вузов. Народ помельче суется с «гуманизацией», «гуманитаризацией» и «демократизацией». Как тут быть? Гнать визирей в три шеи или немедленно принять проекты к исполнению?

Нам с вами трудно представить себе сумму в триллион рублей. И еще труднее сказать, достаточны ли те триллионы, которые записаны в бюджете на 1995 год, для финансирования существующих институтов. Или они просто плохо тратятся, по странной случайности не попадая в наши карманы? Наверно, это все же зависит от того, чего мы хотим от институтов. А чего мы, собственно, хотим?

Надеюсь, что депутаты, министры и вице-премьеры постоянно задают себе эти вопросы. Заместитель председателя Государственного комитета по высшей школе, известный психолог В.Д. Шадриков решил адресовать их еще и математикам, специалистам по моделированию и системному анализу. Чтобы научиться отвечать на них, была создана небольшая группа под началом заведующего кафедрой математического моделирования Ярославского государственного университета С.А. Кашенко, состоящая в основном из сотрудников этого университета, а также исследователей из Института прикладной математики имени М.В. Келдыша Академии наук. Вошел в нес и ваш покорный слуга.

О некоторых выводах, к которым мы пришли, наверно, интересно узнать читателям, равнодушным к судьбам высшей школы. Речь пойдет и о самом математическом моделировании сложных систем. Для моделирования, как для любой серьезной вещи, переоценка ее возможностей еще более опасна, чем недооценка.

Задача, с которой мы столкнулись, очень необычна. Прежде всего, масштабы системы образования поражают воображение. В России в той или иной форме получают образование около 35 миллионов человек. Поэтому стратегические решения в этой области непосредственно касаются миллионов. Или другая любопытная цифра. По доступным нам данным, обучение одного студента в России обходится в сто долларов в год, США тратит сумму в одиннадцать тысяч. Почти в сто раз больше. Для простоты предположим, что мы тратим на студента столько же, но и получаем такую же отдачу от каждого специалиста. Несложная арифметика, которой

часто пользуются американские эксперты, имея в виду их систему образования, показывает, что мы с вами должны получать ежегодный доход от наших инженеров, учителей, врачей и прочих специалистов от пятидесяти до ста миллиардов долларов. Напомню, что весь бюджет России в 1994 году составил около двухсот миллиардов. То есть речь идет о сумме, составляющей от четверти до половины государственного бюджета. Где же они? Почему их нет? Мне возражат, что у нас неравновесные цены и вообще так считать нельзя. И будут правы. Я сам люблю говорить эти слова. Просто важно понять, что же надо сделать, чтобы в нашем отечестве можно стало так считать.

В XX веке в различных странах проводилась различная образовательная политика. Есть примеры впечатляющих реформ. Только два из них.

С начала пятидесятих годов однопартийным режимом Тайваня была развернута широкая программа развития высшего образования. Начиная с шестидесятых годов, каждый третий выпускник школы становился студентом университетского колледжа. В отсутствие собственных университетов значительная часть выпускников была отправлена за государственный счет в США и Канаду. Несмотря на тяжелую экономическую ситуацию, уже в эти годы число студентов «на душу населения» превышало аналогичный показатель в Великобритании. Все это позволило, несмотря на бедность ресурсов, вывести страну в восьмидесятых годах в число «тихоокеанских тигров». В настоящее время валовой национальный продукт Тайваня превышает четверть этого показателя для громадного Китая. Здесь, как и в ряде других случаев, успешным экономическим реформам предшествовали большие «опережающие» вложения в образование в сложной экономической ситуации. Эти вложения являлись не следствием, а одной из важных предпосылок успеха.

В качестве другого примера можно привести программу широкомасштабного повышения интеллектуального и технологического потенциала Японии в семидесятых годах. В 1965 — 1968 годах в Японии выдвигалась задача воспитания «творческих личностей». Правительственные эксперты в те годы утверждали: «Чтобы Япония сохранила высокие темпы роста, должна быть создана система технического образова-

ния, предусматривающая воспитание творческих способностей взамен воспитания способностей воспринимать или копировать технические достижения других стран».

Есть еще одно обстоятельство, придающее этому кругу задач особый интерес. Экономисты научились неплохо считать рубли, доллары, тонны, единицы произведенной продукции. При планировании бюджета в области образования речь прежде всего идет не о «произведенной продукции», а о возможностях государства, о вложениях в будущее. И здесь все гораздо сложнее. На вопросы здесь отвечать так же трудно, как на восклицания школьников: «Зачем нам английский язык, мы же не англичане?» Однако, планируя образовательную политику, отвечать на такие вопросы совершенно необходимо.

В работе, о которой идет речь, были выделены три функции высшей школы. Первую можно образно назвать «передачей генетического кода общества». Это передача следующим поколениям моральных и этических норм, традиций, принятых в обществе.

Вторая функция — подготовка элиты, тех людей, которые со временем возьмут на себя принятие стратегических решений в разных областях.

Третья — собственно массовая подготовка квалифицированных специалистов, передача профессиональных стандартов. Об этой третьей функции и пойдет речь. Это совсем не значит, что с первыми двумя функциями все нормально. Скорее наоборот. Но это отдельная тема и здесь нужны совершенно другие методы анализа.

Разные процессы в обществе происходят на разных характерных временах. Шкала масштабов выглядит примерно так: технологические и технические нововведения — десять — пятнадцать лет, изменение уровня образования, качества подготовки специалистов — пять — десять лет, экономические реформы — три — пять лет, изменение стереотипов массового сознания под действием средств массовой информации — один — три года, решения политического руководства — недели — месяцы, катастрофы, стихийные бедствия, возникновение религиозных и этнических конфликтов — дни — недели. Как видим, процессы, связанные с образованием, располагаются на средних временных масштабах, но они, разумеется, связаны и с явлениями, происходящими

в другие времена. Поэтому, прежде чем моделировать, надо сделать упрощения. Нужно каким-то образом вынуть часть из целого, понять ее, а потом выяснить, как эта часть на целое влияет. Откровенно говоря, это ахиллесова пята в моделировании большинства сложных систем.

Например, можно сделать упрощение, предположив, что, с одной стороны, не произойдет «быстрых процессов» — широкомасштабных конфликтов, революций, катастроф, меняющих ключевые процессы в обществе. С другой стороны, не очень изменятся радикально «медленные процессы». К примеру, не произойдет существенных изменений климата, окружающей среды, не появятся открытия, делающие, скажем, сельское хозяйство или другие секторы экономики ненужными. Перечисленные предположения — весьма небольшая часть тех допущений и условностей, которые приходится принимать. Их анализ — важная часть всего процесса моделирования.

В квантовой механике чтобы объяснить, как удастся электрону в одних случаях быть волной, а в других — частицей, пришлось ввести принцип дополнителности, фиксирующий эту принципиальную трудность. Но это только бледное подобие того, с чем сталкиваются специалисты, моделирующие сложные системы. Искусство заключается в том, чтобы понять, какими моделями в каких случаях надо пользоваться и как связаны они между собой. Если выявить взаимосвязи удастся достаточно строго и разумно, то говорят, что построена иерархия моделей. Большинство построенных иерархий относится к физике, предпринимаются попытки построить их в ряде областей химии, большие трудности возникли при их построении в экономике. Имея в виду этот идеал, в других областях пока приходится довольствоваться гораздо меньшим.

Взгляд сверху

В настоящее время люди особенно ждут более глубокого диагноза, особенно готовы принять его и испробовать на деле все, что будет казаться имеющим хоть какие-нибудь шансы на успех.

Дж. М. Кейнс

Честно говоря, мы думали, что наша задача будет значительно проще. Посмотрим зарубежные моде-

ли, выясним, что в них не подходит для описания нашей реальности, внесем коррективы. Потом уже дело за компьютерами, разумной постановкой вопросов и определением параметров, входящих в модель. Но не тут-то было. Оказалось, что таких моделей практически нет.

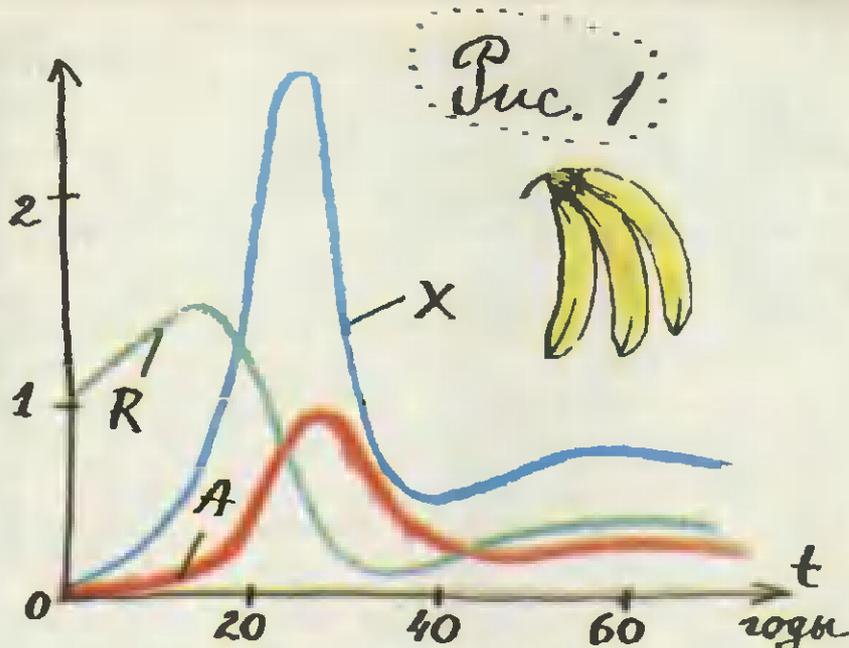
Но, с другой стороны, это и естественно. Если вы собираетесь затратить сто пять рублей вместо ста на науку и образование, вам, вероятно, нужны совсем другие модели, чем те, которые предсказывают, что произойдет, если сократить расходы вдвое или втрое. А ведь именно в последней ситуации мы и находимся.

Давайте попробуем взглянуть на сферу науки и образования «с птичьего полета» и посмотреть, как влияет эта сфера на экономику государства. В научной статье тут можно было бы выписать уравнения, которые мы вывели, пояснить, что откуда взялось и что в конце концов получилось. Но научно-популярный жанр имеет свои достоинства. Он позволяет сказать о традиции и стиле, в котором мы работали, и нарисовать цветные картинки, создающие обманчивое впечатление легкости.

Среди выдающихся ученых нашего столетия видное место по праву занимает Джон Мейнард Кейнс. Этот разносторонний человек был заместителем канцлера британского казначейства, председателем Совета по поддержке музыки и искусства, редактором журнала «Нэйшн», организатором балетной труппы Камарго, прекрасным игроком на фондовой бирже, нажившим на этой игре личное состояние в два миллиона долларов, а также выдающимся деятелем литературного и художественного авангарда. Между этими делами он совершил научную революцию в анализе экономики, сделавшую его одним из самых влиятельных и блестящих экономистов всех времен.

Он заложил основы современной макроэкономики, которая изучает ведение хозяйства на уровне государства и оперирует такими понятиями, как уровень жизни, уровень цен, валовой национальный продукт. Оказалось, что на уровне государства многое происходит совсем

1. Кривые показывают, как меняются ресурсы (зеленая кривая), объем производства (синяя) и научно-технический потенциал (красная) в Анчурии с течением времени, если экономика невосприимчива к нововведениям. В конце концов страна оказывается в положении банановой республики.

Г. Малинецкий.
Высшая школа глазами математиков

не так, как на уровне отдельной фирмы. У целого появляются свойства, которыми не обладает ни одна из частей. Кейнс дал блестящий пример учета безработицы и уровня зарплаты — факторов, не входящих в классическую экономическую теорию. Его теория обосновала необходимость активной государственной политики в области экономики. Кризис тридцатых годов и новые реалии послевоенной экономики в большой степени подтвердили правоту и плодотворность этого подхода.

Другим большим подспорьем стала «теория человеческого капитала», родившаяся в шестидесятых годах в США. В соответствии с ней расходы на повышение образовательного уровня представляют собой исключительно выгодный тип капиталовложений. При этом общество в целом выигрывает намного больше, чем его конкретный член, получающий образование.

Модели нобелевских лауреатов в области экономики порой бывают поразительно просты. Кривые спроса и предложения, которые они предлагают, позволяют давать советы премьерам и президентам. У нас так просто не получилось. Нам понадобились по крайней мере три переменные, характеризующие состояние и развитие общества. Объем производства, точнее, его часть, используемая на поддержание, возобновление и использование ресурсов, — X — синяя линия на рисунках. Объем доступных ма-

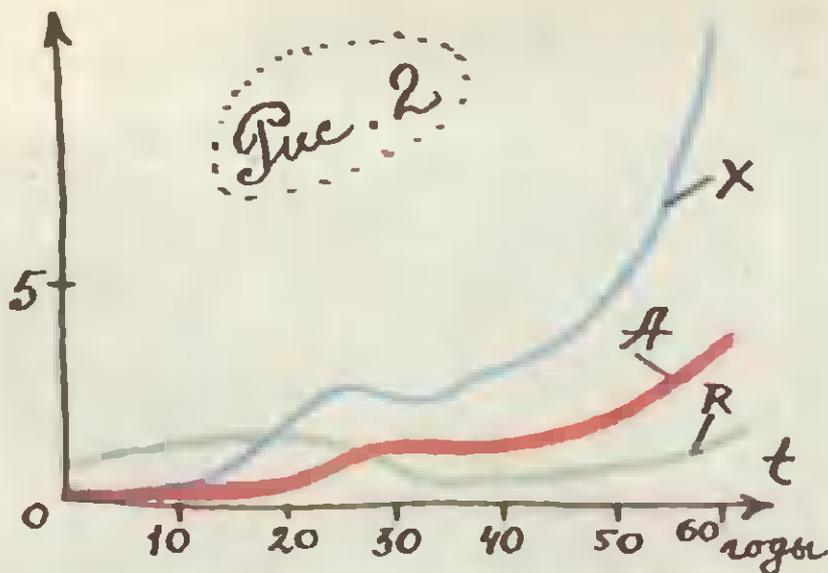
териальных ресурсов — R (зеленая линия). Объем интеллектуальных ресурсов — A (красная линия) — включает созданные или освоенные технологии, уровень образования, научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки. Это понятие во многом близко к понятию «человеческий капитал».

В этой модели есть два важных параметра. Параметр «а» показывает, насколько велика доля национального продукта, идущая на образование и науку. Параметр «в» показывает, насколько экономика и общество восприимчивы к результатам изысканий и новшествам в сфере технологий.

Давайте еще более упростим себе жизнь. Будем иметь дело не с российскими, американскими или японскими реалиями, а с мифической страной Анчурией. Этой стране так повезло, что она вообще не имеет военного сектора экономики и алчных соседей. Итак, поставьте себя на место премьеры или, на худой конец, вице-премьера любимой богами Анчурии. Вызовите математиков и поинтересуйтесь, что день грядущий вам готовит.

Вариант первый, показанный на рисунке 1. У Анчурии большая территория и богатые ресурсы, как невозполнимые, так и восполнимые. К первым могут относиться нефть, газ, уран, другие руды, ко вторым — лес, пушнина или, например, бананы. Они активно используются. Происходит индустриализация. В течение первых тридцати лет идет

«Знание — сила»
Октябрь 1995

2. Восприимчивость экономики гораздо выше, и Анчурия совершает «технологический рывок», выводящий ее в число развитых стран. Обратите внимание на масштаб по вертикали. Он совсем не такой, как на рисунке 1.

быстрый рост производства. Оно возрастает примерно в пятьдесят раз. Интеллектуальная сфера неплохо финансируется и вырастает почти в тридцать раз. Однако восприимчивость экономики низка. Сделанные открытия и созданные технологии практически не используются в производстве. Поэтому рост производства сопровождается быстрым истощением природных ресурсов. Когда их объем падает ниже определенной черты, начинается быстрый, почти катастрофический спад (на графике 32 — 35 лет). За пять лет производство падает почти в пять раз, а потом стабилизируется на уровне, отвечающем потреблению только возобновляемых ресурсов. Поэтому там и нарисованы бананы.

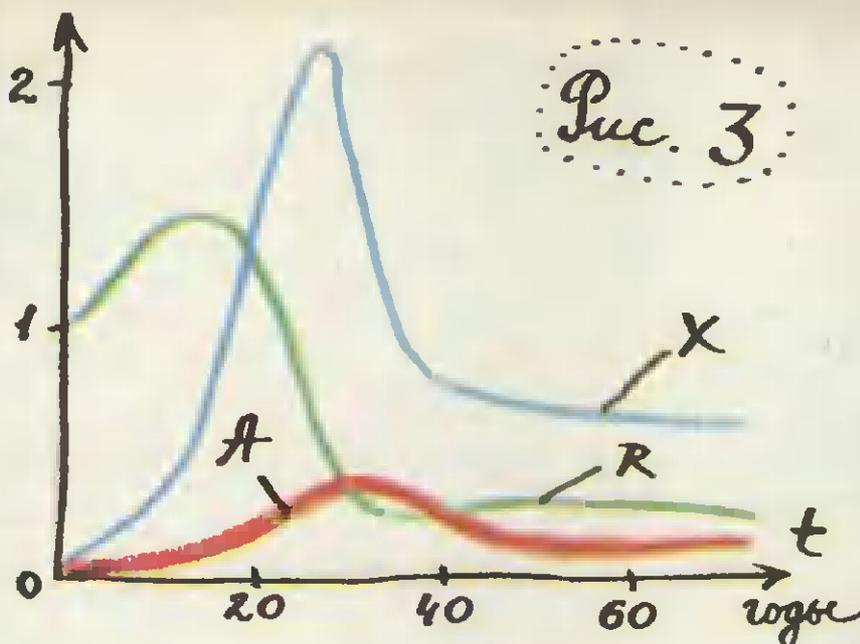
Когда мне довелось обсуждать проблемы Анчурии с экспертом Всемирного банка реконструкции и развития, он объяснил мне, что их математики получают похожие кривые для России и что это очень неплохой вариант. У меня на этот счет другое мнение.

Ну а теперь резко увеличим «параметр усвоения и новаций» до 1,5. Это приводит к довольно стабильной ситуации в период истощения ресурсов, и хотя производство падает на тридцать процентов, затем оно быстро восстанавливается и устойчиво растет (рисунок 2). Здесь мы наблюдаем ситуацию, когда общество достигает некоего уровня развития, после чего происходит смена основных ресурсов, за счет

которых шло развитие, и дальнейший рост обеспечивается интеллектуальной сферой. Например, к моменту, когда кончится нефть, Анчурия успеет стать «законодателем мод» в области микроэлектроники, материалов с заданными свойствами, разовьет систему коммуникаций, без которых другим странам уже не обойтись.

Когда компьютер начал рисовать нам похожие картинки, мы поняли, что похожие выводы делают и некоторые политологи и экономисты. Они подразделяют все страны на государства первого, второго и третьего поколения. В государствах первого поколения акцент делается на таких отраслях, как машиностроение, производство энергии, высокопроизводительное сельское хозяйство, большая химия. Основное значение имеют минеральные ресурсы. В государствах второго поколения основу экономики составляют наукоемкие технологии — микроэлектроника, вычислительная техника, биотехнология, малотоннажная химия. Ключевое значение приобретают образовательный уровень населения, технологическая культура, психологические установки. Наконец, в государствах третьего поколения основной продукт составляет новые технологии и новые идеи. При этом важнейшим ресурсом становится творческий потенциал элиты общества. Высшая школа в случае успешного развития государства дает возможность переходить от одних ресурсов

3. Все параметры в этом варианте такие же, как на рисунке 2, однако финансирование науки и образования сокращено вдвое. Траектория развития страны кардинально меняется.

к другим, от производства машин к производству идей. Практика показывает, что это позволяет в наибольшей степени сохранять окружающую среду и повышать качество жизни.

Наверно, после таких бесед с математиками вы, вдохновившись светлыми перспективами и высоким уровнем восприимчивости экономики страны, с присущей вам государственной мудростью и анчурским размахом, решили вдвое сократить финансирование науки и образования. Настырные математики покажут, что будет и в этом случае (рисунок 3). Здесь к критическому моменту спада производства развитие интеллектуальной сферы не достигло необходимого уровня и не смогло оказать заметного влияния на развитие общества. Почти как на рисунке 1. Так что, может, вообще на образование не тратиться..?

Взгляд снизу

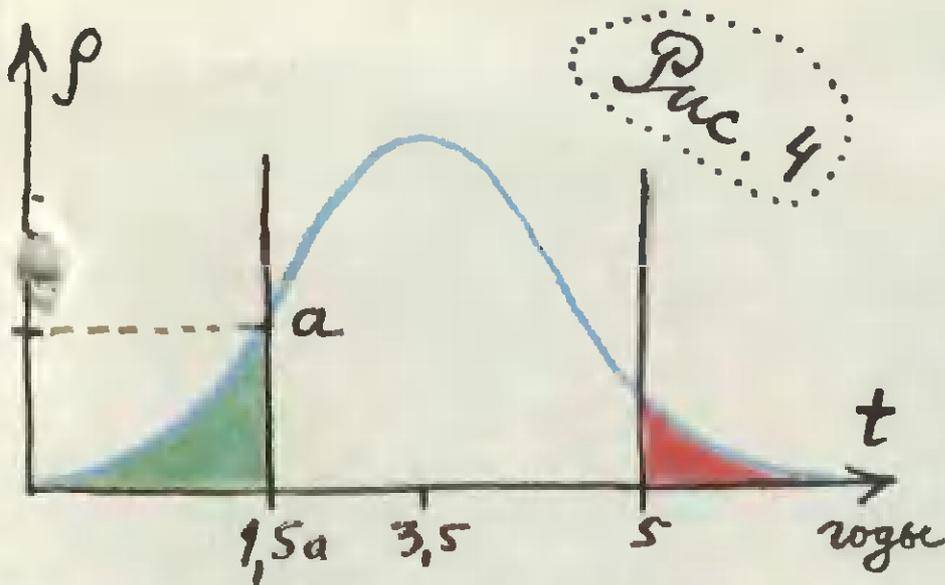
Давайте от триллионов, государственных масштабов, национальных приоритетов перейдем к вещам более прозаическим и обратимся к одному конкретному студенту. На что он может надеяться, приходя в вуз, а затем начиная работать по специальности?

Одно из выдающихся достижений науки XX века, несомненно, составляет исследование внутреннего мира человека, «психологической реальности». Эта реальность существует независимо от того, что

мы о ней думаем и как к ней относимся. Она существует объективно. Она имеет свои, экспериментально установленные законы. Поэтому можно надеяться, что методы точных наук будут полезны и в этой сфере.

Развитие научного направления, называемого математической психологией, в течение последних двадцати лет показывает, что эти надежды оправдываются. Разумеется, реальность реальности рознь. Одно дело моделировать течение жидкости, химические реакции, движение небесных тел и совсем другое — описывать сознание, восприятие, принятие решений. Математика здесь нужна другая. Об этом говорят и названия популярных в математической психологии теорий — «алгебра совести», «геометрия субъективных пространств», «анализ целесообразного поведения с помощью конечных автоматов», «теория риска». Излюбленным и наиболее разработанным разделом этой науки является теория обучения.

Ее начало было положено в 1885 году Х.Эббингаузом. Этим ученым был поставлен замечательный эксперимент, показавший, что у самых разных людей забывание и запоминание последовательности бессмысленных слогов подчиняется одному и тому же закону. Впрочем, как было установлено в восьмидесятых годах нашего века, освоение сложных навыков, например, профессии оператора атомных стан-

4. Синяя кривая показывает, какова доля студентов, которые смогут в течение пяти лет получить полноценное образование. Площадь под синей кривой равна единице. При нормальной ситуации эта доля равна всей площади под кривой без красного заштрихованного участка. Ухудшение социально-экономической ситуации в высшей школе приводит к тому, что она сокращается до площади заштрихованного зеленого участка.

ций, происходит несколько иначе. Оно носит, как говорят математики, пороговый характер.

Другими словами, после того как затрачены определенные усилия (например, вложено определенное число часов активной работы по освоению материала), происходит переход на другой уровень, качественный скачок. Здесь количество решенных задач, прослушанных курсов, практических занятий переходит в новое качество знаний и навыков. Именно тогда из студента рождается специалист. Если же эту «критическую черту» перейти не удалось, то со временем начинается откат назад.

Эти представления стали основой микромоделей высшего образования. Крылатое выражение, что научить человека — это не наполнить сосуд, а зажечь огонь, приобретает в ней точный и конкретный смысл. Образование сродни разжиганию очага. Кусок угля можно нагревать очень долго, но до низкой температуры или интенсивно, но кратковременно — результат будет один. Уголь не загорится. Но если нагревать как следует, то он сам начнет давать свет и тепло. А много ли тепла? Тут мы приходим к самой сути высшего образования.

Спросим себя, почему в нашей технологической цивилизации вообще возможен такой феномен, как достаточно массовое высшее образование. В самом деле, в средние века ничего похожего не было. Овладение большинством ремесел требовало относительно короткого

обучения по принципу «делай, как я». Обучение переписыванию рукописей, изготовлению предметов роскоши, богословию никак нельзя назвать массовым. Это гораздо ближе к современному элитарному образованию.

Массовое образование, по-видимому, стало возможным в XX веке потому, что количество «сэкономленного» общественно необходимого времени, которое общество может получить от подготовленного в вузе специалиста, в шесть — десять раз превышает затраты на его подготовку. Информационная лавина и возможность быстрой смены технологий позволяют высшей школе работать в режиме «реактора-размножителя» компетентных специалистов.

Однако вернемся к микромоделю. Многие авторитетные психологи утверждают, что способности людей неплохо описываются гауссовой кривой. Качественно это означает достаточно очевидный факт, что большинство людей обладают средними способностями, а людей очень талантливых или на редкость бестолковых совсем немного.

Допустим, мы располагаем тестом, который позволяет качественно оценить некий показатель, характеризующий способности в определенной области. Обозначим его через T . Методик по определению таких показателей сейчас существует великое множество.

Результаты тестирования обычно неплохо описываются упоминав-

шейся гауссовой кривой, показанной на рисунке 4 (хотя обычно людей с низкими способностями чуть побольше). Пользоваться этой кривой очень просто. Допустим, нас интересует доля людей, у которых способности ниже какого-нибудь уровня «а». Величину «а» можно сравнить с высотой, на которой установлена планка в секторе для прыжков. Проводим перпендикуляр к оси T из точки «а». Доля людей, которые не в состоянии преодолеть эту планку, определяется площадью заштрихованной красным фигуры.

Какое отношение имеет эта кривая к нашей высшей школе? К сожалению, непосредственное. Отложите по оси T время активных занятий, необходимое для того, чтобы студент стал специалистом. Это не обычное календарное время. «Выслуга лет» здесь не в счет. Если студент в состоянии уделять полноценной учебе один или два дня в неделю, зарабатывая на жизнь в остальное время, то календарное время будет намного больше. То есть в пять студенческих лет укладывается все меньше времени для нормальной полноценной учебы. «Планка» поднимается. Вертикаль на рисунке 4 сдвигают влево не только нищенская стипендия, материальные неурядицы и отслужившее оборудование. Конечно, грустно, когда лекции приходится слушать в пальто, потому что нет денег на отопление. Но это не главное. Было бы что слушать. А это зависит от того, на скольких работах приходится одновременно работать преподавателю. От того, какую долю прожиточного минимума составляет его зарплата, и от многого другого. Здесь много поразительных фактов, серьезных факторов, объективных причин, но итог один. За последние три года планка резко поднялась и миновать ее под силу только очень способным энергичным людям, уверенным в необходимости получить высшее образование. Тем, кто по своим данным и довузовской подготовке попадает в «зеленую область» на рисунке 4. Зона «риска потерять пять лет», занимавшая красную область кривой, теперь занимает почти все, кроме небольшого зеленого участка.

По нашим расчетам, опирающимся на социологические данные, шанс стать полноценным специалистом и десять лет после окончания вуза проработать по выбранной специальности есть только у одного из сотни студентов, поступивших в 1994 году. Не очень много, не правда ли? Отбор будет отличный и люди, вероятно, будут отобраны прекрасные. Просто их будет столько, что поддерживать экономику небольшой страны третьего мира им будет не под силу, не говоря уже о России.

И в том, что касается триллионов, дела обстоят не славно. Доля расходов на высшее образование в бюджете явно недостаточна. Но дело даже не в этой доле, а в том, что пирог очень мал. Сравнить эту долю «с уровнем развитых стран» неправомерно. Сравнить приходится жизненный уровень студентов и преподавателей с уровнем нищеты и уровнем выживания. Получается, что стабилизация высшей школы и обеспечение ее деятельности требуют примерно в пять раз большей суммы, чем та, что заложена в бюджете на 1995 год. Комментарий, вероятно, не требуются.

Да, возможны достаточно жесткие реформы, развитие негосударственного сектора, совершенствование программ и определенное изменение образовательной политики. Но это члены следующего порядка малости. Вероятно, в Китае времен Конфуция тоже не все было просто. Поэтому мудреца спросили, чем же можно пожертвовать в случае крайней необходимости. «Армией, — был ответ, — даже хлебом, но ни в коем случае не состоянием умов». Построенная система математических моделей и ее компьютерный анализ подтверждают этот вывод. Жертвовать наукой, высшей школой, состоянием умов действительно нельзя. ●

Георгий Геннадьевич МАЛИНЕЦКИЙ, доктор физико-математических наук, заведующий сектором нелинейной динамики в Институте прикладной математики имени М.В.Келдыша АН, уже неоднократно и с успехом выступал в журнале.

Вторая жизнь старой бумаги

В наши дни мусорные свалки многих стран переполнены. Особенно забиты они бумагой. От нее необходимо избавляться. Но как? Вторичное использование бумажного сырья для изготовления новой бумаги даже в США не превышает пока десяти процентов.

Фонду защиты окружающей среды удалось все же убедить шесть ведущих американских полиграфических компаний покупать в течение следующего десятилетия больше бумаги, изготовленной с использованием десяти процентов бумажных отходов. Президент Клинтон распорядился, чтобы федеральные и военные ведомства приступили к закупке бумаги с двадцатипроцентным содержанием переработанной волокнистой массы, а к концу 1998 года даже с тридцатьюпроцентным ее содержанием.

Сети — мины

Использование рыболовными судами азиатских стран дрейфтерных сетей некоторые специалисты по охране природы называют «биологическим минированием морей». Рыболовные суда Японии, Южной Кореи и Тайваня используют в Тихом океане сети общей длиной до сорока тысяч миль. И каждую ночь в них запутываются десятки тысяч морских млекопитающих, черепах, птиц и рыб. В своем отчете Конгрессу министр торговли США отметил, что флотилии этих стран с дрейфтерными сетями уже оказали значительное влияние на популяции длинноперого тунца, северного морского котика, по крайней мере восьми видов птиц, а возможно и лосося,

который иерестится в североамериканских водах. США провели недавно переговоры с Тайванем и Японией, а также заключили временное соглашение с Южной Кореей, что позволяет американским специалистам проводить проверку судов на предмет выявления незаконной ловли лосося, а также оценку экологического воздействия дрейфтерных сетей.

С музыкой все идет на лад

Необычную заявку на патент подал Жоэль Штернбергер. Французский физик и музыкант решил защитить права на мелодии, которые, по его мнению, помогают росту растений.

В основу мелодий Штернбергера положены квантовые вибрации, возникающие при образовании белка из отдельных аминокислот. Эти-то вибрации композитор и передает звуковыми средствами. «Каждый тон — это многократно усиленная оригинальная частота, возникающая при складывании аминокислот в привычную цепочку; длительность тона соответствует длительности этого процесса», — поясняет Штернбергер. «Если растения услышат «правильную» мелодию, они вырабатывают

большее количество данного вида белка», — продолжает автор.

И эксперименты, которые провел Штернбергер, подтвердили плодотворность подобного музыкального метода. Каждый день в течение всего лишь трех минут он «подкармливал» помидоры музыкой, и они вырастали в два с половиной раза быстрее, чем обычно, и были слаще на вкус. Кроме того, исследователю удавалось справиться и с инфекцией помидоров, наигрывая определенный музыкальный «антивирусный фермент».

Велосипедная сирена

Велосипедисты очень часто не могут предупредить пешеходов и водителей автомобилей о своем приближении из-за слишком тихих звонков. Калифорнийская фирма предложила новый клаксон для велосипеда, который слышно даже при закрытых окнах автомобиля. Одна из кнопок клаксона предназначена для городского движения и при нажатии на нее издает звук, напоминающий сирену полицейского автомобиля. Вторая кнопка — для загородного движения, и этот звук напоминает колокольный звон. Работает клаксон на батарейках.

Хаоса в природе нет?

Курьер науки и техники

Последние десятилетия нелинейная физика доказывает нам, что все в мире подчинено неким закономерностям и ничего случайного быть не может. Что-то этот тезис напоминает? Кажется, про волос с головы, что не упадет без веления свыше...

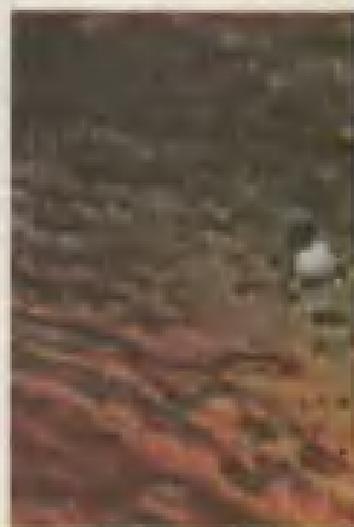
Но мы, воспитанные в духе торжества вероятности, случайности и всего прочего, диктуемого вторым началом термодинамики, в это не слишком верили. Хаос был, есть и будет, что бы ни напридумывали хитроумные физики против него в своих построениях. Ведь хаос, в теоретическом смысле, разумеется, поддерживается еще и авторитетом главного достижения физики двадцатого века — квантовой механикой. Она подтверждается опытом, а опыт, сын ошибок трудных, в свою очередь держится на представлении об изначальном хаосе в природе.

И тут нас не свернуть с материалистической платформы, на которой, как на танке, мы некогда выехали из ворот провинциальных университетов в большую жизнь.

Есть море опытных данных как из арсенала науки, так и из повседневной жизни, где суть вещей вполне описывается линейными, в случае простых физических систем, и вероятностными — в случае сложных. Иного как бы и не дано.

Однако иное есть. Его не более чем капля в том море опытных данных, но оно и не линейно, и не вероятностно. Оно — нелинейно.

Когда физики между собой говорят об этой капле данных, то, чтобы

им было яснее, а нам, соответственно, непонятнее. Они пользуются для ее описания словами «диссипативная структура», «странный аттрактор», «нелинейная динамическая система», «автоволновой процесс»...

Требуется терпение, чтобы перевести это сложное толкование на простой язык. И после перевода действительно видишь, что речь идет о вещах необычных. Точнее, о возникновении макроскопического порядка из хаоса микроскопических частиц.

Иногда — очень редко — такое действительно происходит, хотя мы, сидя на своей «платформе», привыкли к обратному, к распаду макроскопического порядка именно на хаос микрочастиц. Например, была гора, высокая такая, стройная, но прошли годы и тысячелетия, ветры истории и обычные, атмосферные, превратили ее в пыль, разнесли по степи. Это нормально, это по-нашему, по законам линейной и вероятностной физики, согласно тому, чему нас учили в вузах.

Но чтобы наоборот? Есть и наоборот. Проводивший исследования феноменов нелинейного поведения природных физических объектов доктор физико-математических наук из нижегородского Института прикладной физики РАН М.И. Рабинович приводит факт, известный из геологии. Некоторые потухшие вулканы, горы в обычном понимании, когда-то возникли, оказывается, буквально на ровном месте. Два слоя расплав-

ленной литосферы, где нижний разогрет намного сильнее верхнего, обмениваются теплом и веществом таким образом, что теплоперенос вверх приводит к образованию регулярных крупных структур в верхнем слое. Застыв, они теперь являют собой гигантские правильные группы кратеров с шестиугольными стенками. (Наш журнал уже писал о наблюдении таких феноменов в 1991 году: в номере 11 см. заметку «Кратер-шестигранник».)

Есть и другие, менее значительные факты нелинейного поведения, включая, может быть, даже самую жизнь...

Дело, однако, в другом. С мировоззренческих позиций надо наконец решить, чему подчинено все сущее — хаосу или порядку?

Нелинейные физики говорят — порядку. Любой хаос, оказывается, может быть «призван к порядку» путем добавления к его описанию еще одной координаты. Непонятно? Нам тоже. Говорят, например, что те же молекулы в своем тепловом движении хаотичны, но этот беспорядок якобы наличествует только в трех координатах пространства. А вот если добавить сюда еще некую четвертую координату (не временную, а пространственную), то все частицы будут двигаться по закономерным и заранее прогнозируемым траекториям. В четырех координатах они же, те самые частицы, будут вести себя полностью упорядоченно.

И так можно, говорят, поступить с любым хаосом, с любым вероят-

ностным и случайным процессом. Стоит взглянуть на него с позиции еще одного дополнительного измерения, как процесс тут же станет закономерным.

Сказанное понять сложно, но можно. И для этого сгодится следующий пример.

Возьмем лист бумаги (пространство двух измерений) и бросим на него горсть песка. Песчинки рассыпятся по листу совершенно случайным образом. А теперь возьмем иголку с ниткой и прошьем лист, тыкая иголкой в каждую точку, где оказалась песчинка.

Долгая работа вознаградится сторицей — через какое-то время все точки случайного падения песчинок будут увязаны между собой строгой закономерностью — нитью. Теперь нить — это уже график функции, но только в пространстве трех измерений. А эта функция вполне позволяет теперь прогнозировать и точно вычислять положение каждой точки (каждой песчинки) на плоскости листа.

Отсюда и ответ. Хаос в пространстве n измерений может оказаться закономерным порядком в пространстве $n+1$ измерений. А «настоящий» хаос должен быть хаосом всегда, даже при бесконечномерном устройстве пространства.

Формально вроде бы логично и убедительно. Но что это за дополнительные координаты, без которых хаос всегда остается хаосом, кто это может объяснить?..

С. Самойлов

Бенно Мюллер-Хилл

Наука, истина и другие ценности

Истинно и другие истина, Наука,

Чтобы заниматься защитой прав человека, требуются немалые смелость и энергия. Еще большая отвага нужна, чтобы немецкому ученому исследовать проблему геноцида в Германии.

И не просто исследовать, и написать затем книгу

«Убийственная наука: устранение путем научной селекции евреев, цыган и других в Германии (1933 — 1945)».

Всеми этими качествами обладает выдающийся молекулярный генетик Бенно Мюллер-Хилл, чья безупречная репутация и неподкупная честность заставляют ученых всего мира прислушиваться к его мнению. Тем интереснее узнать, что думает ученый о состоянии современного научного сообщества.

Постижение того, как работает природа, доставляет громадное удовольствие, а осознание какой-либо красивой детали в ее конструкции, которой никто не понимал до тебя, вызывает чувство восторга. С другой стороны, не меньшее удовольствие самому рассказывать о новых открытиях, слышать и читать об исследованиях других и наблюдать, как развивается наука. Прежде чем рукопись научной статьи увидит свет, она оценивается высококвалифицированными рецензентами. Эксперименты одного исследователя должны быть повторены другими, и лишь тогда их результаты можно признать достоверными. Таким образом, истина, казалось бы, есть наивысшая и единственная ценность для ученого. Но, увы, это — лишь одна сторона медали. Другая сторона темнее. Активно работающий в лаборатории ученый видит перед собой единственную цель: результаты, результаты и еще больше результатов. Он старается опубликовать свои статьи в наиболее уважаемых журналах. А уступив в гонке своим конкурентам, может навсегда лишиться научного статуса.

В науке, как и везде, есть два вида истины: истина, известная всем, и ис-

Д. Энсор. «Художник с масками вокруг него». Фрагмент

Впервые статья опубликована в «The Quart. Rev. of Bio». 68, 1993 «The University of Chicago Press».

тина, которую еще следует открыть. Большинство научных работников, как и другие люди, имеют дело с истиной первого рода. Они изучают системы, подобные тем, что уже были изучены, а потому добавляют лишь новые детали к уже известному. Со вторым видом истины все не так просто. Поначалу она кажется слишком странной, чтобы быть правдой, — и это часто делает ее опаснее огня. Если вам не достает разума, она может погубить вас. Вот почему, чтобы иметь дело с новой истиной, нужны острый ум и незаурядная смелость. Но, повторяю, в наше время большинство ученых встречаются лишь с безобидной формой истины.

Следует напомнить, что, начиная с 1700 года, число людей, имеющих отношение к науке, увеличивалось по экспоненте. Оно росло столь стремительно, что без преувеличения можно сказать: средний ученый сегодня мало отличается от среднего человека с улицы. Средний ученый с тем же успехом мог выбрать карьеру коммерсанта или юриста. Сейчас уже нет разницы между средним ученым и средним представителем любой другой профессии.

Склонность к самообману — очень распространенная черта характера. Гете, Ницше и другие говорили, что прежде чем вы начнете вводить в заблуждение других, вы обманете самого себя. Ученые иногда обманывают себя (и других), путая возможность с реальностью. Надежда — сладкий, дешевый и вызывающий быстрое привыкание наркотик. Этот тип самообмана может даже стать чертой характера: Россия и бывший Советский Союз — весьма яркий тому пример. В нашей же части мира некоторые ученые уступают соблазнам денег и славы. Сколько раз звучали обещания, что лекарство против рака или вакцина от малярии уже почти готовы, но где же результаты?

Без сомнения, в настоящей науке нет места самообману. Вы ставите множество контрольных экспериментов, вы используете умение правильно разбираться в результатах (а по возможности и статистический анализ), оппоненты критически изучают каждую строку вашей работы, прежде чем допустить ее в печать. Один ученый может ошибиться, но сословие профессионалов (то есть большинство ученых) ошибаться не может. Однако некоторые социологи, исходя из этой ситуации, заключают, что истина есть

своего рода товар, ценность которого меняется со сменой пристрастий покупателей. По их мнению, реально существуют только мнения, а истиной называют мнение большинства. Позже мы еще вернемся к этой теме.

Опыт общения с истиной одного школьника

Когда мне было тринадцать лет и я учился в немецкой гимназии, то получил урок, который запомнил на всю жизнь. Однажды ранним утром наш учитель физики водрузил посреди школьного двора телескоп, чтобы показать нам какую-то планету и ее спутники. Нас было около сорока человек, и мы выстроились в длинную очередь. Как самый низкорослый, я стоял в конце. Учитель спросил первого из нас, разглядел ли он планету. Нет, ответил тот. Ему это не удалось, по-видимому, из-за сильной близорукости. Учитель показал, как настраивать фокус, и этот ученик сказал, что смог увидеть планету и ее спутники. У других проблем не было, они сразу видели то, что надо. Вдруг один парень, который стоял прямо передо мной, — его звали Гартер — заявил, что он ничего не видит. «Ты идиот, — закричал учитель, — надо просто настроить фокус». Гартер попытался еще раз и снова у него ничего не вышло: «Я ничего не вижу, там все черно». Тогда учитель сам посмотрел в телескоп. Через несколько секунд он повернулся к нам со странным выражением лица. И тогда мы заметили, что телескоп не работал — его линзы были закрыты крышкой. Конечно, на самом деле никто ничего не видел.

Кем же стали эти школьники? Один из них сейчас — профессор философии и видный чиновник германского телевидения. Это можно было ожидать. Но двое стали профессорами физики, а еще один — профессором ботаники. Честный школьник Гартер на следующий год расстался с гимназией. Его отец был рабочим, и Гартер просто не вписался в роль гимназиста. Иногда бессонными ночами я думаю о том, а что бы сказал я сам. Хватило бы у меня честности и храбрости сказать: «Там все черно. Я ничего не вижу»? На недавней встрече нашего класса я заговорил с профессорами физики об этом случае. Но они не могли вспомнить, о чем идет речь. Они просто все забыли.

Наверное, надо, подобно мне, прожить долгую жизнь в науке, чтобы понять, сколь важную роль, несмотря на почитание учеными Истины, играет в ней самообман. Сам я впервые столкнулся с этим явлением, будучи аспирантом Курта Валленфелса в отделе химии Фрайбургского университета. В нашей группе был индийский пост-док¹ О.П. Мальхотра, который обнаружил интересное явление, связанное с ферментом бета-галактозидазой бактерии *E. coli*. Число его активных центров с повышением температуры возрастало! При 20°C их было всего четыре, а при 35°C — уже восемь! Мне это показалось очень занимательным, и я попытался выяснить, происходит изменение с повышением температуры постепенно или скачком.

Сначала выяснилось, что была допущена ошибка в методе определения числа центров связывания. Затем я обнаружил, что и число это определено неправильно. Пост-док уже продолжал работу в Индии. Рукопись, в которой описывалось явление, была отозвана из журнала. Мне пришлось вымарать соответствующие разделы из корректуры обзора, который написал пост-док вместе с Куртом Валленфелсом в «*Advances in Carbohydrate Chemistry*». В то время я испытывал громадное удовольствие от осуществленной «фальсификации», которая, по Карлу Попперу, есть высший критерий научности². Но статья с моим именем, описывающая, что мне удалось открыть, так никогда не появилась.

Самообман и ложь в лаборатории

В следующий раз я столкнулся с тем же явлением, когда уже был профессором в Кельне. У меня возникла замечательная идея. Я предположил, что тетрамерный *lac*-репрессор образует петли между *lac*-оператором 01 и псевдооператором 02, и решил, что если удастся разрушить 02, произойдет резкое снижение уровня репрессии. Чтобы убедиться в этом, я попросил студентку Ингрид Триш определить

¹ Пост-док — временная должность после получения ученой степени доктора философии (прим. перевод.).

² Под фальсификацией по Попперу в данном случае следует понимать возможность опровержения истинности гипотез и теорий проверкой следствий из них опытным путем (прим. перевод.).

Д. Балла. «Рождение идеи»

удельные активности трансацетилазы в штаммах бактерий с различными внутренними делециями в гене *lacZ*. У студентки получилось именно то, что я ожидал.

Вместе с тремя другими коллегами я подготовил в 1977 году рукопись для «*Proceedings of the National Academy of Sciences*». Ее представил к публикации Ф.Жакоб, и я был счастлив и горд. И тогда мне позвонил Валли Гилберт, который только что определил первичную последовательность в одном из тех генов с Z-делецией, который я использовал. По данным генетического анализа, мутация по 02 была правдоподобна, но строго не доказана. Поскольку уровень трансацетилазы был высок, мы предположили, что делеция затронула оператор гена. А Гильберт показал, что оператор был в целости.

Что же случилось? Тщательная ревизия записей студентки обнаружила, что она просто сфабриковала результаты измерения активности трансацетилазы! Я отозвал статью в тот же день, буквально перед выходом ее в свет. А сама идея оказалась правильной (ну, конечно же, я упустил из виду еще один псевдооператор — 03). Довольно известный молекулярный биолог, получивший препринт этой не вышедшей статьи, сказал мне потом: «С твоей стороны было большой глупостью отозвать статью. Идея-то оказалась правильной, а кого беспокоят доказательства?» Студентка покинула нас и больше не возвращалась. Она приступила к новой работе в качестве школьного учителя. Думаю, с ней все в порядке.

Это был «чистый» случай, а вот еще

Д. Балла. «Неодолимое движение науки»

один, не столь очевидный. Несколько лет назад я с восторгом читал статьи Марка Пташне. В них он доказывал, что кислые остатки в спирали, предшествующей узнающей спирали лямбда-репрессора, активируют РНК-полимеразу. Он обнаружил этот же феномен для ряда других репрессоров. Я решил, что Пташне открыл какое-то весьма общее явление, значит, оно должно быть характерным и для лас-репрессора. Пост-док в моей лаборатории проделал необходимые эксперименты: эффекта не было.

Затем Стив Басби и Ричард Эбрайт опубликовали работы, в которых выражали сомнения в достоверности опытов с одним из репрессоров Пташне. Мы также повторили некоторые опыты Пташне с репрессором CAP и убедились, что он ошибался. Я сказал об этом Марку, а Марк сообщил, что его сотрудница Нина Ирвин, кому, собственно, принадлежали первичные данные, была в глубокой депрессии, когда проводила эти опыты. И я понял, почему. Она испытывала давление безупречного доказательства, полученного для лямбда-репрессора, и она должна была обнаружить у CAP то же самое — обнаружить то, чего там попросту не было.

Теперь перейду от примеров из собственной практики к другим, но близким к моим научным интересам. Я немало занимался молекулярно-генетическими подходами к изучению болезни Альцгеймера и оставил это³. Но то, что появлялось в печати, было не лучше. Тут было непреодолимое искушение опередить с хорошим экспериментом остальных, потому что важные открытия могут принести вам известность в средствах массовой информации и деньги от биотехнологических фирм.

В 1987 году в «Science» появилась статья нобелевского лауреата Карлтона Гайдусека с девятью соавторами, утверждавшего, что у трех пациентов с болезнью Альцгеймера были лишние копии гена, кодирующего белок, характерный для этого недуга. Часть работы делал пост-док во Франции, и она оказалась просто ошибочной (сначала вы обманываете себя, а затем других). Я сомневаюсь, что Гайдусек хоть как-то проанализировал его данные. Уже через несколько месяцев появились статьи, ставившие под серьезное сомнение эти результаты, но авторы первых работ на них не отреагировали.

В 1991 году «Nature» и «Science» напечатали еще две статьи с «открытиями» молекулярно-генетических основ болезни Альцгеймера. В одной из них было одиннадцать авторов! Но почти тут же появились опровержения. Как этим людям удалось обмануть самих себя? Снова, вероятно, самую ответственную, гистологическую часть исследований проводили лишь один или два участника работы. Другие выполняли технологические операции по получению мутантных мышей и принимали на веру результаты первых. Окажись работа успешной, патент на этих мышей мог стоить таких денег, что никакие вопросы не задавались бы.

Ответственность и положение авторов

Сегодня лишь немногие из авторов статей, в которых число соав-

³ Болезнь Альцгеймера — одна из форм старческого слабоумия — связана с нарушением работы определенного гена в двадцать первой хромосоме человека (*прим. перевод.*).

торов нередко переваливает за дюжину, готовы нести ответственность за качество представленной работы. Это происходит, потому что большинство ученых, будучи узкими специалистами, не способны критически оценивать материал собственных соавторов. Пауль Доти наиболее убедительно обосновал отрицательные последствия такого положения для науки. А вот Давид Балгимор считает ситуацию нормальной. Разумеется, крайняя доверчивость к результатам соавторов испаряется без остатка, когда те же люди становятся рецензентами чужих статей.

Сегодня большинство рукописей из моей лаборатории отклоняется, когда они представляются в журнал в первый раз. Если мы пишем о результатах, полученных на живых клетках (*in vivo*), рецензенты требуют сообщить о поведении тех же ферментов «в пробирке» (*in vitro*). Когда мы говорим об опытах «*in vitro*», от нас просят данные либо о том же «*in vivo*», либо о подтверждении наших результатов с помощью методов, которые просто отсутствуют в природе. Или же рецензенты отвергают статью, потому что мы цитируем не тех авторов, которых, по их мнению, стоило бы цитировать. Случается, что анонимный рецензент «заворачивает» статью, потому что в ней нет ссылок на работы определенного автора (имеющие мало отношения к теме данной статьи), но, похоже, весьма высоко ценимого легко угадываемым рецензентом.

В конце концов, когда другой журнал, наконец, принимает статью, некто, выступающий в роли научного редактора, так тщательно редактирует ее основные разделы, что они теряют всякий смысл. Или бывает, что и второй журнал отклоняет рукопись, но к тому времени в печати уже появляется статья конкурентов, делающая вашу публикацию ненужной.

Если исходить лишь из собственного опыта, то я живу в каких-то научных Содоме и Гоморре. Уважение к новым идеям как к личной собственности просто отсутствует. В тот момент, когда вы упоминаете о пришедшей в голову идее или о еще не поставленном экспери-

менте, кто-то может счесть их своими. Он может даже попытаться притормозить вашу публикацию, чтобы выиграть соревнование. Некоторые из тех, кто воруют и действуют быстрее всех, выглядят великими учеными. Впрочем, они и есть великие ученые, ибо кто может оспорить их очевидные успехи? Как-то я представил от лица нескольких японских авторов статью в «EMBO Journal». После весьма долгого рецензирования ее отвергли — якобы из-за неубедительности результатов. А через пару месяцев статья европейских авторов со сходными результатами появилась в «Cell». Не были ли они рецензентами упомянутой рукописи? Японцы в конце концов напечатали свою статью в «Nucleic Acids Research».

Однажды я передал американскому коллеге некий выделенный нами мутант бактерии. Он переименовал его таким образом, что казалось, будто мутант выделен им, написал неплохую статью и вежливо прислал мне препринт. Он никак не мог понять, почему я так огорчен. Ему казалось, что имя, которое он придумал для мутанта, звучит гораздо лучше, чем наше. Нам потребовалось немало усилий, чтобы убедить его вернуться к исходному названию и сослаться на нас как авторов шгамма.

Поговорим о деньгах

Когда в дело вступают деньги, все становится еще более явным и жестким. Недавно я опубликовал заметку, в которой обратил внимание, что, согласно индексу цитирования, два института Макса Планка выглядели не столь хорошо, как они сами утверждали, пытаюсь на основании этих утверждений еще и подорвать развитие конкурентных исследований в университетах. Цур Хаузен, директор Центра исследований рака (DKFZ), написал мне письмо и разослал его копии всем заинтересованным лицам (не поставив меня об этом в известность). В нем он утверждал, что мой подход был ненаучным и некорректным.

А через год появилось публичное подтверждение претензий Хаузена. На обложке выпуска «Science» от 24

апреля 1992 года красовались цветная карта Европы и диаграмма, которая показывала рейтинг некоторых европейских исследовательских центров. В одной из статей журнала было проведено ранжирование лучших в мире молекулярно-биологических лабораторий. Институт генетики Кельнского университета даже не упоминался, тогда как Институт биохимии Макса Планка в Мюнхене шел под номером пятым, а DKFZ — под одиннадцатым.

Как это получилось? Автор данного исследования провел компьютерный поиск статей в области молекулярной биологии, биохимии и генетики. Качество его работы лучше всего иллюстрирует тот факт, что, по полученным им данным, из Института биохимии Макса Планка в Мюнхене за год вышло 35 статей, а из DKFZ — 27 статей в области молекулярной биологии. Кельнский университет был исключен, поскольку, как я узнал позднее, из него за год вышло, по мнению автора, менее 20 статей.

Всякий имеющий отношение к данной области понимает, что эти цифры представляют собой явную ошибку, а потому и весь рейтинг оказался неверным. Но опубликованное ранжирование, безусловно, подняло настроение директорам некоторых институтов и повысило шансы в переговорах с политиками о финансировании их учреждений. Мы с коллегой написали в «Science» письмо, указав на методические ошибки этого «анализа». Мне было приятно узнать, что авторы исследования, Пенделбюри и Андерсон, перепроверили свои данные, теперь уже для биологических наук в целом. И тогда картина полностью изменилась. Институт генетики Кельнского университета на этот раз опередил оба института — Макса Планка и DKFZ.

Точка зрения некоторых социологов на науку

Теперь подходящий момент вернуться к тем социологам, которые заявляют, что ученые устанавливают истину голосованием, а не предъявлением фактов. Пару лет назад я участвовал в семинаре по социологии науки. На нем Карин

Кнорр-Сетина представила результаты своих «антропологических» изысканий в Институте Макса Планка. Она принадлежит к тем социологам, которые заявляют, что изучают поведение ученых, подобно тому как антропологи изучают поведение дикарей.

Кнорр-Сетина описала процесс сбора учеными исходных данных и подготовки их к публикации. По ее наблюдениям, поведение ученых при публикации статей определяют карьерные соображения и случайные обстоятельства. Она описала, в частности, свои наблюдения за работой, в которой получали трансгенных мышей. По ее мнению, ученые вскрыли мышей и посмотрели их внутренности, чтобы принять решение о возможности публикации.

Она просто не знала, что сделать заключение о трансгенности мышей можно, лишь проведя специальный молекулярно-генетический анализ. С точки же зрения социолога, окончательное решение о публикации было принято по приказу руководителя лаборатории. Хотя Кнорр-Сетина не указала, где собрала такие сведения, я предположил, что это происходило в лаборатории Петера Грусса в Геттингене, и сказал ей об этом. Я оказался прав. Копию рукописи я послал Петеру: она его не позабавила.

Говорят, что около половины историков и социологов науки разделяют взгляды Кнорр-Сетины на научную истину как на иллюзию, в которую еще верят некоторые ученые. Такие социологи считают, что наука подобна искусству: все дозволено. На самом деле — наоборот, художник не может совершить надувательство, пока его творения оригинальны. Поэты и философы не могут обманывать, пока их сочинения — их собственные. Конечно, они могут заниматься плагиатом, но это отличается от мошенничества.

Мошенничество, которое встречается в науке, просто не существует в искусстве, философии или социологии. Мошенничество может быть только там, где есть осязаемые предметы. Именно существование мошенничества отличает науку от искусства. Ученые должны гордиться этим отличием.

Наука в нацистской Германии: истина — это еще не все

Многие ученые думают, что лишь давление внешних обстоятельств способно склонить их к неправде. Внешний нажим на ученого, конечно, играет немаловажную роль. В Третьем рейхе из науки изгоняли евреев. Помогать им и даже цитировать их работы немецким ученым не рекомендовалось. Многие уступили этому давлению. Например, почти все немецкие ученые легко соглашались с предложениями занять пост, ставший вакантным благодаря увольнению еврея. Согласие на такое предложение уже само по себе свидетельствовало о лояльности режиму.

До последнего времени я не мог назвать ни одного, кто выдержал бы соблазн. Но недавно мне рассказали историю Отто Крайера. Крайер был ассистентом кафедры физиологии в Геттингене. Когда он получил предложение занять должность профессора в Дюссельдорфе, после увольнения с нее Филиппа Эллинджера, он 15 июня 1935 года написал в Министерство науки: «... Первая причина моего отказа в том, что я вижу глубокую несправедливость в изгнании из науки евреев. Необходимости этого я не могу понять, поскольку причины лежат во вне-научной области... Я предпочту скорее отказаться от этого предложения, хотя оно отвечает моим научным интересам и моим возможностям, чем предать свои убеждения; кроме того, промолчав, я буду тем самым поощрять распространение о себе ложного мнения». Этого письма было достаточно, чтобы уволить Крайера и вынудить его покинуть Германию. Он скончался в 1982 году, выйдя на пенсию с должности профессора Медицинской школы в Гарварде.

Похоже, Отто Крайер — единственное исключение из правила; остальные германские ученые не отказывались занимать места, ставшие вакантными по указанной причине. Пока в науке существует разрыв между собственно научной работой и поведением ученого, в ней возможна лишь полуправда. Думается, в таких условиях наука способна функционировать лишь

ограниченное время, продвигаясь вперед медленно, да и не очень далеко. Но это может растянуться на много лет.

Некоторые считают, что истина и наука выживают, только когда в любых обстоятельствах господствует истина. Я думаю, это глубокое заблуждение. Ответственность за него, по крайней мере в Германии, как мне кажется, лежит на Канте. В 1797 году он опубликовал небольшую работу, в которой утверждал, что правду никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя утаивать. Французский писатель Бенжамен Констан возразил Канту и сослался на собственный опыт, полученный им в Париже в 1793 году. Когда к нему в дом пришли убийцы за адресом друга, он солгал, что не знает его местопребывания. Кант отверг такой аргумент, поскольку считал, что стоит лишь раз солгать, как истина начинает умирать. Кстати, при этом он не добавил, что ради той же истины следовало бы указать убийцам на пошлость их действий.

Тут я хотел бы сделать отступление и напомнить, что говорится по данному поводу в заповедях Моисея: «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (20 Исх. 16). В десяти заповедях не говорится об обмане вообще. Подразумевается лишь, что нельзя лгать родителям: «Почитай отца твоего и мать твою...» (20 Исх. 12). Но там уж точно нет требования выдавать ближнего своего убийцам.

В этой связи следует вспомнить одного хорошо известного немецкого медика, Юлиуса Галлервордена. Правоверный кантианец, он приобрел славу человека, который с уважением относился к убийцам. В качестве нейроанатома он обследовал сотни больных, а когда их убивали путем эвтаназии (1940 — 1942), обращался к палачам с просьбой присылать ему их мозг. Так он получил мозги 697 убитых людей, многие из которых были когда-то его пациентами. Однажды он лично посетил центр умерщвления и присутствовал при убийстве детей газом. Сделанные им записи свидетельствуют, что он получил мозги детей всего через два часа после их насильственной смерти. Междуна-

родное сообщество ученых-медиков продолжало оказывать ему почести как отличному руководителю отдела в Институте Макса Планка.

Позвольте здесь отметить, что знаменитый императив Канта: «Поступай с другим только так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой» — совсем не гарантирует справедливого и спокойного мира. Профессиональные убийцы гордятся тем, что убивают быстрее, чем их враги. У них есть пистолеты, а у противника их просто нет. Они согласны с императивом Канта, поскольку надеются на победу. Неудивительно, что такой человек, как Эйхман, называл себя кантианцем. Без сомнения, императив Канта приветствовался бы и в Гоморре. Из всего этого не следует, что Кант и кантианцы обязательно мерзавцы. Я только хочу сказать, что философия Канта совсем не защищает от варварства.

Германские ученые в области генетики человека были выдающейся группой специалистов, которые проложили путь убийцам во времена Третьего рейха. Например, в Министерстве здравоохранения существовал отдел, устанавливающий, является ли данный индивидуум чистокровным цыганом, полуцыганом или он не цыган. Попавшие в соответствующие категории оказывались в Освенциме. Из двадцати тысяч немецких цыган, которых туда доставили, почти все погибли от голода, болезней и в газовых камерах.

Вспомним и другое. В 1941 году закрыли все законные пути для выезда евреев из Германии. Оставшихся направляли в лагеря смерти, подобные Освенциму. Большинство «полуевреев», у которых отцом был германский еврей, а мать — немка, разделили судьбу «чистокровных» евреев. В отчаянии многие из таких «полуевреев» придумывали, что их настоящим отцом был некий «друг дома» — немец. Сотни таких дел поступали на заключение специалистам в области генетики человека. Как вели себя в этих случаях университетские профессора, доценты и ассистенты? Все, с кем я разговаривал в 1980 году, отвечали, что они придерживались научной истины, то есть да-

вали заключение по результатам объективного исследования. Они не задавались вопросами, что будет с теми людьми, которых они «изучали». Судьба этих «объектов» их не касалась. Я могу добавить, что их австрийские и французские коллеги были коррумпированы, но коррупция в той ситуации — знак проблеска человечности.

И вот перед нами дилемма. Действительно, «чистый» ученый часто воспринимает моральные ценности общества, не задаваясь лишними вопросами. Он знает, что наука не производит ценностей. Что имеет цену, а что нет — решает религия или Фюрер. Чистый ученый в таком случае либо начинает искренне верить в эти ценности, либо становится оппортунистом. Однако среди ученых всегда есть меньшинство, которое верит в то, что и наука производит ценности. Подобно тому, как христианские фундаменталисты верят в библейское слово, эти ученые верят, что ценности непосредственно возникают из их суждений о молекулярных или субатомных структурах. Такие идеологии существовали, конечно, во времена Третьего рейха. Сейчас они все уже умерли. Но вот несколько свежих примеров.

Наука как религия

Недавно в «The New York Review of Books» мне попала заметка, касающаяся проекта «Геном человека». В ней Левонтин сделал обзор ряда книг и процитировал моего друга Валли Гилберта, которым я искренне восхищаюсь. «Вклад Гилберта в сборник «Код кодов» озаглавлен «Мечта о Граале». В предисловии редакторы сборника Даниэль Келвс и Лерой Худ пишут об этой метафоре с абсолютной серьезностью: «Поиск биологического Грааля продолжается почти столетие, но сейчас, с воплощением проекта «Геном человека», он вступил в фазу кульминации. Неудивительно, что жажда власти и чувство страха, непременно ассоциируемые со Священной Чашей (Holy Grail), сопровождают и проект «Геном человека», ее биологический аналог».

Я знаю, что Валли поговаривал о Граале и раньше, но так откровенно высказывать подобные сооб-

ражения в печати, по-моему, намного хуже, чем раз или даже два высказать их в частной беседе. Позвольте напомнить, о чем, собственно, идет речь. По преданию, Священная чаша — это сосуд, из которого пил Иисус на последней Тайной вечере, и в этот же сосуд была собрана его кровь, когда он висел на кресте. Сосуд, как утверждают, затем оказался в Англии, и лишь немногие держали его в руках. Те же, кто пил из него, получали громадную власть и долголетие.

Как мог Валли написать такой полурелигиозный вздор? Решив, что эта чушь может серьезно повредить принятию проекта «Геном человека», я послал ему рассерженное письмо. Он ответил, что не озаглавливал так свою статью. Подлинным названием было — «Проект «Геном человека»: мечта». Даниэль Келвс, историк науки, и Лерой Худ, молекулярный биолог, поставили свой вариант заголовка, не сообщив об этом Гилберту и без его разрешения.

Тогда я написал Келвсу и попросил объяснить, что произошло. Он ответил, что заголовок, действительно, принадлежал ему, но он посылал корректуру Гилберту, а тот сделал несколько исправлений, не восстановив первоначального названия. Попала ли Гилберту на глаза первая страница? Что случилось на самом деле? Я этого не знаю. Фактом остается то, что историк науки включился в процесс ее создания, а затем сам и будет все описывать.

Как раз тогда я получил книгу германского политолога, посвященную контролю над рождаемостью в нацистской Германии. Просматривая ее, я обратил внимание на заключительное предложение. Там говорилось: "«С вдохновением Прометея Джон Туз, секретарь организации «Геном человека», объявил: «Мы пишем Библию секуляризованного гуманизма»". Я не мог поверить, что Туз, которого я хорошо знаю и который принадлежит к научному сообществу, мог сказать такое. Я написал ему письмо, в котором спросил, говорил ли он это, и получил честный ответ. Да, конечно, он сделал такое заявление в Национальной Академии наук

в Вашингтоне, да и в других местах.

Конечно, все это опасная чушь. В сущности, утверждается, что последовательности ДНК, то есть структурные данные, заменят нормы Библии. Позволю предположить, что это и есть тайная цель кое-кого из тех, кто возглавляет проект «Геном человека». Если они достигнут успеха, то я зря тратил время, отстаивая и защищая проект. Если же все это пустые разговоры, то они все равно подрывают доверие к самой научной программе. Следующие несколько лет прояснят ситуацию.

И в завершение...

Не знаю, многие ли из вас и многие ли ученые вообще верят в эту новую Библию, которую исследователи пишут, используя всего четыре буквы алфавита (А, Г, Ц и Т). Могу лишь надеяться, что их число не слишком велико. Но мне хорошо известно, что только некоторые из ученых читали Ветхий завет и знают Десять Заповедей. А коли так, что можно им сказать? Я знаю, совет прочитать Десять Заповедей или просьба с уважением относиться к ним будут встречены смехом. Поэтому я отступаю к своим последним рубежам обороны и говорю: прислушайтесь к вашей совести! Этот голос иногда говорит «НЕТ». Он никогда не говорит «ДА», как заметил еще Сократ. Это «НЕТ» — последний тормоз, когда все другие тормоза уже сорваны. Этот голос можно заставить замолчать. Не глушите его. Он исходит из каких-то неведомых глубин человеческого разума. Он приходит раньше Веры, но звучит громче, если есть истинная Вера. Наслаждайтесь красотой и удовольствиями, которые дарит наука, но следуйте голосу совести. Это все, что я хотел сказать. ●

Перевод Владимира Воейкова

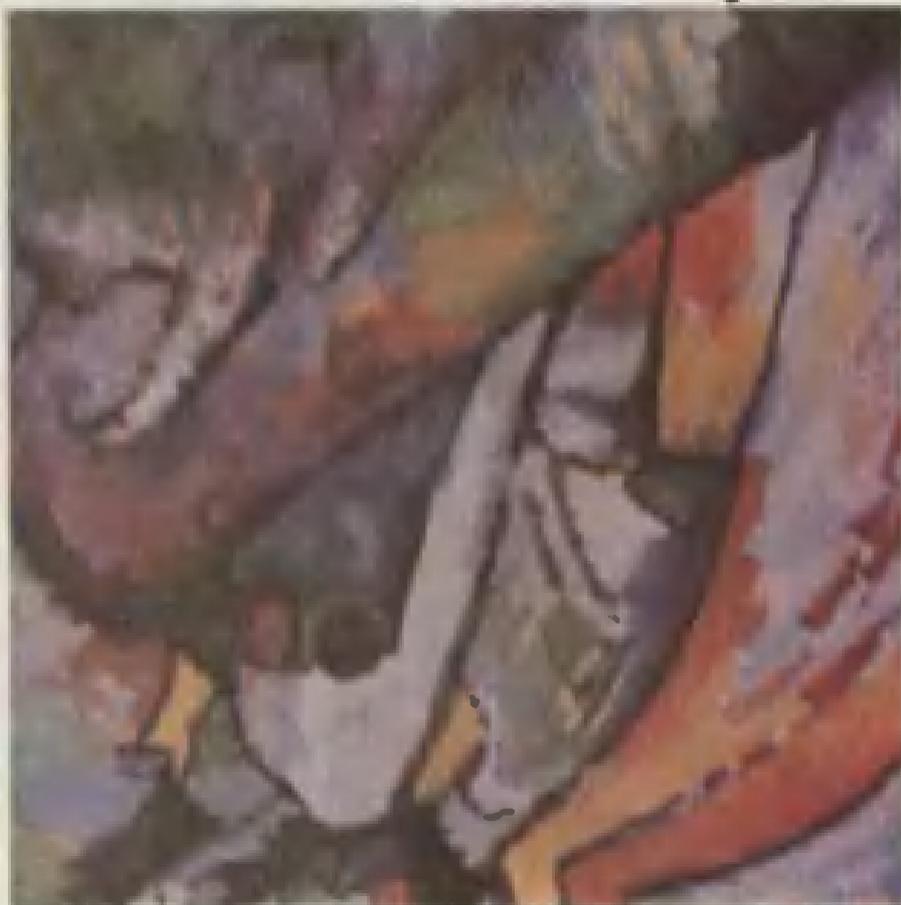

Профессор Института генетики Кельнского университета Бенно МЮЛЛЕР-ХИЛЛ — ученый с мировым именем, ведущий специалист в области молекулярной генетики.

Александр Семенов

Вселенная по Кандинскому

Компьютерная версия
эволюции Вселенной

Впервые я увидел и услышал Андрея Линде в начале семидесятых годов, будучи еще студентом Физтеха. Было это на одной из научных сессий Отделения ядерной физики Академии наук СССР. Линде выглядел молодо, явно был ненамного старше меня, но пять лет во времена студенчества — дистанция огромного размера, от студента до кандидата наук, к примеру. Доклад он сделал на понятном языке, чем окончательно завоевал мое расположение, и я стал следить за его выступлениями. Хотя их тематика — возникновение и эволюция Вселенной — была довольно далека от моих скромных экспериментальных занятий. Во всяком случае, его идеи были очень увлекательны, как и все, что относится к загадкам Космоса.

В восьмидесятые годы его фамилия замелькала на страницах научных и популярных журналов в связи с тем, что он предложил модель «Раздувающейся Вселенной», в которой пространство раздувалось в миллиарды миллиардов раз за крошечные доли секунды. Эту красоту мне уже было трудно оценить, но во всем мире модель стала популярной. Что ж, было приятно сознавать, что «наши», тогда еще советские ученые по-прежнему котируются на мировом рынке теоретических идей.

В.Кандинский.
Импровизация 7
(фрагмент)

Лет пять назад рядом с именем Линде стало появляться новое место его работы — Стэнфорд, США. Я с сожалением отметил, что еще один хороший человек перестал быть моим соотечественником. Совсем же недавно с интересом и удовольствием прочел в очередном номере «Сайентифик Америкен» его статью об очередной модели, которую он разрабатывает на этот раз со своим сыном Димой. О ней и пойдет речь.

Новую идею Линде можно изложить в двух словах. Модель Большого взрыва гласит, что наш мир родился много лет назад из точки в результате взрыва и теперь продолжает расширяться и остывать. Для решения некоторых проблем, возникающих в этой модели, Линде пятнадцать лет назад предположил, что после взрыва должна быть еще одна стадия «инфляции» — быстрое расширение. Его теперешнее развитие идеи состоит в том, что Вселенная представляет собой не один раздувающийся шар, а целую вереницу шаров — взрывов, которые происходят многократно, и каждый из них развивается потом в собственную Вселенную. И так бесконечное число раз.

Большой взрыв

Идея Большого взрыва имеет под собой несколько экспериментальных оснований.

Первое — реликтовое микроволновое излучение. Тринадцать лет назад американские астрономы Арно Пензиас и Роберт Вильсон обнаружили, что вся Вселенная заполнена газом очень холодных фотонов. Наиболее естественное предположение об их природе — это остывание расширяющейся Вселенной. В давние времена Вселенная была сжата и горяча, и в ней вещество было неотделимо от излучения. С расширением температура падала — по всем известным законам термодинамики, — и в какой-то момент она снизилась настолько, что вещество и излучение стали существовать независимо. Вот этот когда-то горячий газ фотонов и дошел до наших дней в виде холодного реликтового излучения.

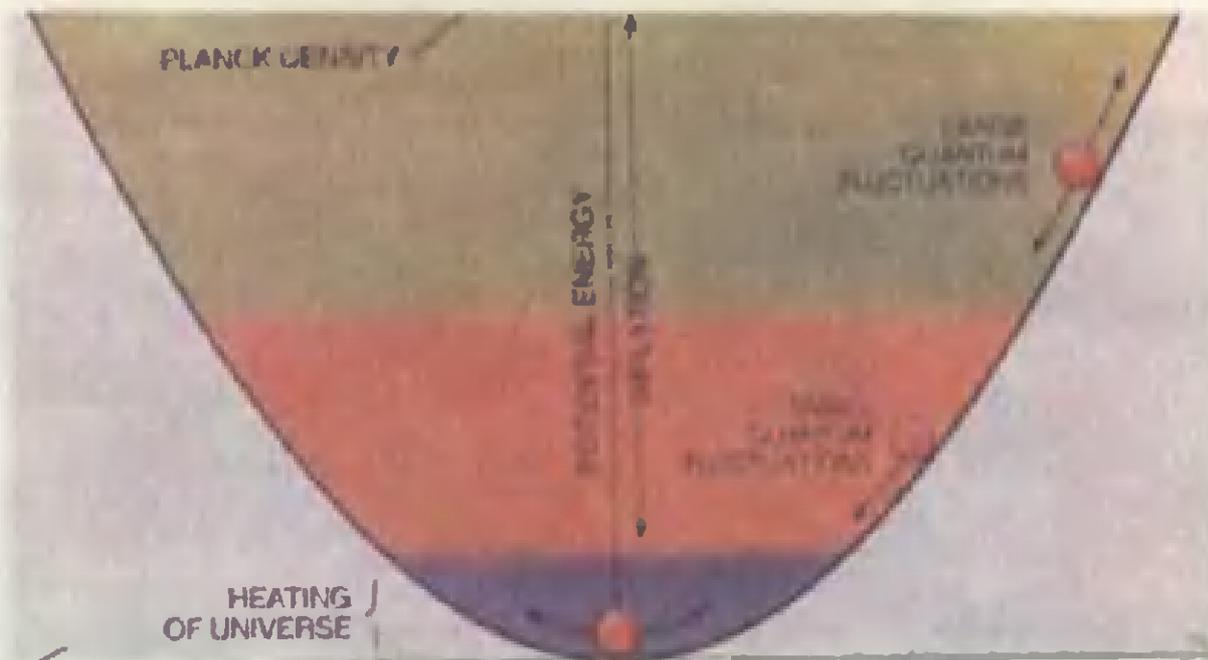
Второе — разбегание далеких галактик. Астрономы видят, что чем дальше находится галактика, тем быстрее она от нас удаляется. Можно спорить о скорости удаления, но в том, что Вселенная расширяется, — сомнений нет.

Третье — подсчет того, сколько в космосе различных химических элементов: водорода, гелия и других. Он хорошо согласуется с предположением о том, что они образовались в процессе термоядерных реакций тогда, когда Вселенная была разогрета до термоядерных температур.

Семидесятые годы начались с восторгов по поводу того, что наконец-то мы поняли, как родилась Вселенная, но более пристальный анализ, как это обычно бывает в науке, показал, что у Большого взрыва есть немало проблем.

Например, в первые мгновения после Большого взрыва должны были рождаться самые разные частицы, в том числе и тяжелые магнитные монополи — магнитные заряды, несущие лишь один магнитный полюс. Их искали и не нашли. На сегодняшний день ясно, что их концентрация в миллиарды миллиардов раз меньше, чем следует из предсказаний Большого взрыва.

Кроме того, не до конца понятно само «начало» Взрыва: что было до него? Откуда все появилось? Что появилось раньше — Вселенная или физические законы, ею управляющие? Ответов не было...

Следующие проблемы — это размер Вселенной и ее «плоскостность». Большой взрыв не дает никаких комментариев на тему, почему Вселенная так велика сегодня и почему кривизна пространства в ней очень мала. Можно еще задать вопрос — каким образом все части первоначальной Вселенной начали расширяться одновременно?

Непонятно, почему Вселенная очень однородна на больших масштабах и неоднородна на малых. И, наконец, один из самых увлекательных и фундаментальных вопросов — проблема уникальности. Ее сформулировал Альберт Эйнштейн много лет назад: «Что меня действительно интересует, это имел ли Господь Бог выбор при сотворении мира?» Действительно, небольшие изменения в физических законах могут привести к совершенно иной Вселенной. Многие современные популярные теории элементарных частиц строятся в пространствах, где число измерений больше трех. Где же они — «иные миры»?

Все эти и масса других проблем привели Андрея Линде к созданию теории самовоспроизводящейся взрывающейся Вселенной.

Истоки инфляционного сценария развития Вселенной лежат в физике элементарных частиц, поэтому совершенно необходимо начать с краткого экскурса в физику микромира.

Элементарные частицы участвуют в четырех различных взаимодействиях: гравитационном, слабом, электромагнитном и сильном. В семидесятые годы была создана теория электрослабого взаимодействия, объединяющая два из них. Единство этих взаимодействий выглядит не очень естественным на первый взгляд, поскольку их переносчики обладают совершенно различными свойствами: у электромагнитного — это безмассовый фотон, а у слабого — тяжелые промежуточные бозоны. Но оказалось, что по сути своей взаимодействия едины, а большую массу промежуточные бозоны получают, взаимодействуя с некоторым скалярным полем, которое пока наблюдать в виде частиц не удалось.

Скалярное поле существует вокруг нас, но мы его не видим. Проявляет оно себя лишь в том, что частицы получают массу, взаимодействуя с ним. Это поле играет важнейшую роль и в космологии — из него Вселенная черпает энергию

1. Если шарик (поле) обладает большой энергией — зеленая зона, — то начинается инфляция — расширение. Энергия шарика расходуется, он спускается вниз. Инфляция заканчивается, когда он оказывается в лиловой зоне — около положения равновесия.

Скалярное поле

«Знание — сила».
Октябрь 1995

для своего расширения. При этом в скалярном поле может быть запасена невероятно огромная энергия, и высвобождение ее за крошечные доли секунды может «раздуть» Вселенную в такое число раз, которое выражается единицей с триллионом нулей.

На рисунке 1 показана ямка с шариком в качестве грубой аналогии энергии скалярного поля. Когда шарик находится достаточно высоко, его потенциальная энергия велика. Он может скатываться вниз, высвобождая ее в виде кинетической энергии. А скалярное поле переходит «вниз», сбрасывая энергию в расширение Вселенной. Когда шарик-поле доходит до дна ямки, он начинает слегка колебаться около положения равновесия, и инфляция заканчивается.

Этот мгновенный спурт решает большинство проблем, стоящих перед моделью Большого взрыва. Понятно, почему Вселенная плоская и однородная — ее растянуло до такого состояния колоссальное расширение.

Инфляция старая и новая

Модель инфляции — так называют почти мгновенное расширение — не сразу появилась в простом и ясном виде.

Первый вариант предложил в 1979 году московский теоретик Алексей Старобинский из Института теоретической физики имени Л.Д.Ландау. Его идеи были сенсационными и несколько лет оставались основной темой для обсуждения на всех космологических конференциях в Советском Союзе. К сожалению, его модель была очень сложна (она была основана на теории аномалий в квантовой гравитации) и ничего не могла сказать о том, как начинается инфляционный рост.

В 1981 году Алан Гут из Массачусетского технологического института (МТИ) предположил, что Вселенная в какой-то промежуточный момент своего расширения может расширяться экспоненциально. Его модель рассматривала раннюю Вселенную как серию фазовых переходов. А впервые эти идеи выдвинули А.Линде и Д.Киржниц в 1972 году. По модели фазовых переходов расширяющийся и остывающий Космос может конденсироваться в различные формы — по аналогии с тем, как остывающий водяной пар становится водой, а при дальнейшем охлаждении вода может замерзнуть. Гут полагал, что инфляционное расширение может начаться, когда Вселенная находится в нестабильном состоянии, подобном переохлажденной жидкости. Но в его модели Вселенная после инфляции была очень неоднородной, он сам указал на этот недостаток и даже потом отказался от своей модели.

И наконец, после долгих лет раздумий и вариантов А.Линде пришел к выводу, что инфляционное расширение — это следствие теории частиц, связанное с наличием скалярного поля. Нет никакой необходимости привлекать квантовую гравитацию, фазовые переходы, переохлаждение или даже предполагать, что Вселенная была горячей. Надо просто рассмотреть все типы скалярных полей в ранней Вселенной. Те участки, где эти поля не приводят к инфляции, остаются небольшими. Там, где происходит мгновенное расширение, начинается новая Вселенная.

По мнению Линде, трудно понять, почему столь естественная идея не приходила в головы теоретиков раньше. Скорее всего, они были заморожены красотой и простотой модели Большого взрыва. Как бы само собой подразумевалось, что в первые мгновения Вселенная была

очень горяча, а скалярное поле находилось вблизи минимума своей потенциальной энергии. Стоит отказаться от этих предположений, как инфляция становится естественным следствием теории элементарных частиц!

Инфляция решает проблемы, стоящие перед Большим взрывом, и остается лишь один вопрос: из чего будут образовываться галактики после мгновенного растягивания всех неоднородностей плотности? Оказывается, выравнивая одни неоднородности, инфляция сама создает другие. Возникают они из квантовых флуктуаций — случайных отклонений.

В соответствии с квантовой механикой вакуум не пуст, а заполнен небольшими квантовыми флуктуациями. Мы их не можем почувствовать, потому что они малы и кратковременны, а вот электрон, двигаясь вокруг атомного ядра, уже «натывается» на них и чуть-чуть меняет свою траекторию. Этот эффект носит название лэмбовского сдвига. В момент инфляции квантовые флуктуации растягиваются, их длины резко вырастают, и когда они достигают размера кривизны пространства, перестают увеличиваться — как бы замерзают. Вот эти «замерзшие» растянутые флуктуации и служат зародышами, на которых потом начинают вырастать галактики.

Несколько лет назад американский спутник COBE (Cosmic Background Explorer) обнаружил в микроволновом фоне крошечную рябь — в точности те флуктуации, которые должны быть в соответствии с моделью инфляции.

Не надо, однако, воспринимать инфляционную модель как некую истину в конечной инстанции. Это очередная ступень в понимании мира, его возникновения и развития. Модель развивается и будет с течением времени совершенствоваться и видоизменяться.

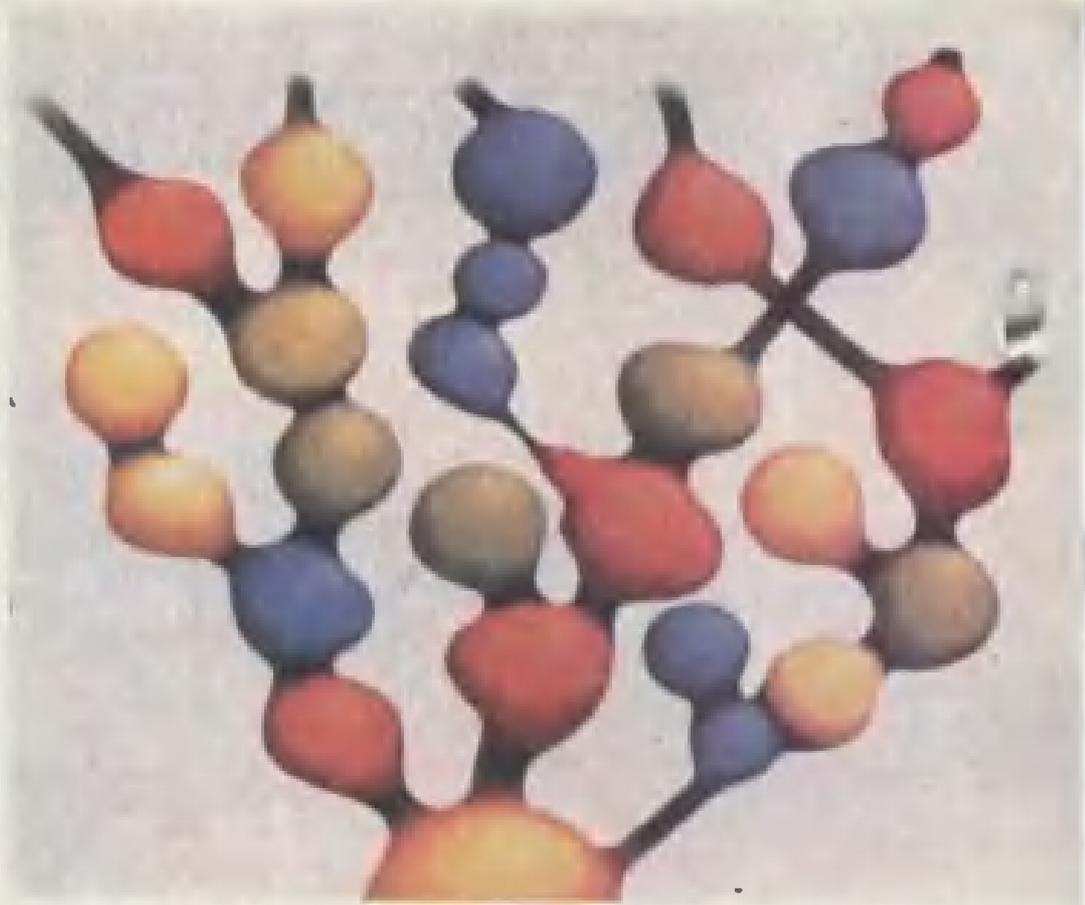
Теперь давайте взглянем на нашу Вселенную в свете только что изложенной теории. Если в каком-то месте началось инфляционное расширение, оно растягивает квантовые флуктуации и в конечном счете они как бы замерзают, накладываясь на существующее повсюду скалярное поле. Кое-где они приводят к росту этого поля, а в других местах — уменьшают. Где-то несколько положительных флуктуаций могут наложиться друг на друга и повысить значение скалярного поля настолько, что начнется новый всплеск инфляции в этом месте. Из теории следует, что если один раз началось инфляционное расширение, оно будет само себя воспроизводить все в новых и новых местах и Вселенная приобретет вид не раздувающегося шара, а дерева из раздувающихся пузырей (рисунки 2). Каждый из пузырей можно рассматривать как отдельный Большой взрыв.

В общепризнанном смысле такая картина выглядит более естественной, чем уникальный Большой взрыв. Существует бесконечное множество различных вселенных, каждая из которых развивается по своим законам, и весь процесс бесконечен в пространстве и во времени. В чем-то шары отдельных больших взрывов наводят на мысль о том, что и человек так же рождается среди подобных себе, развивается и уходит, а человечество может жить гораздо больше, чем жизнь одного его участника.

Главное, что необходимо усвоить, — новая теория полностью меняет космическую парадигму. Раньше мы

Вечное дерево Вселенной

«Знание — сила».
Октябрь 1995

2. Дерево Вселенной. Разные цвета шаров соответствуют различным физическим законам в этих частях Вселенной.

считали, что Вселенная расширяется, оставаясь в то же время чем-то самоподобным и уникальным. Современная теория говорит, что Космос непрерывно растет, вновь и вновь рождается, воспроизводя себя в новых и новых формах, с разными физическими законами и принципами. И чтобы понять свойства нашего участка Вселенной, мы, кроме анализа законов окружающей Природы, должны не менее пристально исследовать самих себя и особенно природу нашего сознания!

Это один из наиболее неожиданных выводов, которые следуют из космологических идей Андрея Линде.

День восьмой

До сих пор я занимался их изложением, а в заключение передаю слово самому Линде. Далее следует перевод последней главы его статьи в «Сайентифик Америкен».

«Новую космологическую теорию непросто изобразить наглядно. Одной из основных причин популярности Большого взрыва была простота: Вселенная — раздувающийся шар. Гораздо труднее вообразить себе структуру постоянно воспроизводящегося инфляционного сценария. В определенной степени может помочь компьютерная симуляция, которую мы сделали с моим сыном Дмитрием, студентом Калифорнийского технологического института.

Мы начали наш сценарий с почти однородного скалярного поля и следили, как оно меняется при инфляции. К этому полю были добавлены квантовые флуктуации. На рисунках 3 а — г показано развитие событий. Каждый пик — это новый Большой взрыв, который создает новую Вселенную.

Ситуация становится еще интереснее, если рассматривать не одно, а несколько скалярных полей. На рисунке

а

б

4 изображено развитие Вселенной, где есть три различных минимума потенциальной энергии у поля, каждый из которых выкрашен в свой цвет. Около быстро растущих горных пиков видно, как меняется цвет, — там поле переходит из одного минимума в другой, при этом меняются законы физики. Но в долинах все уже стабилизировалось — вот в таком районе мы с вами и живем.

В другой перспективе наши картинки выглядели, как взрывающиеся звезды (рисунок 5) или как фантастические переливы цветов (рисунок в начале статьи). Мы называли их «Вселенная по Кандинскому» в честь известного русского абстракциониста начала века.

Первую серию таких симуляций мы провели несколько лет назад, получив на семь дней от фирмы «Силикон график» в Лос-Анджелесе один из самых мощных компьютеров. Не сразу нам удалось запустить свои программы — лишь на седьмой день получилось нечто вразумительное. Впервые мы увидели эти инфляционные пики и наслаждались ощущениями творца, создававшего Вселенную. Мы смотрели на экран и были счастливы, потому что мир был прекрасен!

Но пришел восьмой день, у нас забрали машину и сразу же у нее сломался диск, а вместе с ним погиб и созданный нами прекрасный Мир...

Теперь мы работаем с другими программами и на других компьютерах. Но с недавних пор нас заботит еще одна мысль: можно ведь создавать Вселенную не только на компьютерах, но и в лаборатории! Надо лишь сжать материю так сильно, чтобы квантовые флуктуации запустили бы инфляционный взрыв. Оценки показывают, что даже миллиграмма вещества достаточно для возникновения новой вечно самовоспроизводящейся Вселенной!

3. Изменение скалярного поля при инфляции. Каждый пик — новый Большой взрыв.

в

г

4. Развитие Вселенной
при наличии нескольких
скалярных полей

5. Компьютерный «Кан-
динский»

В. Кандинский. Компози-
ция VII (фрагмент)

Конечно, это фантазии теоретиков, и мы не знаем — возможен ли такой путь. Теория квантовых флуктуаций очень сложна, и предсказать количественно, как пойдет процесс, пока невозможно...

А если и получится, то что делать с этой новой Вселенной?.. Как связаться с ее жителями?.. А может, и наш Космос создан каким-нибудь любителем подобных экспериментов?.. Когда-нибудь мы ответим на эти вопросы».

Александр Владимирович СЕМЕНОВ — профессиональный физик. Но сегодня, пожалуй, можно говорить о нем, как о профессионале-популяризаторе, воспевающем науку несмотря ни на какие трудности, с которыми она ныне сталкивается. Пятнадцать лет сотрудничества с нашим изданием — журналистский стаж А.В.Семенова.

Курите через кожу!

На антитабачном фронте появилось новое эффективное американское оружие, названное никодермом. Речь идет о маленьком прямоугольном пластыре, который прикрепляют к коже человека, решившего бросить курить. Пластырь непрерывно подает в организм небольшие количества никотина, чтобы сократить массу неприятных переживаний, неизбежных при привычке к определенному яду, который однажды перестает поступать в организм в обычной дозе.

Никодерм предлагается в трех модификациях. Первая обеспечивает 21 миллиграмм никотина ежедневно — половину того, что человек может получить от тридцати сигарет. После определенного врачом периода пациент переходит ко второй форме — 14 миллиграммов активного вещества, а затем еще к более слабой разновидности — семь миллиграммов. Отсюда до полного отказа от курения только один шаг, который уже не трудно будет сделать.

Ядовитые рога

Оленьи рога традиционно служат украшением. Но вот недавно ученые из Венского ветеринарно-медицинского университета решили с их помощью восстановить картину радиоактивного и химического загрязнения окружающей среды в двадцатые — пятидесятые годы нашего столетия.

Выяснилось, что в прежние времена содержание свинца в атмосфере было гораздо выше, чем сейчас: о фильтровании выхлопных газов тогда мало заботились. Общий же радио-

активный фон в середине века, в пору интенсивных и бесконтрольных атомных испытаний, оказался даже в четыре раза выше, чем после Чериобыля.

Что делать с лишними коровами?

Вот такой далеко не праздный вопрос встал перед жителями некоторых Алеутских островов, куда при их освоении в XIX веке завезли крупный рогатый скот. Впоследствии часть скота, одичав и размножившись, образовала несколько вольных стад, которые, как выяснилось, наносят уже заметный ущерб окружающей среде. На острове Семенова, например, они уничтожили двадцать процентов всей растительности и угрожают местным гнездовьям водоплавающей птицы. По распоряжению Министерства рыболовства и охоты США часть одичавших животных была выборочно отстрелена с воздуха. Уничтожались главным образом старые быки. Большую же часть стада переправили на другие острова, а за оставшимися животными по соглашению с министерством ухаживают местные жители.

Азия в дыму

Осенью девяносто четвертого года толстый слой дыма покрыл тысячи километров в Южной Азии — это один из самых печальных эпизодов загрязнения воздуха, произведенного человеческими руками. Колоссальные пожары на острове Суматра привели к тому, что Индонезия, Сингапур и Бруней покрыты смогом. Уже два парохода столкнулись на подходах к Сингапуру, а в Куала Лумпур воздух просто опасен для здоровья.

Кроме необычно сухой погоды, к пожарам привели действия индонезийских фермеров, выжигающих лесные участки для плантаций масляных пальм.

Растения, лечитесь аспирином!

Аспирин — едва ли не универсальное лекарство. Против чего его только не используют! Однако аспирин помогает не только больным людям, но и больным растениям. Вернее, речь идет об активном компоненте лекарства — салициловой кислоте. Название ее происходит от одного вида вербы-саликс, которую индейцы Северной Америки применяли при головной боли. Однако ее роль в обмене веществ до сих пор была не ясна.

Известно, например, что таблетка аспирина, брошенная в воду с цветами, позволяет им дольше сохранять свежесть. В экспериментах с экзотической лилейной вуду ученые установили, что накануне цветения уровень салициловой кислоты в растении увеличивается почти в сто раз! По-видимому, аспирин играет роль мощного химического сигнала, который задействует цепь процессов, происходящих в растении.

Опыты американских ученых показали и другое — у табака, зараженного табачной мозаикой, наблюдается пятикратное увеличение салициловой кислоты. Это происходит до того, как появляются первые признаки заболевания. И в этом случае салициловая кислота действует как сигнал, но на этот раз включающий защитные реакции растения против вирусов.

Возможно, в будущем удастся разработать новую стратегию защиты растений от болезней. Например, создать сорта, синтезирующие салициловую кислоту в большем количестве. Или получить бактерии, живущие около корней растений, чтобы производить аспирин, поглощаемый корнями.

ВЕЧНЫЕ ТЕМЫ НАУКИ

Тайна сна:

**на пороге
третьего
тысячелетия**

Владимир Ковальзон

От Аристотеля до Павлова

«...Сон же, по-видимому, принадлежит по своей природе к такого рода состояниям, как, например, пограничное между жизнью и не жизнью, и спящий ни не существует вполне, ни существует...», — так сказал Аристотель, один из величайших людей, когда-либо живших на Земле. Описание окружающего нас мира, данное им, казалось настолько правильным и исчерпывающим, что наука (во всяком случае, наука о сне) почти не развивалась в течение двух тысячелетий. Поэтому из времен Александра Македонского мы без потерь перенесемся в XIX век, когда в России жила и работала замечательная женщина — Марья Михайловна Манасейна (1843 — 1903).

Дочь известного русского археолога, члена Санкт-Петербургской Академии наук, профессора М.А.Коркунова, Марья Михайловна стала одной из первых женщин в России, сумевших получить высшее медицинское образование в шестидесятые годы прошлого века. Ее мужем был В.А.Манассин, профессор Военно-медицинской академии и издатель первого русского медицинского журнала «Врач».

По окончании университета Марья Манасейна работала в Политехническом институте в Вене, где изучала процесс спиртового брожения. Она совершила крупнейшее открытие и фактически стала основателем новой науки — биохимии, показав, что брожение происходит под воздействием особых веществ (так называемых неорганизованных ферментов, если пользоваться терминологией того времени), которые можно выделить из дрожжевых клеток, однако сами живые дрожжи здесь ни при чем. Эти результаты опровергали «физиологическую» теорию брожения Пастера и свидетельствовали в пользу «химической» точки зрения, которой придерживались такие выдающиеся ученые, как Клод Бернар, Юстус Либих и Марселен Бертло.

Прошло более четверти века, ког-

да результаты Манасейной были полностью подтверждены Эдуардом Бухнером, который, однако, зная о работе Манасейной, сознательно уклонился от ссылки на нее. Попытка Манасейной вступить за свой приоритет (она направила специальное письмо на немецком языке в редакцию научного журнала, в котором была опубликована работа Бухнера) ни к чему не привела. В конце концов несправедливость (увы!) восторжествовала: фамилия Манасейной как первооткрывателя химической природы брожения была прочно забыта, а Бухнер через четыре года после ее кончины, в 1907 году, получил Нобелевскую премию.

Работу Манасейной по брожению с интересом встретил крупнейший химик Ю.Либих и пригласил ее поработать в свою лабораторию в Гессене. К несчастью для Манасейной и для биохимии в целом, но к счастью для науки о сне (!), она не смогла принять столь соблазнительное приглашение, так как семейные обстоятельства вынуждали ее вернуться в Санкт-Петербург.

Возвратившись, она вскоре переквалифицировалась в физиолога и стала работать в лаборатории профессора Ивана Тарханова, известного в истории этой науки первооткрывателя «кожно-гальванического рефлекса». Иван Тарханов, между прочим, чрезвычайно интересовался проблемой сна; вероятно, под его влиянием сотрудница и ученица Марья Манасейна провела первые в истории науки опыты на щенках с длительным лишением сна. Оказалось, что все животные при этом неизменно погибают в течение пяти суток, причем, чем моложе щенок, тем быстрее наступает смерть. Анализируя свои результаты, Манасейна пришла к выводу, что сон для организма важнее пищи.

В конце прошлого века М. Манасейна опубликовала большую книгу под названием «Сон как треть жизни человека, или Физиология, патология, гигиена и психология сна». Эта книга стала настоящей энциклопедией, где впервые в по-

пулярном изложении приводились все знания того времени по проблеме сна. Книга имела огромный успех, была переведена на основные европейские языки и издана в Англии, Франции и Германии.

По мнению Манасеиной, «ученые, признающие сон за остановку или диастолу мозговой деятельности, ошибаются, так как во время сна мозг вовсе не спит, не бездействует весь целиком, а засыпанию поддаются только те части его, которые составляют анатомическую основу, анатомический субстрат сознания». «Сон есть время отдохновения нашего сознания», — писала она. Интересно, что сама Манасеина не предполагала образования каких-то специфических веществ под воздействием процедуры лишения сна: она считала, что причиной гибели подопытных животных становится нарастающее утомление. Однако первые попытки обнаружить накопление подобных веществ и перенести их из организма лишенных сна животных-доноров нормальным животным-реципиентам, похоже, были сделаны под воздействием работ Манасеиной. В начале нашего столетия эти опыты независимо друг от друга провели японский ученый К.Ишимори и французский — А.Пьерон, оба исследователя ссылались на книгу нашей соотечественницы и оба использовали собак в своих опытах.

В 1894 году Марья Манасеина участвовала в работе Всемирного физиологического конгресса в Риме; она опубликовала также несколько работ по другим проблемам физиологии высшей нервной деятельности, в том числе о роли обоих полушарий в физиологии и психологии человека. Однако основной ее вклад в физиологию связан с проблемой сна; фактически она стала основателем «науки о сне», и здесь приоритет русской науки несомненен.

Известно, что великий Павлов чрезвычайно интересовался проблемой сна и считал ее одной из ключевых в изучении нервных процессов. Многие из того, что он го-

ворил и писал в этой связи, устарело, однако в конце своей долгой жизни, в 1935 году, И.П.Павлов высказал следующую мысль: «Ясное дело, что наша дневная работа представляет сумму раздражений, которая обуславливает известную сумму истощения, и тогда эта сумма истощения, дошедшая до конца, и вызывает автоматически, *внутренним гуморальным путем* (выделено мною. — В.К.), тормозное состояние, сопровождаемое сном». Эту формулировку можно назвать пророческой — она звучит вполне актуально и в наши дни.

Гуго Ля Сэв — величайший исследователь сна всех времен и народов

Гуго Ля Сэв — гениальный французский ученый XVIII века. Сын простого садовника и аристократки, он получил медицинское образование и служил хирургом в армии Людовика XV. После ранения, полученного в войне против прусского короля Фридриха I, граф Ля Сэв вышел в отставку и поселился в имении своей жены, в замке Булинье в местечке Домбы под Лионом. Философ и натуралист, страстный любитель живой природы, Ля Сэв вступил в переписку с величайшими умами своего времени — Вольтером, Дидро и другими.

Он основал общество вольнодумцев под невинным названием «Кружок любителей природы», где материалисты и атеисты вели бурные философские беседы. Разумеется, заседания кружка имели мало общего с аскетизмом современных научных конференций: это были пиршества не только духа, но порой и тела, дискуссии, протекающие под смену изысканных яств и тонких вин, разносимых полуобнаженными прелестницами... Все это не могло пройти для властей незамеченным, и за членами кружка был установлен негласный надзор полиции...

Особый интерес испытывал Ля Сэв к загадке сна и сновидений. Еще в юности он начал коллекционировать свои сновидения, записывая их тотчас при пробуждении, и теперь, анализируя тысячи тех и новых записей, он обнаружил,

что определенные картины и сюжеты время от времени повторяются, подчиняясь строгой математической закономерности. Своим открытием Ля Сэв поделился с великим натуралистом, академиком Шарлем Бонне из Женевы. Однако Бонне, обладатель трезвого критического ума, заявил Ля Сэву, что субъективных наблюдений одного исследователя недостаточно, научный подход требует более систематических и объективных изысканий.

Ля Сэв последовал его совету и в течение ряда лет изучал внешние проявления сна и сновидений у окружающих его людей и животных. Так, наблюдая за своей кошкой, спящей на томике «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера, Ля Сэв обратил внимание на периодические подергивания ее глаз и ушей. Быть может, ее беспокоят блохи? С помощью смеси лавандового и миндального масел Ля Сэву удалось изгнать блох из всех кошек и собак, живущих в доме. И что же? Быстрые движения глаз, подергивания ушей и лап и другие подобные явления продолжали эпизодически возникать во время сна.

Отмечаются ли подобные периодические явления у других животных и людей? Действительно, наблюдая процесс ночного сна у одного швейцарского кирасира, приглашенного переночевать в замок, Ля Сэв описал периодически возникающие эпизоды с движениями глаз, нерегулярностью дыхания и эрекциями. При пробуждении кавалерист сообщил об эротических сновидениях...

Ля Сэв расспросил одного старого артиллериста, ослепшего при внезапном разрыве своего орудия. «Только во сне я и могу видеть, — отвечал тот, — я вижу мир во всех его красках, я вновь вижу картины из прошлого...». «Значит, зрительные образы рождаются вовсе не на сетчатке глаза, а в глубинах нашего мозга!», — изумился Ля Сэв. Тогда он не без труда проник в приют для всяких уродов, который обслуживали монахини, и там узнал о сновидениях у слепорожденных и глухонемых подростков. Ля Сэв исследовал сон у анэнцефала по кличке «жабенок» — существа без головного мозга, у девочки с птичьей голо-

вой, у сиамских близнецов, сросшихся ягодицами, и так далее.

Феноменальная наблюдательность в сочетании с необычайной, чисто аристотелевской способностью логически мыслить позволили Ля Сэву вместе со своей юной ассистенткой и возлюбленной, очаровательной Беатриссой Монтье (располагавшими лишь примитивными механическими и оптическими приборами своего времени) совершить все те открытия, которые составляют гордость нейтрофизиологии второй половины XX века! Он догадался о существовании в мозгу центра сна, о наличии в организме особых веществ, регулирующих сон, сформулировал гипотезу о функции сновидений и прочее.

Однажды Ля Сэву представилась возможность принять участие в плавании к далеким островам Рюкю в западной части Тихого океана, которой он, неутомимый путешественник, разумеется, не мог не воспользоваться. Во время этого путешествия он бесследно исчез, и имя его было забыто. К счастью, спустя двести лет дневники Ля Сэва были случайно найдены в сундучке, купленном на распродаже антикварных изделий, и легли в основу романа «Замок снов».

Раскроем читателю секрет: все вышеизложенное — литературная мистификация, вымысел автора романа Мишеля Жуве. Профессор Жуве — гордость Франции, один из крупнейших ее ученых, член Национальной Академии наук, лауреат многих национальных и международных научных премий, неоднократно выдвигавшийся и на Нобелевскую премию, которую он, будем надеяться, еще получит. Впрочем, стоит напомнить, что такие величайшие ученые XX века, как Зигмунд Фрейд («комплексы»), Уолтер Кэннон («гомеостаз»), Ганс Селье («стресс») не были лауреатами Нобелевской премии...

Жуве применил редкий литературный прием «ретроспективной фантастики»: он перенес свое alter ego, второе «я», на двести лет назад, погрузил его в гущу необыкновенных приключений, колоритнейших персонажей и в конце концов снабдил всеми теми знаниями, которыми обладал сам! Дело в том, что

В.Ковальзон.
Тайна сна: на пороге третьего тысячелетия

Жуве — крупнейший специалист по физиологии сна, которому современная наука о сне («сомнология», «гипнология» или «онейрология») обязана большей частью своих поразительных открытий.

Жуве — личность почти легендарная, и его собственная жизнь также была достаточно интересна и насыщена событиями, о чем он, вероятно, еще расскажет в одной из своих новых книг. Он родился семьдесят лет назад недалеко от Лиона, в тех местах, где происходит действие романа. Его отец был врачом, но интеллект и уровень знаний этого человека намного превышали «среднемедицинский». Вся семья отличалась редкой талантливостью; так, брат Жуве (к сожалению, безвременно умерший) стал самым блестящим молодым физиком-теоретиком во Франции...

Во время второй мировой войны Мишеля Жуве, тогда студента-медика, призвали в армию. Он воевал под Страсбургом, был ранен. В период оккупации ушел в маки, партизанил в горах недалеко от Лиона. Имеет боевые награды. После войны Жуве закончил учебу во Фран-

ции и аспирантуру в США, в лаборатории крупнейшего нейрофизиолога Гораса Мэгуна. Затем вернулся во Францию, в родной Лион, на кафедру экспериментальной медицины Университета имени Клода Бернара, которую вскоре и возглавил, и остается на этом посту в течение вот уже тридцати лет...

Жуве был одним из первых, кто в конце пятидесятых годов наблюдал и регистрировал электрофизиологические проявления парадоксального сна (быстрого сна, сна со сновидениями) у кошки. Справедливости ради следует отметить, что до него эти феномены у человека и кошки описали американские авторы — крупнейший специалист по проблеме сна первой половины XX века Натаниель Клейтман¹ и его аспиранты Юджин Азеринский и Билл Демент. Однако по-настоящему понял, что именно было открыто, создал новую парадигму (в куновском смысле) все-таки Жуве. Согласно Жуве, парадоксальный сон (этот термин также принадлежит ему) — это не классический сон и не бодрствование, а особое, третье состояние организма, характеризующееся парадоксальным сочетанием активности мозга и расслабления мышц, как бы активное бодрствование, направленное внутрь.

В шестидесятые годы Жуве внес громадный, неоценимый вклад в физиологию сна. Вместе с сотрудниками он изучил и досконально описал всю феноменологию сна, его анатомическую основу, нейрофизиологические, биохимические,

Уроженец Кишинева, Н.Клейтман всю жизнь проработал психологом в Чикагском университете. В двадцатые годы проводил опыты по лишению сна на себе; эти опыты привлекли внимание самого Павлова. В 1936 году опубликовал энциклопедическую по охвату проблемы монографию «Сон и бодрствование». Многие выдающиеся физиологи и психологи отличались завидным долголетием, но Клейтман — настоящий Мафусаил среди них! В этом году ему исполняется сто лет, и он все еще пребывает в добром здравии, проживая в курортном местечке Санта-Моника в Калифорнии. Крупнейшим научным достижением своей жизни Клейтман считает не открытие нового вида сна, а концепцию так называемого основного цикла покоя — активности.

онто- и филогенетические аспекты и прочее. В числе экспериментальных открытий Жуве были и совершенно фантастические, достойные Гуго Ля Сэва, — например, кошка, демонстрирующая свои сновидения².

В результате своих изысканий Жуве пришел к выводу, что основным биохимическим агентом, ответственным за регуляцию сна в мозге млекопитающих, служит нейромедиатор 5-окситриптамин (серотонин), продукт превращений аминокислоты тирозина. Грандиозная новая концепция биохимической регуляции сна, в центре которой находился серотонин, была опубликована Жуве в журнале «Science» в 1969 году, а затем и в других изданиях, успела приобрести широкую известность и даже войти в учебники. Однако она не продержалась и нескольких лет, как покачнулась и вскоре рухнула окончательно под напором фактов.

Но недаром говорят, что ошибки гения не менее поучительны, чем его победы... В последующие годы, когда стало ясно, что в регуляции сна — бодрствования принимает участие множество веществ различной химической природы — аминокислоты и их производные (ацетилхолин, моноамины), пептиды, нуклеозиды, простагландины, Жуве разработал новую гипотезу, в которой серотонину отводится особое место. Эти драматические события своей жизни Жуве с присущим ему остроумием отразил в одной из своих лекций под названием: «Серотонин и я — история любви» (во французском языке слово серотонин — женского рода).

Подводя итоги своим тридцатипятилетним исследованиям в области физиологии и биохимии сна в книге «Сон и сновидения», вышедшей в Париже одновременно с романом «Замок снов» в том же издательстве, Жуве, перефразируя знаменитое изречение Декарта, писал: «Я сплю, я вижу сны — следовательно, я существую!». И если сравнить эту фразу с цитатой из Аристотеля в самом начале статьи,

² Об этом см.: Эдриан Р. Моррисон. Окно в спящий мозг. «В мире науки», 1983, № 6, с. 62 — 71.

Билл Демент

легко проследить всю эволюцию представлений о природе сна за два с половиной тысячелетия: от уверенности, что сон — это некое маргинальное состояние, пограничное между жизнью и смертью, до осознания, что сон представляет самую суть, квинтэссенцию жизненных процессов в мозге.

Как сказал Жуве в другом месте: «Кто познает тайну сна, познает тайну мозга». На чем же основана столь радикальная переоценка, или, выражаясь в куновских терминах, «смена парадигм»? Об этом читайте в следующем номере журнала.

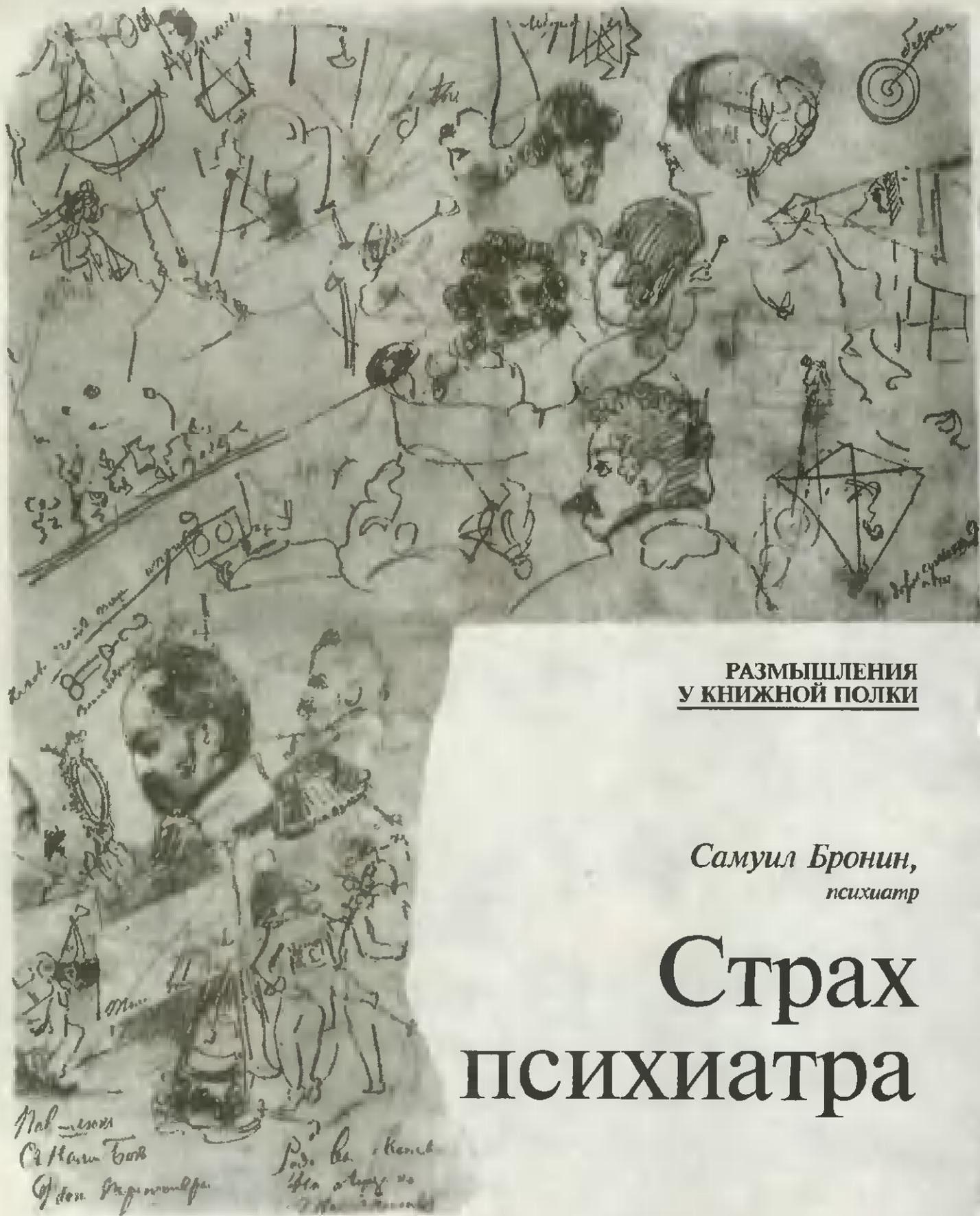

Владимир Матвеевич КОВАЛЬ-ЗОН — доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции Российской Академии наук. Специалист по физиологии и биохимии сна. Любимое изречение: «Я провожу во сне треть жизни, и эта треть моей жизни — отнюдь не худшая!» (А. Эйнштейн). Мечтает найти издателя для публикации на русском языке книг М. Жуве «Замок снов» и «Сон и сновидения».

Эта юбилейная страница — грустная. Давно уже нет с нами Ляли Розановой, но старинные наши читатели помнят, наверное, ее блестящие репортажи; ушел из жизни корифей научно-популярного жанра Роман Подольный, нет и Кати Щукиной — красавицы, умницы, ответственного секретаря редакции в восьмидесятые годы.

РАЗМЫШЛЕНИЯ
У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

*Самуил Бронин,
психиатр*

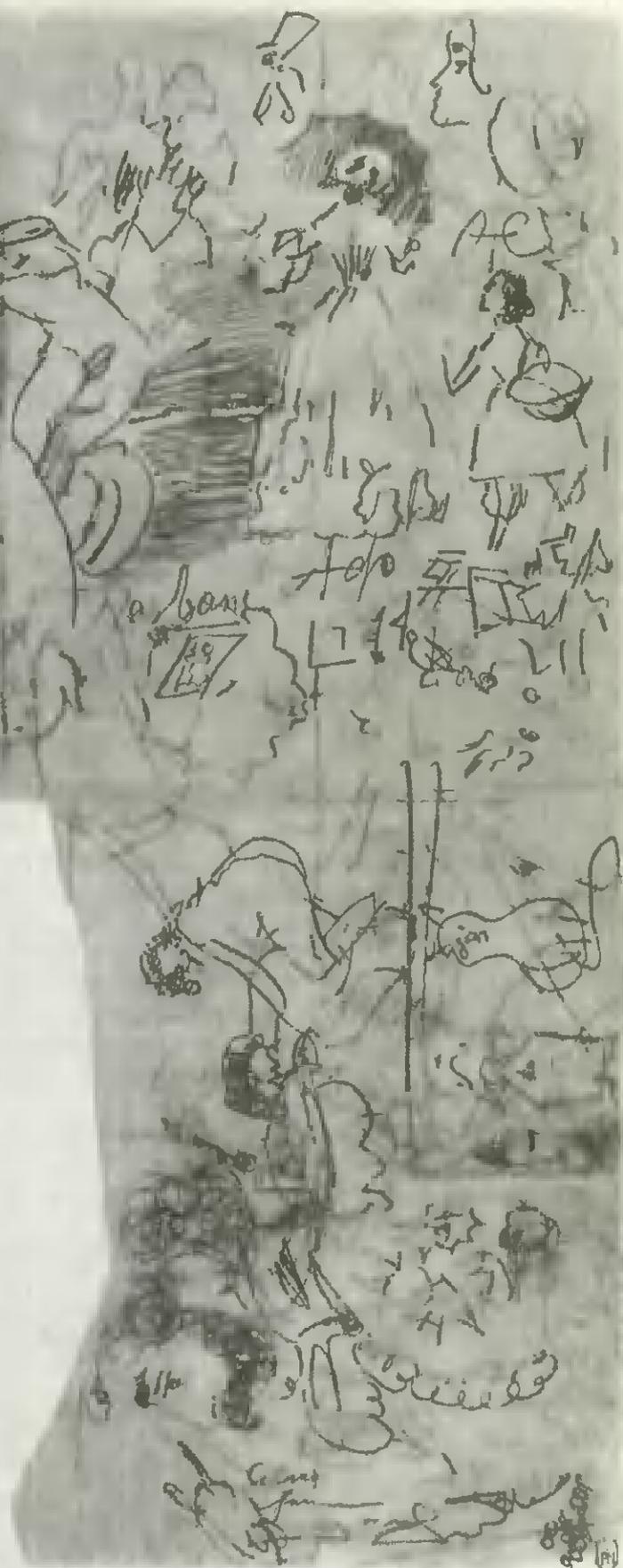
Страх психиатра

У широкого читателя знания о психиатрии исчерпываются, возможно, расхожими анекдотами. И это не случайно: рядовой гражданин всячески избегает сколько-нибудь тесного знакомства с нашим предметом, испытывает к нему беспричинную антипатию, которая таит под собой смутное, но от этого не менее реальное чувство страха перед психической болезнью и душевнобольными пациентами. То, что это именно так, подтвердит любой больной этого рода и любой врач, находя-

*П. Федотов. Рисунок (1851 — 1852),
сделанный художником во время
сумасшествия*

***Мысль подобна
смерти:
со смертью
дух отлетает
от тела навечно,
с мыслью —
на время.***

щийся с больным в одной упряжке: тот и другой расскажут о негласном и потому особенно действенном остракизме, умолчании и неприятии, которыми оба окружены. Причины этого систематического отчуждения и неприятия сумасшествия «здоровой» человеческой психикой сложны и фундаментальны. Чтобы составить себе самое общее представление о них, полезно вернуться к истории психиатрии, науки, занимающейся темой душевных болезней профессионально.

Что такое психиатрия в понимании прошлого, классического ее века, точнее, с тридцатых годов прошлого по тридцатые годы нынешнего столетия? Это наука, описывающая психические болезни, объясняющая их причины и развитие и ищущая средства борьбы с ними. Она относится к самым заболеваниям заведомо и сугубо отрицательно: при самом гуманном подходе к больному как носителю болезни последняя представляется безусловным злом, подлежащим искоренению. Больные, равно как и остальное общество, должны ограждаться от этого зла, поэтому классическая психиатрия — преимущественно больничная, меры стеснения больных, подчас самые грубые, физические, продолжают бытовать в самых современных психиатрических клиниках. Без них и в самом деле не обойтись — это скажет всякий, кто хоть раз в жизни видел возле себя приступ белой горячки или неистовство эпилептика или шизофреника.

Постулатами этой науки являются, стало быть, безусловная чуждость психических болезней, враждебность их человечеству и отсюда — по необходимости авторитарный, часто грубо принудительный характер их лечения. Опережая события, скажем, что как только классическая психиатрия решила выйти из стен психиатрических больниц или просто взглянуть на мир из окон сумасшедшего дома, основы ее зашатались, а общество, всегда терпевшее ее лишь в меру необходимости, стало относиться к ней с еще большей подозрительностью и настороженностью. Но почему?

Тупики науки, равно как и ее достижения, лучше всего прослеживаются по трудам ее классиков. Примером тому произведения великого французского психиатра В. Маньяна, в настоящее время готовящиеся к печати*.

Валантен Маньян родился в 1835 году на юге Франции. Он учился в Лионском университете на медицинском факультете и по окончании его принял решение стать психиатром. Он отправился в Париж, тогдашнюю психиатрическую Мекку Франции, как, впрочем, и всей Европы, для получения специального образования. Совершенствовался у известных профессоров — Марсе, Фальре-отца, Байарже. А затем ему сразу же повезло получить место в только что открывшейся психиатрической больнице Св. Анны, в ее приемном отделении. Здесь и протекли последующие 45 лет его напряженной лечебной, научной и преподавательской деятельности.

Несмотря на общепольскую, а затем и всеевропейскую известность, несмотря на огромное число печатных трудов, он так и не занял какой-либо кафедры и оставался, по нашим меркам, рядовым заведующим больничным отделением.

И тем не менее круг его научных интересов был чрезвычайно разнообразен. Чем только он ни занимался! Начал с исследований изменений при прогрессивном параличе, далее увлекся проблемой алкоголизма (по-видимому, алкоголизм был таким же бедствием Франции того времени, каким он является у нас сегодня), написал отмеченный Французской академией труд по алкоголизму. Но мировую известность ему принесли труды о хроническом бреде со стадийным течением (маньяновский бред преследования) и о психических расстройствах у наследственных дегенератов (наследственных девиантов). Эти последние постоянно и неотвязно занимали его ум и воображение, словно он чувствовал в них как своих личных врагов, так и камень преткновения для столь дорогой ему науки. В его курсе лекций они предстают перед нами в самых разных ипостасях своего изменчивого состояния.

Можно прибавить к этому, что Маньян был одним из немногих, кто увлекался казавшейся скучной психиатрической статистикой и, что совсем уже примечательно, — влиянием на нее таких национальных катастроф, как Парижская коммуна и франко-прусская война. Маньян, как

* В. Маньян. Жизнь и творчество. Перевод с французского С. Бронина.

заметил наш отечественный знаток французской психиатрии Н.Г.Шумский, был не только самой крупной фигурой мировой психиатрии до Крепелина, но и его прямым предтечей и предшественником.

Современники в один голос отзывались о нем как о воплощении гуманности, человеке, целиком отдавшем себя служению душевнобольным. О его благородстве свидетельствуют и отечественные психиатры, ездившие, как и другие, к нему на учебу и поклонение — Баженов, Сикорский, Ганнушкин. Свою любимую больницу он покинул в 1912 году, но и тогда не оставил полностью врачебной деятельности и умер в возрасте 81 года, находясь в должности врача дома для выздоравливающих.

Итак, Маньян — один из столпов клинической психиатрии прошлого века, в этом мнении единогласны все психиатры прошлого. По-видимому, это суждение вполне обосновано и правомерно, но... явно недостаточно.

Научное честолюбие Маньяна не ограничивалось одним описанием и систематикой душевных заболеваний: практика его не исчерпывалась применением клинического метода, хотя он и превозносит его достоинства: он и патологоанатом, и физиолог-экспериментатор, и толкователь нормальных психических процессов на основании данных психической патологии — какими в последующем стали Фрейд и Павлов. Такая разнонаправленность исследований и свобода в выборе средств при сохранении единого общего направления свидетельствуют обычно о том, что ученым движет не столько декларированная им самим цель, сколько какие-то иные, более общие поиски. В данном случае это именно так. И предметом своим они имеют не более и не менее как тайны человеческого духа и разума.

Вот всего два примера. Современники Маньяна так же, как и он, изучали действие алкоголя на животных, но ограничивались исследованием органов после смерти животного. Маньян же создал модель психоза у животного.

Вдумайтесь в это словосочетание! Не случайно, насколько нам известно, никто до сих пор не только не повторил этих опытов, но и вообще не упоминает о них.

А вот теперь как раз время вернуться к нашей мысли о том, что психика — как бы нечто запретное, и изучение ее сдерживается не только объективными трудностями, но и моральными запретами.

Самый просвещенный и современно мыслящий ученый может возразить вам в связи с опытами Маньяна: какая может быть психика у животных, психика — нечто, присущее только человеку. Суть же опытов Маньяна именно в том прежде всего и состоит, что проявления психоза у человека едва ли не идентичны таковым у животного. Это означает, что такие «собственно человеческие» расстройства психики, как бред или слуховые галлюцинации, могут иметь своей основой (или говоря более категорически, всегда имеют причиной) поражение архаических структур мозга, общих для человека и животного. Если не сам эксперимент, то выводы из него принадлежат, следовательно, не клинической психиатрии, а совсем иному строю идей — и иному грядущему столетию, потому что изучение деятельности нормального и больного мозга подвигается очень медленно.

Кстати, по поводу преемственности столетий и в связи с данной проблемой хотел бы вспомнить еще одного очень давнего оригинала — нидерландского химика XVII века ван-Гельмонта, который известен тем, что открыл двуокись углерода и ввел в обиход науки понятие газа. Интересуясь и проблемами человеческого духа и сознания, он (цитируем по Каннабиху) писал, что «в основе каждого физиологического процесса лежит особое начало — архей. Душа человека заболеть не может — заболевает всегда архей, или *Anima Sensitiva*: промежуточное и связующее звено между духом человека и его растительным организмом». Догадки старых авторов бывают совершенно удивительны!

Вторым таким «скачком в сторону», экскурсом в смежные дисципли-

лины является рассуждение Маньяна о природе и механизмах галлюцинаций. «Галлюцинации возникают в корковых структурах восприятия и вызываются состоянием их перевозбуждения... в них возникает разряд, дающий звуковое представление, — так же, как если бы оно было предопределено импульсом из периферии... Расстройство настолько точно воспроизводит запечатленный в мозгу образ, что сопровождается абсолютной уверенностью больного в том, что оно истинно... Когда болезнь прогрессирует, корковые центры больного полностью эмансипируются: отдельные слова, фразы, монологи возникают в них вне всякой связи с течением мысли больного... устанавливается своего рода диалог между самим больным, представленным его лобными долями, и «партнером», расположенным в корковом центре слуха, — наступает своего рода раздвоение личности. Еще позже автономия галлюцинирующих центров становится всеобъемлющей, они начинают действовать во вполне автоматическом режиме...».

Нейрофизиолог может возразить, что перед нами самый примитивный взгляд на целостную деятельность головного мозга, что совершенно наивно и недопустимо помещать комплексные интегрирующие функции в передний мозг, а «слуховые», вербальные — в задний, когда известно, что даже самые элементарные двигательные реакции имеют многоуровневое представление в головном мозгу и что мозг вообще действует не линейным, а сложным сетевым образом. Но ошибки Маньяна в данном случае обусловлены не тем, что он плохой психиатр, а тем, что он слишком доверчивый нейрофизиолог и что он взялся объяснять известные психиатрические данные физиологическими, не известными. И тем не менее при таком подходе к делу словарь психиатрических терминов становится задачкой для нейрофизиолога, решение задач которого должно приблизить понимание деятельности головного мозга, а само наличие такого вопросника, созданного трудами клинической психиатрии, является неоценимым подспорьем для исследований мозга и психики.

Но маньяновское наследие интересно более всего не отклонениями от основной линии клинической психиатрии, а напротив — постоянным возвращением к ней, отчего судьба его верно отражает судьбу самой науки, ее неизбежный кризис, обусловленный изначально заложенным в ней противоречием между огромностью задач исследования и предвзятостью и ограниченностью в толковании.

Итак, психиатрия прошлого века (до этого научной психиатрии просто не существовало) с энтузиазмом молодости взялась за проблемы психических заболеваний. Она сосредоточилась вначале на заболеваниях, где причинные и чуждые здоровому организму факторы психической болезни особенно наглядны и очевидны, — прогрессивном параличе и алкоголизме: при первом заболевании параллельно психическим симптомам нарастают анатомические признаки воспаления оболочек и коркового вещества головного мозга, при втором — не менее демонстративна связь между пьянством и производимыми им психическими расстройствами. В обоих случаях (и это немаловажно!) сугубо материальная и чуждая человеческому естеству причина вызвала поначалу малые отклонения: нарушения поведения, аналогичные «обычной распушенности» и «аморальности», затем — психозы и, как итог, — слабоумие. Маньян, как мы видели, также прошел этот этап психиатрической учебы и инициации: на этом излюбленном оселке классической психиатрии прошлого века проверялись и подтверждались ее исходные принципы и концепции, врач становился специалистом.

Между тем основную массу психически больных составляют пациенты иного рода — те, у которых нет ни четко выявляемого по сей день анатомического субстрата заболевания, ни сколько-нибудь очевидных внешних, «материальных», причин страдания — ясно лишь, что очень часто больные, еще задолго до болезни, отличаются большими особенностями поведения и характера и как бы помечены судьбой в качестве возможных будущих ее жертв; в этой роковой фатальности и необъяс-

Способы укрощения душевнобольных (первая половина XIX века)

нимости недуга заключается, в частности, одна из причин общего страха перед ним и его носителями. Психиатрия прошлого века пренебрегла этим страхом и взялась за проблему с тем же задором и самонадеянностью, что и прежде, она принялась за эту основную массу больных и разворотила улей, из которого немедленно вылетели жалящие ее и всех других пчелы.

Причина психических расстройств в этой, основной, группе больных нашлась также очень скоро — она была в семейной, наследственной предрасположенности, в отягощении семей психическими заболеваниями. Секрет был, что называется, полишинелевский: в любой деревне это всегда знали, и родственники душевнобольных имели худшие шансы на брак там, где семейные связи прослеживались во многих поколениях. Но одно дело — молча знать, другое — письменно узаконить тот или иной факт, засвидетельствовать его научным признанием: этим вы сразу дискредитируете и восстанавливаете против себя очень многих — в данном случае семьи душевнобольных, которых словно ставили на одну доску с их большими родственниками.

Впрочем, и в этом не было бы еще большой беды: в конце концов, пропорция родственников душевнобольных в населении настолько мала, что можно пренебречь ею — кризис возник тогда, когда психиатры, не довольствуясь изучением своих подопечных и их близких родственников, обратили свой взгляд на тех, кто находятся вне стен больниц, но, по мнению специалистов, обладают чертами психики, свойственными больным, хотя больными, естественно, не считаются. Эти два этапа развития психиатрии прошлого века связываются с двумя великими ее именами — Мореля и Маньяна: первый поставил проблему вырождения как причины душевных заболеваний, второй показал, что вырождение живет в обществе

и вне психиатрических больниц и охватывает человечество много шире, чем это было принято думать ранее.

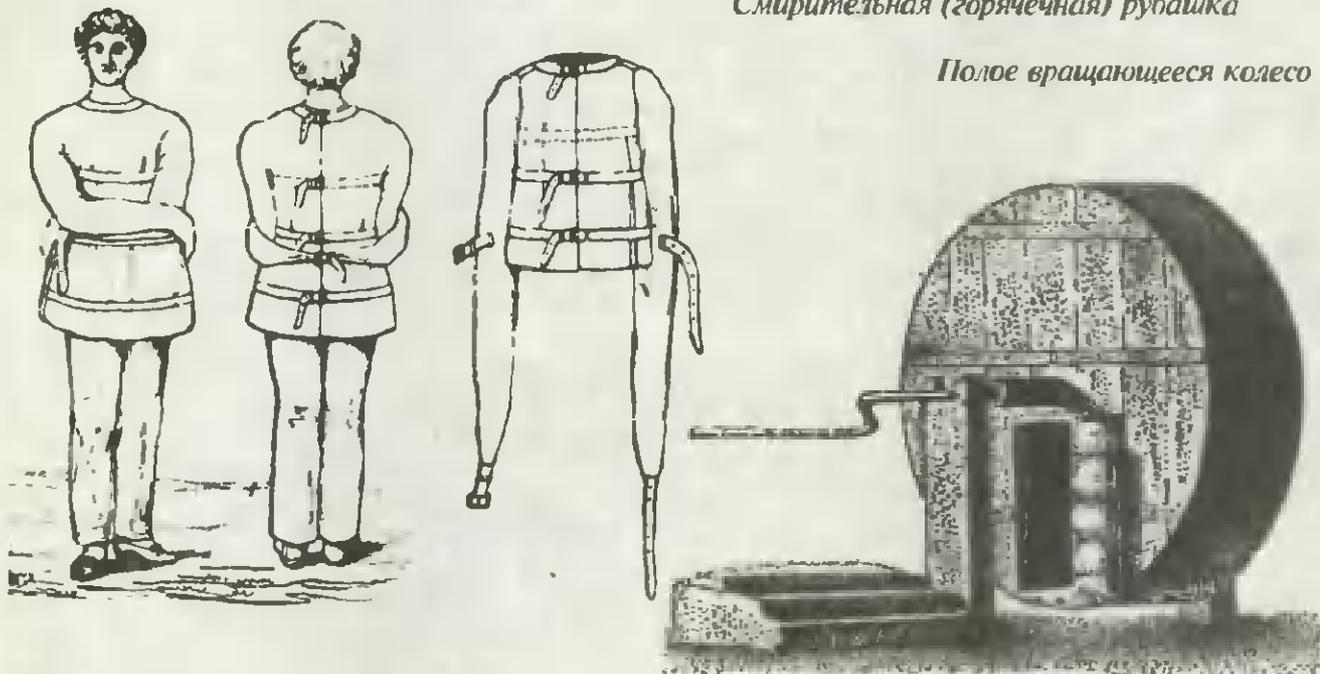
Морель несколько старше Маньяна: годы его жизни 1809 — 1872, а главные работы: «Трактат о вырождении» и «Трактат о душевных заболеваниях» были опубликованы в 1857 — 1859 годах. Душевные болезни, согласно его учению, являются следствием вырождения человеческой расы, дегенерации, которая проявляется физическими и психическими признаками и в отношении последних проходит четыре последовательных этапа.

«В первом поколении отмечается только некоторое преобладание нервного темперамента, склонность к мозговым приливам со всеми их естественными последствиями: раздражительностью, резкостью, необузданностью характера. Во втором периоде можно уже подметить обострение всех этих болезненных особенностей нервной системы: появляются кровоизлияния в мозг, идиопатические мозговые болезни или, по меньшей мере, какие-либо из главнейших неврозов, находящихся в гораздо большей степени, чем думают, в связи с различными наследственными влияниями: эпилепсия, истерия, ипохондрия. В третьем поколении склонность к душевным болезням будет уже врожденной, она проявится в поступках эгоцентрических, беспорядочных и опасных. Наконец, в четвертом поколении мы сможем проследить самые крайние ответвления этой наследственной передачи, которая может выразиться как в интеллектуальной и моральной, так и в физической сфере: это будет глухота, врожденная слабость психики, раннее слабоумие или жизнь, ограниченная узким кругом: бесплодие, пониженная жизнеспособность детей, умственная отсталость, идиотизм и, наконец, кретиническое вырождение». Такова лестница вырождения по Морелю.

Чем больше опровергались ее частности, связанные с научным уровнем его времени (кретинизм, например, является следствием не наследственного страдания, а дефицита йода в питании), тем больше подтверждалась и укреплялась основная схема усугубления тяжести расстройств по мере накопления генетических пороков. Средовые факторы играют, конечно же, очень важную роль в реализации тех или иных наследственных потенций, но сама возможность душевного заболевания, особенно в форме классического помешательства, предопределена наследственно. Между тем уже беглое ознакомление с первым этапом психического вырождения по Морелю позволяет отнести к нему большую часть человечества. Морель не стал углубляться в эту щекотливую проблему — сделал это Маньян, который ни в чем не знал удержу: он вплотную занялся так называемыми

Смирительная (горячая) рубашка

Полое вращающееся колесо

высшими дегенератами, которых мы в своем переводе стыдливо назвали девиантами: чтобы избежать нежелательной ругани там, где она нужна всего менее.

Маньян, видимо, чувствовал, что с решением этой проблемы связано очень многое, и занимался ею в течение всей своей творческой деятельности. Наследственными дегенератами он называет очень широкий круг лиц, общим для которых является внутренняя, наследственно обусловленная «неустойчивость психики» — его излюбленный термин, который он применяет на каждом шагу, к самым разным пациентам. Эта внутренняя нестабильность, разурегулированность психического механизма, его подверженность внутренним, не мотивированным внешним миром разрядам и вспышкам возбуждения является причиной самых разных феноменов нездоровой психики: навязчивостей, импульсивных расстройств, немотивированных смен настроения, склонности к образованию идей-фикс и овладевающих представлений, определяющих всю сознательную жизнь больного.

Названные расстройства — периодические, фазовые, преходящие, но есть и постоянные, неизменные: незрелость, необъяснимые воспитанием «лакуны» в моральной и инстинктивной сферах, эмоциональные дефекты, утрированный эгоцентризм, половая холодность или, напротив, — чрезмерность сексуального влечения, экзальтированность, склонность к резонерству, бесплодному мудрствованию и т.д. и т.п. — впрочем, если перечислить все, неизвестно, останется ли что-нибудь на долю остального, так называемого здорового человечества!

Надо не упускать из виду того, что, занимаясь этими «маргиналами», Маньян сохраняет прежнее, оставшееся неколебимым исходное отношение к психическим расстройствам как к чему-то бесспорно чуждому и враждебному человечеству, подлежащему если не искоренению, то безусловному осуждению. При этом он настаивает на том, чтобы «высшие дегенеранты» трактовались — во всяком случае, в научном отношении — наравне и заодно с дегенерантами низших ступеней. Он пишет в связи с этим следующее: «Здесь следует обозначить проблему четче и поставить вопрос так: что же, в конце концов, представляют собой все эти невропаты, повышенно эмотичные лица, ипохондрики — короче, все эти аномальные случаи, которые частью врачей рассматриваются лишь как пограничные с душевнобольными заболеваниями?» И далее, на примере двух больных, одного — с насильственными агрессивными поступками и другого — с навязчивым произнесением чуждых ему слов: «Разве у обоих не одно и то же? Разве у обоих не одна и та же неконтролируемая

«Знание — сила».
Октябрь 1995

Смирительная кровать

потребность в действии, не один и тот же разряд возбуждения мозгового центра?.. Природа расстройств едина, различны лишь их последствия... Что еще в обоих состояниях, кроме непреодолимой потребности повторить то или иное ощущение, которого требуют определенные зоны мозга?»

Последняя фраза совершенно замечательна. Действительно, общая черта этих лишенных равновесия субъектов, а заодно с ними и всего человечества, заключается в том, что у человека есть привилегия иметь движущим мотивом удовольствие, которое достигается не чем иным, как стимуляцией, пишет Маньян, «определенных зон мозга». Остальные же представители животного царства подчиняются строгим законам поддержания внутреннего гомеостаза и экологического баланса в организме и в природе, что осуществляется посредством суровых и деспотичных, охватывающих все поведение животного инстинктов. Частичная эмансипация деятельности головного мозга от всеведущих и всевластных инстинктов высвободила, с одной стороны, ум человека для решения абстрактных задач, не связанных непосредственно с практической ежедневной деятельностью, но с другой, по-видимому, каким-то образом была исходно связана с возможностью психического заболевания. Такова, думаю, ее обратная сторона или дремлющая в ней потенция.

Нетрудно заметить, конечно, что всякая собственно человеческая, творческая, мыслительная и иная деятельность легко укладывается в широкое ложе проявлений маньяновской дегенерации. Сам Маньян больше, чем кто-либо другой, подпадает под собственное определение. Любой мало-мальски грамотный психиатр скажет вам, что интерес к медицине вообще и к психическим болезням в особенности, равно как и стремление к преподавательской деятельности, к распространению своих знаний, потребность в напряженной работе ума и еще больше — к поискам конечных истин, тем более когда они сугубо бескорыстны, равно как и из ряда вон выходящая человечность и гуманность, особенно когда она декларируется публично и становится делом жизни, всякое дело жизни вообще, особенно когда оно сопровождается природной возбудимостью характера и идейной нетерпимостью, парадоксальным образом сочетающейся с житейским добродушием и нетребовательностью (что легко угадывается в холерическом, обидчивом и мстительном отношении Маньяна к его научным оппонентам), — все это и многое другое, конечно же, достаточно для отнесения носителя этих черт к разряду, пускай высших, но дегенерантов, заодно, впрочем, и с теми, кто ставит этот вопрос, кто вообще способен ставить какие-либо вопросы общего характера, и со всеми психиатрами Франции и других стран, вместе взятых!

Теперь-то, думаю, понятно, что реакцию общества на такого рода критику совсем нетрудно предсказать. Клинический, единственно правильный метод исследования больной психики (в этом Маньян был совершенно прав) оказался скомпрометирован и загнан обратно в стены психиатрических лечебниц. А его место в обществе, вернее, место, на которое он претендовал, занял психоанализ, объяснявший малые, а затем и большие душевные расстройства невротическими функциональными срывами и реакциями, которыми столь богата наша жизнь. Психоаналитики и бред, и галлюцинации склонны выводить не из биологической болезни, не из реализации генетической потенции, а из конфликтов «я» с бессознательным началом и с «суперэго». Но, несмотря на оригинальность идеи, теория эта в применении к психиатрии совершенно фантазмагорична и является своего рода психиатрической астрологией. Она имеет, правда, сравнительно с классической наукой, одно неопределимое достоинство: «снимает» с человека угрозу наследственного фатума, а с человечества тяжкий груз предшествующего биологического развития и внушает, правда, ничем не оправданное, но необходимое спокойствие. И еще один положительный аспект. Ложные теоретические предпосылки, как известно, не всегда влекут за собой неправильные практические применения: психотерапевтическое и в широком смысле средовое воздействие оказывается эффективным и подчас единственно возможным.

В последние десятилетия, впрочем, психоанализ сдает свои позиции,

незаметно и очень медленно подвигается вперед так называемая биологическая психиатрия, специально изучающая патогенетические механизмы психических заболеваний; что же касается большой психиатрии, то она, по сути дела, повсеместно безмолвствует. Господствующая, например, в США и оттуда распространяющаяся по всему миру классификация психических болезней и, следовательно, психиатрических знаний отличается крайним прагматизмом и удивительной теоретической девственностью. Она представляет собой не что иное, как перечень патологических болезней и состояний, используемых единственно в практических лечебных целях и заведомо не претендующих на какие-либо теоретические обобщения, как список товаров в торговом каталоге. Что действительно интересным было в этом столетии, так это близнецовые исследования, подтвердившие роль генетических факторов в развитии психических болезней, и эпидемиологические обследования населения, подворные психиатрические обходы, документально подтвердившие факт чрезвычайного распространения психических расстройств в человеческом обществе.

Стало быть, прав был Маньян, считая, что генетически обусловленные психические расстройства, «отклонения», родственные душевным заболеваниям, широко распространены в человечестве. Что удивительно и даже комично, так это архаичное, совершенно не соответствующее смелости его работ отношение к описываемому им явлению, сугубо негативное и враждебное, заимствованное им из культуры прошлых столетий. Нетрудно доказать, что идеологически Маньян был, как говорили раньше, представителем старого патриархального, преимущественно сельского уклада жизни, в котором не было места для личностных и поведенческих отклонений (девиаций), особенно публично обнаруживаемых.

Действительно, прокрестьянские симпатии бросаются в глаза при чтении его историй болезни. Слово «достойный», излюбленный его положительный эпитет, заимствованный, кстати, также едва ли не из феодального лексикона, применяется им только к крестьянам, иногда ремесленникам, чей образ жизни и характер труда близко примыкает к первым. Мясник может быть у него brave, достойным, но рабочие зато все сплошь пьяницы, особенно оторвавшиеся от дома, ищущие заработок на стороне. Об актере, пускай наивном и комичном, кочующем по стране с созданным им спектаклем и потешающем ту же деревенскую публику, Маньян говорит с почти неприличной в его устах язвительностью, как муравей о стрекозе в известной басне. О революционерах и разного рода пропагандистах он говорит как о личных врагах: они в лучшем случае не ведают, что творят, их следует поместить в психиатрические больницы, потому что это все сплошь душевнобольные, «преследуемые преследователи». (Нам это кое-что напоминает, не правда ли?) Та же тенденция, то же мировоззрение обнаруживается, если попытаться определить психический идеал Маньяна, образец психического здоровья, от которого он отталкивается, сравнивая с ним те или иные психические явления.

Здоровый человек — это для него почти синоним человека работающего. Это, безусловно, крестьянский идеал духовного здоровья.

Крестьянская психология и мировоззрение вообще свойственны французской (равно как и русской) культуре прошлого столетия: в этом постаграрном обществе, с возникшими в нем новыми, подчас неодолимыми проблемами, патриархальный уклад рисовался воображению золотым веком человечества. Между тем и само общество, и характер труда в нем радикально изменились, прежние критерии неизбежно утратили ценность, но Маньян, как и многие другие, этого не замечает.

Крестьянский труд был достаточно гармоничен и физиологичен, он предполагал равномерное умственное и физическое усилие, давал удовлетворение, потому что весь цикл его осуществлялся одними руками и он возвращался к своему творцу результатами его деятельности, такой труд мог быть в какой-то степени мерилom гармоничности развития человека и, следовательно, его психического и физического здоровья. Но происшедшее с развитием общества разделение труда и отстранение труженика

от результатов его деятельности изменили, как известно, характер трудовых процессов, обезличили, сделали их машинальными, автоматическими. Такой труд вряд ли может быть мерилем психического здоровья, может быть, даже наоборот.

Для нас сельский патриархальный уклад жизни особенно важен еще и потому, что он не только определял мировоззрение и психологию французских психиатров прошлого века, но и врос глубокими корнями в российскую психику и до сих пор живуч и силен в ней, поэтому отечественное отношение к разного рода психопатическим бунтам и экстравагантностям так живо перекликается с маньяновским. Только самые последние поколения, с их так называемым американским образом жизни, начинают оттеснять старую модель мира на второй план, и это воспринимается в стране как семейный и общественный кризис — едва ли не национальная трагедия.

Действительно, всякий распад общественных связей и устоев опасен — именно из-за неустойчивости человеческой психики, как индивидуальной, так и общей, чреват душевной патологией: тоже как отдельного лица, так и коллективной. Стремительная урбанизация и индустриализация страны, приведшая в рекордно короткие сроки к распаду основного в стране деревенского уклада жизни, имела своим следствием организацию ее на деградированном уровне: с образованием разного рода уголовных банд и сообществ, которые тоже являются формой организации общества, только очень древней, архаичной. Криминализация страны, а стало быть, и ее психопатизация, вопреки тому, что говорят об этом некоторые, началась не вчера и не сегодня: все, кто живет в России, знают, что на нашей памяти тон у нас всегда задавала «улица» с ее воровским, уголовным кодексом, прежде умерявшимся и сдерживаемым в определенных пределах той самой сельской, охватывающей большинство российской цивилизацией. Можно, правда, утешаться тем, что на Западе проблемы, в общем, те же и не менее серьезны. Преимущества Запада состоят, как это ни странно, в том, что там благодаря естественности и преемственности развития меньшего произвола власть имущих в обществе в большей степени сохранились и приспособились к новым условиям ячейки старого социального уклада. Они чувствуются там повсеместно: в атмосфере небольших кафе, где почти все знают друг друга, в психологии «моего дома — моей крепости», в деревенской узости кругозора — все эти и им подобные реликты, островки старого быта, придают тамошнему сообществу большую прочность и с ней — преуспеяние. Но и здесь изменившиеся к худшему, «противоестественные» условия жизни привели в новейшее время к опасному расшатыванию устоев общества, к усилению психической и общественной нестабильности.

В этом свете консерватизм и близорукость Маньяна носят общечеловеческий, сейчас бы сказали, экзистенциальный характер. Это старый как мир страх перед психическим заболеванием, перед начальным грехопадением, который Христос может смягчить, но искупить не в состоянии. Страх этот меньше, когда жизнь людей неизменна, когда неколебимость ее форм узаконивает постоянно присутствующее в ней сумасшествие, но всякие потрясения человеческого бытия, все новое и неведомое лишают мыслящего субъекта твердой почвы под ногами, выбивают и без того шаткие основания из-под его суждений, настроений и чувствований.

Страх Маньяна — это страх психиатра перед собственным безумием, страх укротителя перед зверем, сидящим в нем самом. ●

Самуил Яковлевич БРОНИН — известный психиатр, заедующий психосоматического отделения в городской больнице. Но, кроме этого, писатель и блестящий переводчик не только трудов по психиатрии, в частности, своего любимого Валантена Маньяна, но и стихов. Недавно вышла книжка Дю Белле «Сонеты» в вольном переводе С.Я. Бронина.

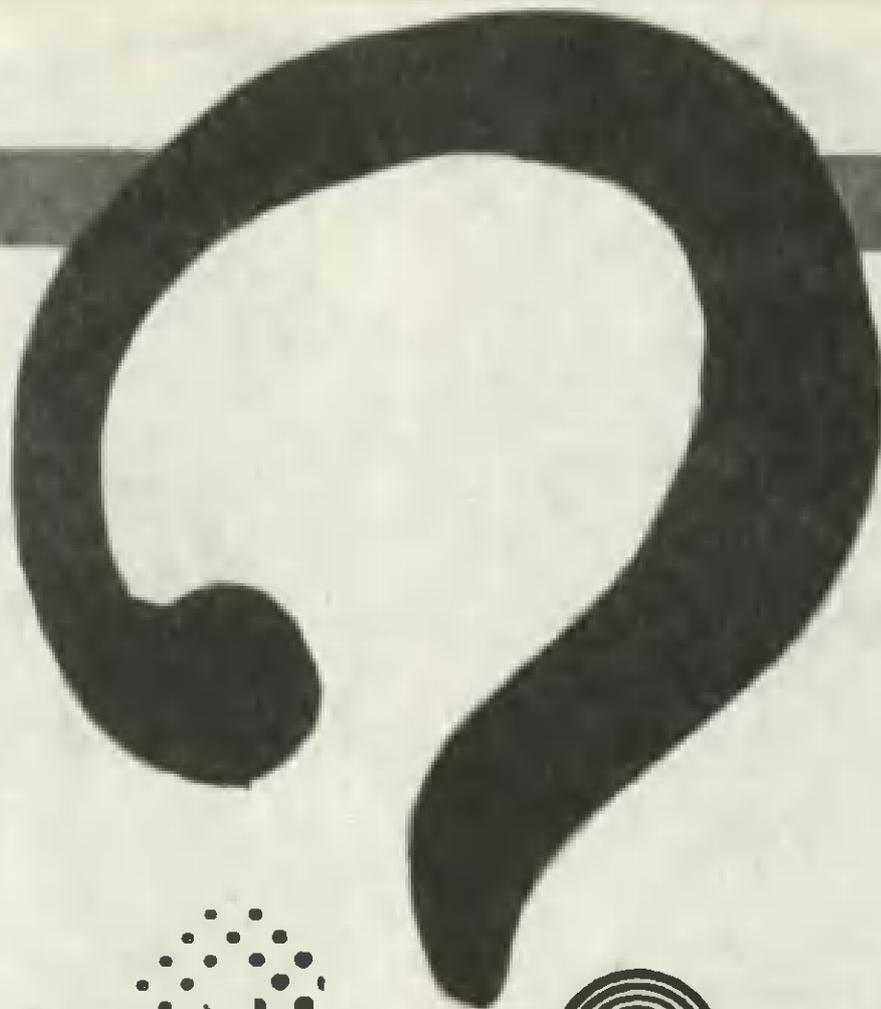
Эта публикация — первое выступление Самуила Бронина в нашем журнале.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

Осуществив в 1919 году первую искусственную ядерную реакцию превращения азота в кислород, выдающийся физик современности Эрнест Резерфорд (1871 — 1937) воплотил вековую мечту алхимиков о трансмутации (превращении) химических элементов.

Юлий Данилов

Сергей Смирнов

Составляют ли трое коллегия?

«Я поставил тебя днесь над народами и царствами, чтобы взять и разрешать, судить и оправдывать, карать и хвалить!» — такой завет оставил будущим историкам великий пропагандист Иеремия двадцать шесть веков назад. Он жил в последние десятилетия кровавого владычества Ассирии над народами Ближнего Востока и предвидел, что даже гибель этого «логовища львов» не приведет к общему счастью, если каждый народ не возьмется за свой ум, не прислушается к своей совести, не пойдет навстречу чаяниям своих соседей, симпатичных или нет, но от которых никуда не денешься.

Семь веков спустя другой великий мыслитель — Корнелий Тацит — был гораздо более сдержан в своих словах. Пусть душа полна горечи, все равно ты должен думать и писать без гнева и пристрастия, если хочешь донести до потомков памятник знания и понимания своей эпохи. А в передаче чувств не стоит состязаться с поэтами! Если ты видишь, что империя, в которой ты родился, исчерпала свой ресурс развития, но конца ей не видно, напротив, впереди маячит долгий застой, если так, то не фантазируй о светлом будущем! Лучше вдумайся в механику того общества, которое тебя окружает, и опиши его так, чтобы даже двадцать веков спустя твоё описание оказалось сопоставимо с бытием новых народов в рамках новых держав. Ибо сравнивая своё настоящее с твоим прошлым, потомки поймут многое, недоступное твоему уму, и, возможно, станут в итоге счастливее тебя.

Так различались взгляды двух великих политиков и историков. Один из них верил в управляемость исторического процесса силой Бога, то есть силой человека, постигшего Божий замысел и уловившего Божью волю. Другой не верил в Бога-Творца и описывал общество как часть природы, которая развивается по своим законам и доступна разве что прогнозированию, провидению человеческим разумом.

Наши современники не забыли ни того, ни другого мыслителя. Книги Тацита и Иеремии нередко соседствуют на книжных лотках и раскупаются почти так же быстро, как детективы и фантастика. Но кто из мыслителей нашего века стоит с ними рядом и выдерживает такое сравнение? Думаю, до последнего времени можно было назвать только два славных имени — Арнольд Тойнби и Лев Гумилев. Но вот проявилось третье имя: в год своего восьмидесятилетия Игорь Михайлович Дьяконов прервал давнее молчание и вмешался в вековой спор о прошлом, настоящем и будущем человечества. Три современных богатыря встали вровень с пращурами. Каждый предлагает своё видение сил, приведших род людской из пещеры и шалаша в университеты и концлагеря.

Сравнимы ли эти точки зрения? Возможен ли их конструктивный диалог в умах читателей даже после того, как все авторы присоединятся к молчащему большинству? Если да, значит, наша эпоха пройдет не напрасно и потомки запомнят ее так же, как времена Иеремии (с

Лоренцо Лотто «Портрет ювелира с трех сторон»

«Знание — сила»
Октябрь 1995

Асархаддоном) или Тацита (с Траяном).

Интересно, что главный труд Тойнби «Постижение истории» был написан накануне прихода Гитлера к власти над Германией и переноса сталинского террора внутрь каждой российской семьи. Главная книга Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» была завершена в разгар нашего застоя, а попала к российскому читателю одновременно с книгой Тойнби в начале перестройки, накануне распада СССР. Именно тогда Дьяконов начал писать свою итоговую книгу «Пути истории», а завершил ее за неделю до августовского путча.

Сейчас ее издали, увы, тиражом всего в три тысячи экземпляров, хотя Тойнби «подарили» тираж пятьдесят тысяч, а Гумилеву — и того больше. О времена, о нравы, о издатели!

Но оставим эти мелкие бытовые подробности. Перейдем к достижениям исторической мысли нашего века, к трем концепциям всемирной истории, что открылись лучшим умам в Оксфорде и Петербурге (но не в Лондоне и Москве — видимо, историческому мыслителю полезно находиться в некотором отдалении от правителей). Тойнби называл свою книгу «сравнительной историей цивилизаций», Гумилев именовал свой труд «естественной историей народов»; Дьяконов рассматривает те универсальные возрасты человечества, которые у нас долго именовали «общественно-экономическими формациями». Что же нового мы узнаем, сравним эти три точки зрения?

Во-первых, все возрасты наступают асинхронно: наш мир полон народов, держав и цивилизаций, которые различаются по культуре и поведению так же сильно, как пионеры и пенсионеры. И так было всегда на всей Земле! Например, народ французов оформился через четыре века после того, как исчез народ римлян, — это факт уже общеизвестный. Но что средневековье в Китае началось

в начале новой эры (в правление младшей династии Хань) — это новинка, обнаруженная Дьяконовым. Или сходство империи инков в Перу с первыми деспотиями Древнего Востока: оно было замечено давно, и почему-то никто из историков не смутился тридцатипятивековой разницей между Саргоном Аккадским и Пачакути Юпанки. Но если начало японской древности обнаруживается лишь в III веке (на восемнадцать веков позже, чем в соседнем Китае) — это очень серьезное открытие. Гумилев «подарил» каждому этносу все его возрасты — от бурной вспышки консорция пассионариев до тихого угасания гармоников в гомеостазе, Дьяконов же дарит каждому культурному региону все возрасты, последовательно пройденные человечеством. Так что было на Руси не только свое переселение народов (во II — VII веках, сперва вместе с готами, потом с гуннами и тюрками), но и своя настоящая древность, которую мы (оказывается, справедливо) называем Древней Русью. Видимо, она началась в IX веке (со становлением первых городов) и продолжалась до монгольского удара в XIII веке. Не зря Фроянов и Дворниченко озаглавили недавно свою книгу «Города-государства Древней Руси». Параллель в развитии Руси, Эллады и Двуречья оказывается очень глубокой — она вытекает из существа дела.

Как же выглядит это существо в теории Дьяконова? Вся история человечества делится на восемь последовательных этапов («полуфаз»), которые группируются в четыре фазы: первобытность (ранняя и общинная), древность (ранняя и имперская), средневековье (раннее и абсолютистское) и новое время (капиталистическое и «гуманистическое»). Критерии принадлежности каждого общества к одной из фаз сформулированы довольно четко. Например, в первобытности не было ни частной, ни групповой собственности на средства производства — все эти объекты принадлежали роду или общине в целом, которая делилась лишь по групповым правам на хозяйственные функции. В древности появи-

лась групповая и частная собственность на объекты. Тем самым община разделилась на сословия, а позднее — на классы, между которыми допускались переходы индивидов.

В средневековье личная свобода такого рода исчезает; ее блокируют новые групповые права на идеологические функции в обществе. Это проявляется сначала в централизованной церкви, а потом — в централизованной державе, которая также объявляется высшей ценностью, новым безличным божеством. Оно требует регулярных коллективных жертв от всех сословий (реальных, вроде всеобщей военной службы, или символических, вроде первомайской демонстрации), но награды раздает весьма неравномерно. Средневековая форма социума (как и первобытность) кажется чрезвычайно устойчивой.

В новое время эта устойчивость разрушается научно-технической революцией. Экономика вдруг становится динамичной, и идеология вынуждена за нею поспевать. На смену ценностной монополии государства и его слуг приходит сперва идеологический плюрализм партий, а затем еще более широкий плюрализм личностей в экономике и идеологии (во второй полуфазе, которой от роду полвека, даже в самых развитых регионах Земли).

Заглянув внутрь любой из перечисленных фаз, мы обнаруживаем одинаковое деление ее на две последовательные полуфазы — «плюралистическую» и «монистическую». Например, российская древность уже давно была разделена историками на Киевскую Русь и Владимирскую Русь. При этом первую из них уверенно сопоставляли с созвездием полисов Элады, где тоже процветали гражданские права и полыхали межгородские войны. Вторую же у нас скромно именовали «предкоролевством» потому, что монгольский удар сокрушил этот первый черновик Российской империи, перебросив Русь в ее средневековье.

Оно началось с договора между Иваном Калитой и митрополитом Петром в двадцатых годах XIV века. Светская власть и церковь впервые

наладили устойчивый симбиоз, породив «Святую Русь» — общество с жесткой, обязательной идеологией, которая встала выше любых прав личности и многих экономических свобод. Пока Русь противостояла ордынскому игу, идеологический пресс не исключал политического плюрализма, будь то между разными княжествами (Москва — Тверь) или внутри правящего дома (Василий Темный — Дмитрий Шемяка). Однако сразу после победы над Ордой Иван III начал строить Московское царство, вмешался в споры нестяжателей с иосифлянами, и вскоре русская церковь подчинилась новой обожествленной державе, адентов которой мы по сей день видим во множестве вокруг себя, хотя распад нашей средневековой империи начался еще в шестидесятые годы девятнадцатого века.

Фазовые переходы этого рода историк наблюдает повсюду, будь то в Риме, Китае или Иране. На западе средневековье началось, видимо, в конце VI века трудами папы Григория I. Именно он начал строить католический интернационал размером во всю Европу, рассылая миссионеров и учреждая епископии в варварских краях. Через двести пятьдесят лет папа Николай I пытался превратить интернационал в империю, добиться идейного превосходства Рима над Константинополем, но потерпел неудачу в том деле, которое удалось лишь Григорию VII двумя веками позже.

Каковы причины таких удач и неудач?

Дьяконов избегает рассматривать эту проблему в подробностях и, кажется, правильно делает. Невозможно и не нужно одновременно моделировать феномены исторического разнообразия и механизмы эволюции этого разнообразия. Вспомним, как сто лет назад Федоров и Шёнфлис нашли единый математический подход к описанию всего мира кристаллов, открыли знаменитые двести тридцать типов атомных решеток в пространстве. Они не задумывались тогда над механикой роста кристаллов. А задумавшись, не смогли бы угадать главные

се особенности, не располагая электронным микроскопом, рентгеновским спектрографом и тому подобной машинерией.

Историку наших дней не хватает множества подобных приборов для наблюдения социума, часто не хватает даже догадок о том, каких именно приборов ему не хватает. Конечно, можно работать и невооруженным мозгом, как работал Демокрит, угадавший, что мир состоит из атомов. Но мало кто из хитроумных элинов поверил Демокриту, а доказать существование атомов и молекул химии сумели лишь двадцать два столетия спустя. Не ждет ли модели Тойнби, Гумилева и Дьяконова судьба, что постигла теории Фукидида и Тацита?

Плохо, если так, потому что нет уверенности, что род людской существует на Земле еще две тысячи лет. И если он погибнет, то прежде всего потому, что овладел законами собственного развития в гораздо меньшей мере, чем законами эволюции космоса. Не зря мудрый Кант больше всего удивлялся двум простым вещам — строгим законам движения звезд и планет (которые вполне могли бы хаотически сновать туда-сюда) и столь же строгим нравственным законам поведения человека, внутри которого бушует вулкан страстей. Но законы движения и эволюции звезд уже поняты, хотя совсем недавно, меньше полувека назад, в процессе изобретения водородной бомбы. Не пора ли открыть законы развития человечества теперь, в пору демографического взрыва и экологического кризиса?

Гумилев был уверен, что он открыл важнейшие из этих законов, те, что регулируют развитие этноса, взаимоотношения его членов в разных возрастах (в консорции и в сословном социуме, в «смутное время» и в пору имперского единства). Но характерно, что модель Гумилева не охватывает ни материальную культуру этноса, ни его экономику, ни систему политических учреждений. Автор как буд-

то ограничил себя описанием свойств «атомов» и «молекул» человечества, но сознательно пренебрег формами тех «кристаллов», которые образуются из таких молекул, и тем более строгим изменением температур, при которых эти кристаллы плавятся или возгоняются.

Напротив, Дьяконову важны именно «кристаллы» человеческого социума и закономерности изменения их симметрий при очередном плавлении либо замерзании. То есть Дьяконов и Гумилев всю жизнь как бы рыли общий тоннель с разных концов, но, к сожалению, не успели встретиться посередине и оттого скупое и сдержанное отзывались о работах друг друга.

На поверхностный взгляд, их можно считать даже идейными противниками. Ведь любимые герои Гумилева — это средневековые кочевники, не ведавшие технического прогресса и потому в социальной сфере колебавшиеся между двумя простыми устойчивыми структурами: род во главе со старейшинами (на черный день, если степь усыхает) либо орда во главе с ханом (на красный день, если степь зеленеет и есть силы для удачных набегов). По Дьяконову, оба эти состояния кочевого социума входят в первую фазу человеческой истории — первобытность, так что даже своей древности номады не имели, а могли лишь разрушать чужие государства более высокого уровня.

Но вспомним, что в биоценозе точно такую же роль играют редуценты (бактерии и грибы): они тоже очень просто устроены, но без их разрушительной работы трупы отживших организмов лишь загромождают землю и не могут быть использованы лучше организованными новичками — продуцентами из растительного царства и консументами из животного мира.

Не эти ли два типа социальных организмов более всего интересуют Дьяконова? И не соответствует ли переход одной из частей человечества в очередную фазу — появления новых биотаксонов высшего ранга с вытекающим из этого усложнением всех биоценозов?

Например, древность с первым

разделением общества на сословия и классы — ее можно уподобить появлению первых фотосинтезирующих продуцентов и хищных консументов в примитивном мире бактерий.

В биосфере эта революция произошла около трех миллиардов лет назад, а в ноосфере — пять тысячелетий назад, в Двуречье. Изучению именно этого социального переворота посвятил свой талант молодой шумеролог Игорь Дьяконов.

Далее, переход из древности в средневековье (то есть появление классовых монополий на хранение идеологии и на владение оружием), этот переход можно сравнить с появлением хищников в животном царстве. Не эта ли догадка привела Дьяконова к общей идее, что каждый переход человечества в новую фазу связан с переворотом в сфере оружия и иных средств «убеждения и принуждения» (будь то пушка и печатный станок или радиопередатчик и компьютер)? Главный итог такого переворота — спонтанное изменение симметрии привычных элементов человеческой культуры. Вчерашние ценности вдруг становятся «антиценностями», изменяя поведение большинства членов социума, так технический переворот перерастает в социальную революцию.

Чему же в биосфере можно уподобить научно-техническую революцию, которая втолкнула часть человечества в новое время? Может быть, появлению цветковых растений, которые увеличили видовое разнообразие биосферы не менее чем на три порядка, почти так же, как научно-техническая революция увеличила разнообразие человеческих профессий?

Оставим эти проблемы для самостоятельного размышления историков и их читателей. Сопоставим еще регулярное разделение каждой из четырех социальных фаз Дьяконова на две последовательные полуфазы (плюралистическую и монистическую) с тем регулярным чередованием четырех активных фаз этногенеза, которые заметил и описал Гумилев. Уже было замечено («Знание — сила», 1994 год, № 11), что эти четыре фазы

естественно группируются в две последовательные пары из одной плюралистической и одной монистической фаз: консорций и симбиоз сословий или смута и державное равновесие классов. Переход из первой во вторую объясняется в каждом случае физическим механизмом конденсации некоего газа понятий и ценностей (бозонного или фермионного) в соответствующую жидкость. Этот процесс экзотермичен (как конденсация водяного пара в облако), поэтому фазовый переход в социуме протекает так же бурно и заметно для историка, как гроза или ливень для пешехода.

Какой вариант конденсации (фермионный или бозонный) лучше описывает переходы между полуфазами Дьяконова? Кажется, что фермионная модель тут более уместна. Но почему сравнительная длительность двух полуфаз в модели Дьяконова не обнаруживает такой же устойчивости, какая наблюдается в гумилевской модели этногенеза? Ведь в этногенезе каждая монистическая фаза примерно в полтора раза длиннее своей плюралистической предшественницы — в России же, например, «имперская древность» (1150 — 1320 годы) оказалась вдвое короче «полисной древности» (850 — 1150 годы), а «абсолютистское средневековье» (1550 — 1860 годы) получилось несколько длиннее, чем «раннее средневековье» (1320 — 1550 годы). Как это понять и как можно рассчитывать подобные эффекты?

Соответствующие разделы теоретической физики пока не созданы, но заказ на их создание готов, и общая идея кажется ясной. Все дело в энергетике той среды, которая окружает этнос или социум. Похоже, что Гумилев, изучая этногенез кочевников, сумел выявить внутренний, инерционный ритм культурной эволюции примитивного социума. Внешние энергетические толчки нарушают этот ритм, и он искажается весьма своеобразно, повинувшись скорее квантовым, чем классическим законам. На фоне продолжающегося инерционного ритма вспыхивают «дочерние» этногенезы, такие, как Московская Русь 1300-х годов или Российское

царство 1580-х годов. Между «ветеранами» и «новичками» идут своеобразные «реакции» энергетического и культурного обмена — так еще не понятая нами социофизика вступает в свои права.

Увы, Тойнби, Гумилев и Дьяконов сумели лишь пробить окно в этот бравый новый мир естественной истории человечества. Войти в него предстоит их ученикам и ученикам их учеников, с юности получившим полноценное образование в пересекающихся сферах истории, естествознания и математики. Три отца-основателя новой науки были лишены возможности личных контактов в самые творческие годы. Поэтому они не составили коллегию, или нооценоз, хотя их творения так же взаимно дополнительные, как биосистематика, микробиология и фаунистика в рамках единой биологии XX века.

Можно надеяться, что обществознание XXI века превратится в такой же сложный, динамичный и процветающий ценоз научных моделей и теорий. Средний уровень грамотности и эрудиции современной молодежи достаточен для этого, а социальный заказ очевиден и насущен. Есть богатый ресурс научной семантики, есть способы его распространения и стыковки. Чего не хватает, так это установки на симбиоз производимых историческими мыслителями гипотез, ибо симбиоз этот так же важен, как и их конкуренция в форме научной критики.

Видимо, ценоз наук рождается только из ценоза их творцов — вольного или невольного, очного и прижизненного или заочного и посмертного. Сознвая это, постараемся составить коллегию, пока мы молоды и активны. ●

Сергей Георгиевич СМОРНОВ — математик по образованию, педагог по профессии, историк по склонностям, особенностям ума и огромной эрудиции и, наконец, многолетний автор нашего журнала по пристрастию и верности журналу и себе.

Коровы с узкой специализацией

Пока мы пытаемся вообще как-то сохранить наше животноводство, в цивилизованных странах придумывают разные странные вещи. Вот к каким выводам пришли, например, ученые из Сельскохозяйственного университета и Института изучения молочных продуктов в Нидерландах. Недалек тот день, когда коровы будут иметь узкую специализацию. Молоко одних пойдет на производство сыра, других — масла, третьих — для прямого потребления!

Наблюдая за десятками тысяч телят на протяжении длительного времени, нидерландские ученые установили, что качество молока зависит от породы и генетического кода коровы, что вполне логично и вряд ли является новостью. Но главное в том, что этим ученым известно, как провести на практике предварительные разделения скота на разные «специальности».

Нефть добывают, но какой ценой!

Национальная федерация по охране живой природы США вместе с двумя другими природоохранными организациями представила в Конгресс материалы, подтверждающие, что если в Арктическом национальном заповеднике живой природы разрешить бурить нефтяные скважины и дальше, то будет нанесен значительный ущерб окружающей среде. В своем совместном отчете Нацио-

нальная федерация, Совет защиты природных ресурсов и организация «Попечители Аляски» заявили, что нефтяные компании видоизменили или уничтожили десятки тысяч акров в местах обитания диких животных. Кроме того, они загрязнили воздух, выделяя в него ежегодно до 520 тонн канцерогенных паров бензина и, начиная с 1988 года, разлили по крайней мере 13 миллионов галлонов сырой нефти.

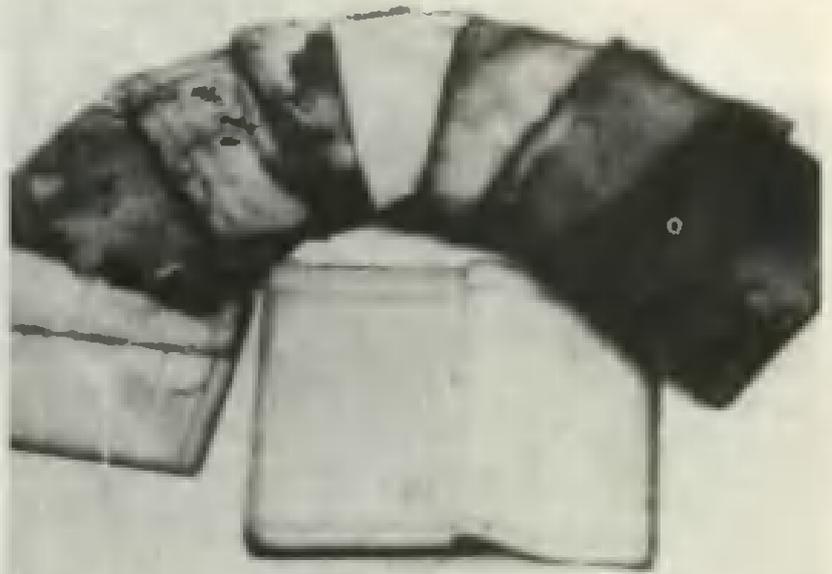
Не был ли хищник травоядным?

Вспомним одного из героев фильма «Парк юрского периода»: тираннозавра. Что ему нравилось больше: питаться травой или другими животными? Страшный, на первый взгляд, вопрос. Но вот недавние находки, сделанные на севере Германии, опровергают сложившееся мнение о ящерице.

Палеонтологи Вольфганг Мунк из Карлсруэ и Ханс-Дитер Сьюэс из Торонто отыскали останки двух протозавров в возрасте 250 миллионов лет, у которых явно проглядывалось содержимое желудков. Мунк обнаружил там комки из доисторических семян, а также гладкие круглые камни.

Таким образом, несмотря на свои острые клыки, эти ящеры питались травой. При этом камни, напоминающие мельничных жерновов, при ходьбе перетирали растения в их желудках. То же, кстати, мы встречаем и у птиц.

Тщательные рентгеновские исследования подтвердили правоту Мунка. Оба гигантских животных, бродивших 250 миллионов лет назад по лугам северного Гессена, были большими любителями травы.

Редкая рукопись

Мастера написания иероглифов в Китае ценились во все времена. Недавно в селе Тайянь уезда Ляньдан провинции Ганьсуй была обнаружена рукопись родословной известного каллиграфа эпохи Восточная Цзинь (317—420 годы) Ван Сичжи. В настоящее время она считается одной из самых древних рукописей Китая и представляет большую ценность для изучения биографии знаменитого каллиграфа.

Чудо Гавайев

Гавайские болота Алакаи — самое сырое место на Земле. Солнечных дней здесь так мало, что их можно пересчитать по пальцам одной руки, а годовое количество осадков достигает 1220 сантиметров! Но именно здесь растет одна из таинственных представительниц растительного мира — самая большая трава — гуннера. Всего существует около пятидесяти видов этого растения, и все они растут преимущественно в сырых местах горных лесов. Листья травы, произрастающей на гавайском острове Кауаи, достигают ширины

2,4 метра, хотя в некоторых других местах встречаются растения и с шириной листа до трех метров. Например, под листом гуннеры шероховатой могут укрыться сразу три всадника!

Любопытно, что за миллионы лет эта трава почти не изменилась. На ее корнях растут грибы! «Такое сожительство, — говорит американский ботаник Майкл Дойл, — среди цветковых растений больше не встречается». Жители разных стран используют гуннеру при приготовлении лекарств, пива, растворов для дубления кож. Используют гуннеру и для изготовления зонтиков. А черешки листьев некоторых видов гуннеры употребляют как овощи. Дойл считает, что тщательное изучение этой травы окажет положительное влияние на продвижение вперед в области эволюции, симбиоза и микологии (науки о грибах). Она может повлиять на открытие тайн в области генетического многообразия. На гуннеру возлагают большие надежды при изучении видов растений, способных к выживанию в самых суровых условиях.

БИБЛЕЙСКИЕ СМЫСЛЫ

Борис Берман

Хам, Кнаан и Нимрод

Преступление Хама

Из Ковчега вышли три сына Ноя — три разных сына. Основа человечества — в трех направлениях, в трех лицах его основоположников.

И были сыновья Ноя, выходящие из Ковчега: Шем (Сим), Хам, Иефет (Иафет). Хам он есть отец Кнаана (Ханаана) (Б. 9:18).

И стал Ной хозяином Земли, то есть тем, кем был для Земли Адам, — и насадил виноградник (Б. 9:20) — взрастил самое благородное из деревьев, напиток от плодов которого может быть использован для сакральных целей.

По случаю первого урожая Ной собрал семью, устроил праздник и выпил от вина, и захмелел, и удалился в шатер жены, куда, он знал, никто не посмеет войти. В шатре Ной «раскрылся», оказался в каком-то уязвимом состоянии, не обязательно голым.

И увидел Хам отец Кнаана то, что названо эт эрват отца Ноя.

Слово эрва переводят обычно «срам» или «нагота». И это действительно нечто, что не следует показывать и не следует видеть; но это совсем не обязательно половой орган. Например, «эрват на арец» — слабое место земли, которое высматривали разведчики.

Хам увидел Ноя в слабости и раскрытости, видел отца своего как нельзя видеть никому, а тем более

Окончание. Начало — в №№ 7 — 9 за 1995 год.

сыну, и рассказал (йагад) двум своим братьям снаружи (Б. 9:22). Братья Хама, Шем и Иефет, не входили в шатер матери, где был Ной. Но Хам не просто «сказал» им об отце, он живописал (йагад) виденное в красочных подробностях. Поступок Хама имел роковые последствия не только для участвовавших в этом эпизоде, но и для всего человечества и его истории. Но — в чем преступление Хама?

Левая сторона скрижалей Завета, полученных Израилем от Бога на Синае, отдана заповедям между человеком и Богом. Она открывается заповедью отношения к Богу и завершается заповедью отношения к отцу и матери. Праведное отношение к родителям вытекает из обязанности не столько перед ними или людьми, сколько перед Господом.

Отношение к родителям по пятой заповеди Декалога (Втор. 5:16; Исх. 20:12) передано словом *кавод*, которое на русский переводится как «почитание» отца и матери. «Кавод» — это то особенное отношение младшего поколения к старшему, которое обеспечивает непрерывность духовного развития от отца к сыну. Через поколение в поколение должен течь единый духовный поток. Только при этом условии может быть обеспечено духовное здоровье всех и каждого.

Отцы передают сынам некоторую духовную задачу, которую сыновья принимают, блюдут и передают своим детям. Для этого необходимо по крайней мере, чтобы поколение сынов не стремилось отвергать устои отцов. В истории народов мы часто наблюдаем иное. История, когда более, когда менее, но всегда мечется от поколения к поколению или, лучше сказать, всегда при случае готова метаться. В этом-то и повинен Хам, который, по замыслу Ноя, должен был обеспечить цельность всей внутренней жизни человека и ее преемственность.

В результате действия Хама в отношении отца каждое новое поколение психологически недостаточно совместимо с поколением «отцов» и в той или иной мере готово отвергать их. Единый духовный поток, если он и течет из поколения в поколение, то вопреки этому явлению и с особым трудом.

Шем, узнав от Хама, в каком виде лежит отец, взял плащ и положил его на свои плечи и плечи брата Иефета. И вот так, единым плечом, пошли они спиной, пятясь, и покрыли «эрват» отца. И лица их назад, и эрват отца своего они не видели (Б. 9:23).

И очнулся Ной от вина и узнал, что сделал ему младший сын его (Б. 9:24).

Сразу же возникают два вопроса. Во-первых, кто «младший его сын»? Хам в Торе везде назван вторым сыном Ноя. Зато Кнаан, по видимому, был младшим сыном Хама. Но что же Кнаан «сделал ему», деду? Хам «видел» и «рассказывал» и если что и «сделал», то себе, братьям, нам, но не Ною. Заметим, что в следующем стихе Ной именно о Кнаане говорит, как о проклятом. Хам ранее был благословлен Господом (в числе сыновей Ноя) и не мог быть проклят. Одни комментаторы полагают, что Кнаан оскотил деда (чтобы он более не мог рожать сыновей), другие — что он, глумясь над отцом послепотопного человечества, изнасиловал его. И то и другое мнение находит основания в Торе. Но так или иначе в этом как-то участвовал и Хам.

Хам как основоположник входил в тройственную структуру обновленного человечества. Во исправление допотопного человечества Хам должен был бы установить чистое и цельное отношение человека к самому себе, восстановить нарушенный Путь внутренней жизни человека. Именно этого и не произошло. И каждый из нас по себе знает это.

Слова *хам* и *хамам* — разгорячение, бурление — близки по значению. Область Хама в нас — это область теплоты сердца, способного к эмоциональному самовозбуждению и перевозбуждению. Эту способность Хам использовал для саморазгорячения плотской чувственности. Бурлением души нашей в плоти мы обязаны праотцу Хаму, у которого есть младший сын Кнаан; само имя его означает подчинение, покорность. Глумливый Кнаан в людях покорен чувственности плоти и тем основательно портит человеческую жизнь. Свободны лишь те, кто умеют владеть своей

чувственной природой. С этой точки зрения Кнаан оказался рабом. Разгорячение чувственности и связанной с ней эмоциональности раздирает человека изнутри и препятствует его духовным сношениям с другими людьми. Узнав, «что сделал ему младший сын его», Ной понял, что целая ветвь развития внутреннего мира человечества оказалась испорченной.

И сказал: «Проклят Кнаан! Он будет раб рабов своих братьев» (Б. 9:25).

Восклицание Ноя — не проклятие внука, а констатация факта. Кнаан оказался проклятым после того, что совершил. Кнаанское начало в человеке вырвано из гармонической системы Мира-Шалом и стало одним из самых грозных начал зла в человечестве. Кнаанство не просто антидуховное явление, это начало глумления над духовным в человеке, начало поругания его души и тела. Добавленное к злу юности кнаанское зло страшно и, практически, уже необоримо в человеке. Тут — драма человеческой жизни.

Оказалось, что вся допотопная скверна, вся грязь и мразь души и тела перенеслась через Хама и возобладали в его сыне, Кнаане. Кнаан воплощает допотопное человеческое растление.

Пророчества Ноя

Ной очертил и предрешил ход дальнейшей истории человечества, в котором каждому из его сыновей отведено свое место: свое — Хаму, свое — Иефету и свое — Шему, который взял плащ и положил его на свои плечи и плечи брата.

И сказал Ной: Благословен Господь (барух Гашем). Бог Шема...

Вопиющее, невозможное и вызывающее высказывание: человек благословляет Господа! Именно здесь, впервые в Торе, появляется главенствующее понятие — *барух*, благословен.

Возможность говорить «барух» появилась для человека тогда, когда «браха», благословение, стало зависеть от людей, от исполнения ими Воли Бога на Земле. «Браха» —

всегда обязательство. И «барух» есть прежде всего действие. Выполнение Его Воли человеком является благословением Всевышнего. Делая то, что Он хочет, человек тем самым произносит, как Ной: «Благословен Господь».

По замыслу Ноя, Шем устанавливает верное отношение человека к Богу. Ной благословляет Господа, который «Бог Шема». Это не значит, что Он есть Бог только Шема; это значит, что Присутствие Бога на Земле может сосредоточиваться и на одном человеке.

... и пусть Кнаан будет рабом им (Б. 9:16).

У проклятого Кнаана нет собственного будущего в Мире-Шалом. Кнаан только портит его. Но Кнаан так опасен и силен в человечестве, что, считает Ной, должен стать «рабом им», Шему и Иефету. Каждую свою фразу Ной заключает предостережением о Кнаане, о грозном зле кнаанства и во избежание беды призывает нас не давать свободу кнаанству, держать носителей этого зла в рабстве. Кнаан исключен из-под действия тех заповедей гуманности, которые дал Ной и его сыновьям Бог.

Иефет в тройственной структуре Ноя должен был восстановить верные отношения между людьми. Для чего людям нужна внутренняя (а от нее и внешняя) культура, которую добывает и несет Иефет. Путь Иефета — путь человеческой раскрытости: открытости другим своего сердца, раскрытия человечности как таковой или, скажем, особенного рода влечение души к красивому в межчеловеческих отношениях. Ной считает, что Иефет должен обитать в шатрах Шема. Когда Иефет отрывается от Шема (значит и от Бога Шема, от религиозного сознания вообще) и развивается самостоятельно, то это вовсе не то, что хотел Ной.

И даст простор Бог Иефету, — продолжает Ной, — и будет обитать (ве йишхон) в шатрах Шема. И пусть же будет Кнаан рабом им (Б. 9:27).

Йишхон, обитать, перекликается с «Шехина» (Обитание Бога). В шатрах Шема будут обитать и Бог, и Иефет. *Шехина* — второе глобальное понятие, которое Ной

вводит в этой речи. Само слово «шехина» означает не столько «обитание», сколько «соседство». «Шахан» — жить в соседстве. «Шхиним» — соседи. Человек и Шехина соседствуют, обитают рядом, но не смешиваются. Присутствие Бога не означает Его влители — в душу ли, в сердце ли, в разум. Шехина не спускается в «человеческое пространство».

Как же в реальной истории исполнялось то, что предрекал Ной?

Кнаан поработается своими братьями: Кушем, Мицраимом, Пугом. Затем Землю Кнаана получает Израиль. После этого на историческую сцену активно вступает Иефет, сфера развития Иефета — Мидия и Персия, Греция и, наконец, Рим. Бог «дает простор Иефету», который, распространяясь по свету, в прямом смысле вселяется «в шатры Шема», захватывает его земли, живет в его домах, перенимает его взгляды, его религиозное сознание, его веру. Иефет давно уже на авансцене всемирной истории и давно взял на вооружение то, что нашел в шатрах Шема. Того ли желал Ной?

Нимрод

Рассказ о порождениях сыновей Ноя Тора начинает с сыновей Иефета и сыновей его сыновей. Все они — родоначальники первичных народных общностей, с которых *разделились острова народов по их землям, каждый по своему диалекту (лашон), по своим семьям в своих народах* (Б. 10:5).

У каждого народа своя земля. Земля (*эрец*) — колыбель (*арица*) народа. Уединяясь в своей земле, народы уединяются и по способу изъяснения, по своему лашон, наречию, диалекту (в отличие от сафа — языка). Кроме того, в своих народах люди уединяются по семьям.

Из повествования о порождениях другого сына Ноя, Хама, особенно выделяется имя Нимрода (Неврода) — сына Куша (старшего сына Хама) и племянника Кнаана.

... он начал (*hu hexэль*) быть могучим на Земле. Он был могучим в ловле (*гибор-цайд*) перед Господом. И потому будет сказано: «как Нимрод силач в ловле перед Господом» (Б. 10:8,9).

Обратите внимание на слова *hu hexэль*, он начал быть. *Хэль* — не просто «начало» (решит), а такое начало, которое выводит из сакрального в профанное, где человек и нацеливается стать *гибор*, могучим, лишь для того, чтобы быть им, — таков один из основных мотивов существования человека в профанном мире. Слово *цайд* указывает на некоторое искусственное заманивание. Это такая «ловля», которая злоумышлена человеком и хранится в тайне его сердца до тех пор, пока не придет пора внезапно раскрыть себя. Качество «цайд» необходимо, конечно, человеку при ловле животных. Но Нимрод использовал его в других целях.

Имена в Торе — не условная этикетка, но дверь, впускающая внутрь. *Нимрод* (корень «марад») означает «восстать», подняться против — против Бога. Нимрод был *гибор-цайд*, «великийловец перед Господом». Нимрод — первый, кто стал использовать религиозное лицемерие для заманивания и овладения человеческими душами. Конечно, религиозное лицемерие неизбежно приводит к необходимости религиозного принуждения. Тора указывает на то, что имя Нимрода вошло в поговорку о тех людях, кто знает заветы Господа, но в целях своей власти, светской или духовной, извращает их.

В отличие от всех других «порождений Ноя», Нимрод не есть родоначальник какого-то народа, он — владыка многих народов Земли. Он начал царствовать в Вавеле (Вавилоне), затем распространил свою власть на все Междуречье и пошел на Ашшур (Ассирию), где построил многие города, в том числе и Ниневию.

Нимрод создал первую в истории Империю. Но власть его это не столько «власть силы», грубого принуждения и страха государственного насилия, сколько «власть ловли», в которой главное — тайная политика душевного закабаления и злоумышления для управления массами религиозно (или идеологически) совращенных люлей.

Зло от Нимрода легко совмещается со злом от Кнаана и каиновым злом гневливости и человекоубийства. Зло от Нимрода способно объ-

единить в единое целое все названные нами выше виды зла, в том числе и «зло от юности», и зло от Хама. Адам начал процесс внедрения начала злого в человеческую жизнь. Нимрод завершил этот процесс, сцементировал все виды зла и смог начать Вавилонское дело.

Вавилонское грехопадение

Рассказав о порождениях Иефета и Хама, Тора в следующей главе возвращается к тому времени, когда еще не было разделения Человечества на народы.

И была вся Земля язык один (сафа ахад) и общее имущество (у-дварим ахадим) (Б. 11:1).

Нам тут рассказывается не о лингвистической ситуации тех времен. *Сафа ахад* — это язык взаимопонимания, такая степень раскрытости душ друг другу, такой душевный контакт, при котором человек свободно и легко воспринимает мысли и побуждения другого человека. *Сафа ахад* — предельное выражение свойств Иефета. То исходное состояние, с которого должен был бы пойти процесс расселения народов по всей Земле.

И было: отправились с Востока (ми-кедем)...

Слово *кедем* употребляется в языке Торы в значении «восток», и в значении «прежнее», и в значении «начало». Люди двигались с Востока на Запад — по пути окультуривания — и уходили от прежнего порядка, оставляли прежние устои жизни, чтобы начать путь цивилизации.

... и нашли (нашли то, что искали, а не наткнулись случайно) долину в стране Шинар и там осели (Б. 11:2).

И сказал каждый ближнему своему: «Давайте калить кирпичи и будем жечь на обжиг», и стал им кирпич (алевена) камнем, и асфальт стал им глиной (Б. 11:3).

Казалось бы, ничего дурного: люди своими руками строят что-то. Но заметьте, в выбранной людьми земле нет естественных строительных материалов; они искусственно создают их.

И сказали они: «Давайте построим нам город и Сооружение (мигдаль —

возвеличивание, башня, Сооружение) и глава его на небе. Сделаем нам имя — чтобы не рассеяться по лицу Земли» (Б. 11:4).

Но ведь Бог велел: «Наполняйте Землю»? А люди собираются в одном (и очень странном) месте и решают сообща строить город и в нем еще возводят некое Сооружение, вершина которого должна достигать неба. Но строят, возводят и желают «сделать нам имя» с единственной целью: не исполнить повеление Божье, не рассеяться по лицу Земли. Вавилонские строители отчетливо сознавали, что делали, и специально нарушали повеление Бога. Этим вавилонское грехопадение людей на Земле резко отличается от грехопадения Адама в Эдене.

Мигдаль, Башня, с главой на небе — сооружение принципиально неосуществимое. Это вечное строительство чего-то, что должно бы сделать строителей великими. Скорее всего, мигдаль нужен для совокупного бесконечного делания. Тут есть пафос — пафос коллективного труда, осуществляющего человеческое «мы». Именно состояние «мы» дает вавилонским строителям самоощущение величия. Оно же делает «нам имя».

Человеческая общность не мертва тогда, когда имеет цель выше себя и вне себя. Когда она собрана только для того, чтобы сохранить себя, то это раньше или позже приведет к катастрофе. Ибо здесь средства есть цель, а цель есть средства. Это то же самое, что жечь для сожжения или воздвигать для воздвигания. Такая ситуация — лучшая почва для Великого Ловца, для Нимрода, главы и вдохновителя Вавилонского Дела. Для него непереносима мысль, что кто-то может находиться вне строительства, вне «мы», и, следовательно, не под его духовной или мирской властью. По сути дела, Нимрод в Вавилоне осуществлял — и через «мы» мог осуществить! — единение всего злого в людях.

И спустился Господь посмотреть город и Мигдаль, которые строили сыны человеческие (Б. 11:5).

Господь «спускается», то есть проявляется в человеке. Образ Бога заявляет о себе в людях и противостоит тому, что вершат «сыны человеческие».

Юлиус Шнорр фон Карольсфельд. «Ной проклинает Хама»

И до сих пор люди способны общаться душами и, когда хотят, понимают друг друга. Но в нас уже нет того, что можно было назвать «сафа ахад», при котором каждый думал и чувствовал, как все. Был в сердце своем «мы» и только «мы». «Мы» поглотило «я».

Спустившись и увидя это, Господь сказал:

«Вот народ единый и язык один (сафа ахад) у всех и это они затеяли делать и это никуда не уйдет от них» (Б. 11:6).

Такое сообщество, такого рода единство, такое «мы» не отстанет от того дела, которое оно затеяло. Вот первый смысл стиха. Но есть, видимо, в словах Бога и другой смысл: человеческое сообщество и единение не должно зиждиться на вавилонском строительстве. То всечеловеческое единение, которое люди пытаются сохранить, не уйдет от них. Но осуществляться оно будет иначе.

Тут-то Господь и говорит кому-то:

«Давайте спустимся ...»

Есть места в Торе, где Единый как будто обращается к кому-то, неназванному, как будто подразумевает какое-то «мы».

Именно в этих местах, всегда ключевых для судьбы и назначения человека на Земле, учителя Торы видят особый смысл «мы». Царь мира обращается к Своему небесному окружению, к свите ангелов, приведенных Им в бытие на Второй День Творения и окружающих Его Престол. Кто же эти ангелы, имеющие прямое отношение к работнику Божьему на поприще его труда?

Разделяя единый людской род на много народов, давая ему множественность путей на лице земли, Он говорит: «... Давайте спустимся...». Сразу за этим резким изменением пути человека идет перечисление семидесяти имен. За каждым из них — определенная духовная сущность. Это наименование семидесяти народных душ, составляющих все человечество. Семьдесят служи-

телей Бога, Его «посланников», назначенных Им — каждый над своим уделом, семьдесят личностных сущностей, концентрированных духовных волей, семьдесят духовных ликом спустились из высшего мира, чтобы образовать все многообразие национальных путей. Они, которым было сказано «сделаем человека» — единого человека, — составили и множественность Общих душ человечества. Эта «высшая семья» спустилась, дав семью национальных душ.

Для каждой Общей души — своя индивидуальная и личностная воля, свой духовный лик, свое служение и назначение, свой «Сар», «покровитель» свыше. Не будем вдаваться в мистику трансформации этих ликов в истории. Для нас важно, что число 70 является в Торе символом совокупности наций, семьи народов Земли, идущих от сыновей Ноя.

По велению Бога «высшая семья», высшее «мы», семьдесят ликов Сарим (мн. число от слова Сар) спустились к «мы» вавилонских строителей — и что же?

... и увял тот час их (людей) язык (ве навла шам сфатам)...

Произошло не «смещение языков», как обычно переводят, а «увядание языка», то есть вавилонского «мы». Слово *навла* однокоренное со словом «мабуль» и так же, как оно, указывает на процесс перехода от жизни к смерти. Но теперь это — душевный мабуль, который приводит к увяданию того языка взаимопонимания, того сафа ахад, который осуществляет единение вавилонского «мы».

... чтобы не слышал каждый язык ближнего своего (Б. 11:7).

Речь в стихе Торы идет о душевном отдалении и разобщенности людей. При этом каждый отдельный народ получает свой духовный корень из «высшего семейства» — своего Сара. Сплоченность «мы», как сказал Господь, может теперь осуществляться иначе — на основании общей духовной задачи и общего направления внутреннего развития, задаваемого каждому народу его Саром.

И рассеял Господь их оттуда по лицу всей Земли и перестали строить город (Б. 11:8).

Произошло как раз то, чего так страшились строители Вавилонской башни. Но, в противовес лицемерию власти Нимрода, народы обрели духовных управителей, нашли каждый путеводную звезду своему национальному духу. Конечно, в их сознании при этом произошло и разделение на «своих» и «чужих» (а отсюда и многие беды истории), но вместе с тем разделенные на народы люди обрели сознание «своих» в духовном значении слова. Что само по себе обеспечивает и духовную власть, и жесткие нравственно-религиозные критерии жизни общества, и еще нечто, о чем сказано в следующем стихе.

И потому стал называться (этот город) Бавель, ибо там подмешал (балаль) Господь язык всей Земли (Б. 11:9).

Вот еще один замечательный пример того, какие имена даются в Торе. Бавель — «ворота Бога». Строители Башни считали, что их город — ворота Бога, а на самом деле это то место, где увяло их «мы» и где Господь совершил что-то, что в стихе обозначено созвучным Бавелю словом *балаль*.

Балаль — не путаница, не смешение и не перемешивание. Когда к муке добавляется масло, то получается нечто, что уже не есть ни мука, ни масло. Действие, обозначаемое как «балаль», есть такое подмешивание одного начала к другому, которое изменяет сущность и того и другого. В язык всей Земли свыше вносится еще одно основание, которого в нем, самом по себе, нет. Это подмешанное Господом духовное основание, основание святости проникает в язык и сообщает ему высшее качество, позволяющее человеку освящать себя словом и молиться. При разрушении вавилонского языка разделенное на народы человечество вместе с Сарим приобрело и это новое, духовное качество языка. ●

Книга Бориса Бермана «Библейские смыслы» готовится к выходу в свет в 1996 году. Заявки на приобретение книги высылать в адрес редакции.

Человек любит называть себя царем природы. Где же наше царское великодушие, царская милость, забота о братьях наших меньших? Они слабее, их надо любить и жалеть, у них можно многому научиться. Они живые...

Выгода или природа?

Французское правительство собирается развивать туризм и охоту на небольших островах неподалеку от Антарктиды. Против этого резко выступают ученые, считающие, что подобное решение приведет к гибели уникальных природных оазисов. Острова архипелага Крозе, например, содержат крупнейшую в мире коллекцию морских птиц — тридцать семь видов. А политики под руководством Генри Гочи, сенатора из Эльзаса, планируют разводить там свиней и строить частные охотничьи клубы, аргументируя свою позицию тем, что красота островов должна стать доступной всему миру.

Тридцать видных ученых направили в правительство письмо с требованием прекратить вандализм. Что победит — выгода или разум? Лично я думаю, что выгода...

Одетые, чтобы убивать

Известно, что охота на диких зверей оборачивается порой трагедией для самих охотников, когда незадачливые коллеги всаживают в их хорошо замаскированный бок заряд, предназначенный для оленя или медведя. Однако, если надевать на охотников флюоресцирующие оранжевые жакеты, то их видят не только собраты по оружию, но и звери. Американские инженеры из Миссури решили подойти к делу по-научному и изучить зрение оленей. Оказалось, что сине-голубой цвет звери видят серым и вполне могут не различить его на фоне листьев или камня, тогда как охотники отчетливо различают бирюзовое пятно.

Война крысам и кроликам

Французские биологи решили объявить войну крысам

и кроликам, расплодившимся на острове Святого Павла в Индийском океане. Такая необычная решимость ученых объясняется тем, что они хотят сохранить остров для редких птиц, которые живут лишь здесь и вытесняются млекопитающими. В этом году по острову будет рассыпано десять тонн отравленной еды для крыс и кроликов. Животные должны помирать в своих норах и поэтому не будут причинять вреда окружающей среде. Вот какие необычные формы принимает порой борьба за спасение редких животных: чтобы спасти сотню редких, придется прикончить сотню тысяч менее редких. Кто знает, правильно ли это?

Бедные птицы!

Известный бразильский знаток птиц Тони Сильва не раз публично осуждал нелегальный вывоз редких птиц. Но, как показывают документы американской полиции, он сам был крупнейшим спекулянтom — такое вот печальное двуличие.

За восемь последних лет Сильва вывез из США около двух сотен фиантинговых макао, которых во всем мире осталось не более трех тысяч. На этом бизнесе лжезнаток заработал не менее миллиона долларов. Причем сам же Сильва писал в своих статьях, что при контрабанде птиц огромное количество их гибнет, так что выживают единицы из сотен. Сильву теперь ожидает перспектива провести полвека в тюрьме и заплатить два миллиона долларов штрафа.

Лягушки гибнут...

Число лягушек во всем мире вдруг начало сокращаться. Австралийские биологи считают, что всему виной вирус, распространяющийся через рыб. Они пришли к выводу, что исчезли

практически все четырнадцать видов австралийских лягушек, причем гибель их начинается от морских берегов и распространяется в горы по речкам. Более всего подвержены болезни водные лягушки, поэтому и делается вывод о водном происхождении вируса. Сейчас вирусологи пытаются выделить вирус, чтобы начать с ним борьбу.

Дружба муравьев и деревьев

Более ста лет известно, что растения и муравьи образуют сообщества, выгодные и тем, и другим. Обычно муравьи защищают растения от насекомых вредителей, а деревья кормят своих защитников. Карлос Роберто Фонсека из Бразилии считает, что в лесах Амазонки все обстоит сложнее.

Муравьи там несут круглосуточную вахту у некоторых деревьев, хотя ничего не имеют взамен. Правда, они залавливают тамошних тлей и подкармливаются их сладким молоком. Но для деревьев муравьи просто необходимы. Карлос Фонсека проверил, что без своих маленьких защитников деревья теряют листву и хуже растут.

Путуру возвращается

Кроме всем известного австралийского животного кенгуру, есть еще маленькая крыса-кенгуру, которую называют путуру Гильберта. Последний раз ее видели в 1869 году и считали исчезнувшим видом. И вдруг в прошлом году два австралийских студента — Элизабет Синклер и Адриан Вейн — нашли пятерых взрослых путуру в заповеднике на южном побережье Австралии. Двое из них были женского пола, и в их сумках копошились малыши.

Чтобы помочь выжить маленьким кенгуру, решено уменьшить число лис в заповеднике. Если удастся взять у них пробу крови, то можно будет провести генетический анализ и установить цепь их родства с большими кенгуру. Это важно для создания общей картины развития и изменения вида.

ДИСКУССИИ «ЗНАНИЕ — СИЛА»

Сергей Эрлих

Россия КОЛДУНОВ

Символические масонские знаки

Три поколения одной касты

Вопрос «Что есть интеллигенция?» представляет змеиный клубок цепляющихся друг за друга вопросов. Чтобы ответить на него, необходимо указать общественную функцию интеллигенции. Но функция может быть определена только относительно социальной структу-

ры, а представление о структуре зависит от мировоззрения. Советские идеологи, к примеру, рассматривали интеллигенцию в качестве «прослойки» в бутерброде из рабочего класса и крестьянства. Интеллигенция обижалась, когда ее именовали «прослойкой», и осмысливала свое предназначение в рамках структуры «интеллигенция», «власть», «народ».

Клубок развернулся в цепь: какова функция интеллигенции относительно структуры, сообразной мировоззрению интеллигенции?

Начало дискуссии — в № 6 за этот год — статья С. Кордонского «Российская интеллигенция...»

Принципиальная новизна ответа — в обращении к индоевропейской истории.

Основание обращения — тождество триад «интеллигенция», «власть», «народ» и «колдуны», «воины», «работники» индоевропейской архаики.

Общее для всех индоевропейцев представление о сакрально военно-экономическом устройстве общества с постоянством воспроизводится: в мифологии индоариев («брахманы», «кшатрии», «вайшьи»), античной философии («философы», «воины», «производители» Платона), средневековой схоластики («огаторес», «bellatores», «laboratores»), социологии Нового времени (века «богов», «героев» и «людей» Д.Вико), новейшей политологии («правовой», «репрессивный», «поощрительный» типы власти В.В.Крамника).

Первоначальная иерархия трех функций восстанавливается по расположению на «мировом древе»: крона отводится «колдунам», ствол — «воинам», корни — «работникам». «Колдуны» управляют мыслями, «воины» — действиями. В предельных абстракциях «слова» и «дела» — сущностные различия сакральной (духовной) власти «колдунов» и светской власти «воинов».

Сакральная власть — это слово, это власть знания, функция которой — творение и хранение основополагающих смыслов, представлений о добре и зле, сформулированных в виде этического закона.

Светская власть — это дело, это власть силы. В идеале «воины» организуют общество и защищают его согласно этическим предписаниям сакрального закона.

Сакральная и светская ветви власти постоянно противоборствуют — одна стремится присвоить функции другой. Различные исходы этой борьбы во многом повлияли на архетипы созданных индоевропейцами цивилизаций, в которых кристаллизованы представления о структуре власти, бытовавшие в момент возникновения государства. Все они являются вторичными модификациями исходного сакрально военно-экономического образца.

Архетип русской цивилизации проявляется наиболее отчетливо при сравнении с «аршином общим» — цивилизацией Запада.

Архетип западной цивилизации заключается в представлениях о верховенстве сакральной власти и разделении властей. С верховенством сакральной власти связано уважение к Закону, с разделением властей — терпимость к иному и минимизация насилия. Благодаря архетипическим представлениям поддерживается норма, относительно которой (вопреки многочисленным отклонениям — от древнеримского обожествления императоров до современного фашизма) осуществляется преемственность западной цивилизации.

В древней Руси взаимоотношения сакральной и светской властей — противоположны. Их отличают: верховенство светской власти (верховный бог Перун — покровитель «воинов»); смешение функций светской и сакральной властей. (Так, прозвание «вещий» свидетельствует, что помимо обязанностей светского правителя Олег осуществлял и ряд сакральных функций.)

С верховенством светской власти связано неуважение к Закону. Правосознание «низов» определяется формулой: «Закон, что дышло...», которая поддерживается законодательной практикой «верхов» (перифразируя на современный лад Герцена, у нас избирательный закон переменить, что малиновый пиджак перелицевать). Со смешением сакральной и светской властей связаны нетерпимость к иному и неограниченность насилия. Русская почва отнюдь не исключает законности, терпимости и ненасилия. Однако исходные представления способствуют более интенсивным, в сравнении с Западом, проявлениям беззакония, нетерпимости и насилия.

Сочетание в архетипе взаимоисключающих тенденций — раскола и слияния — «соборности» — объясняет принципиальную двойственность «Великого востоко-запада» (Вл.С.Соловьев) — русской цивилизации. В отношениях «воинов» и «колдунов» раскол и соборность периодически сменя-

ют друг друга. «Ближневосточное» начало соединяет сакральные и светские функции в одних руках, «индоевропейское» — восстанавливает исходное разделение властей.

Разрозненные свидетельства начальной истории Руси позволяют заключить, что культ Перуна и, следовательно, господство «воинов» — достаточно позднего происхождения. Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров считают, что само понятие «власть» производно от Велеса — покровителя сакральной сферы. Можно предположить, что «воины», которыми могли быть легендарные варяги, установили свое безраздельное господство, свергнув «колдовскую» власть жрецов Велеса — волхвов. О том, что борьба велась на уничтожение, свидетельствует отсутствие «скотьего бога» (Велеса) в пантеоне, сооруженном в 980 году Владимиром Святым в Киеве.

Взаимное ожесточение борьбы запечатлено в двух текстах — «воинском» и «колдовском». Первый — знаменитое конное изображение Георгия Победоносца, пронзающего змея. Второй — легенда «Повести временных лет», больше известная в пересказе Пушкина как «Песнь о вещем Олеге». Символика текстов связана с языческими представлениями о символических животных: бык и змея — символы «колдунов» (в этой связи прозвание Велеса — «скотий бог» абсолютно закономерно), конь — символ «воинов». Это первый символический ряд, второй — связан с христианской традицией приспособления к языческим культам. Культ Перуна был перенесен на Георгия Победоносца, культ Велеса — на Николая Угодника.

Поединок Победоносца со змеем читается как апофеоз Перуна, свергающего Велеса, как торжество «воинов», посрамивших «колдунов». Значение этого победоносного для «воинов» текста подтверждается его последовательным воспроизведением на гербах Великого княжества Московского, Московского царства и Российской империи. Мстительный взгляд «колдунов» зафиксирован в легенде о «вещем» Олеге: «ку-

десник»-волхв предсказывает гибель князю; князь гибнет от укуса змеи (символ «колдунов»), выползающей из конского черепа (символ «воинов»). Эти тексты взаимной ненависти — один прославляющий победу «воинов», другой предрекающий их поражение от «колдунов» — постоянно воспроизводятся во взаимодействии сакральной и светской властей.

Волхвы — первое поколение русских «колдунов» — были разгромлены властью «силы». Второе поколе-

ние — православное духовенство — было навязано русскому обществу силой светской власти. Потому православие — самая несакральная из сакральных властей русской истории. В контексте взаимоотношения «воинов» и «колдунов» легенда о выборе веры получает дополнительное подтверждение достоверности. Византийское христианство с его цезарепапизмом — верховенством императора при смешении сакральной и светской функций — совпадало с властной структурой языческой Руси. Принятие новой религии преследовало ту же цель,

что и реформа языческого пантеона (исключившая из числа богов покровителя «колдунов» — Велеса), — сакрализовать безраздельное господство «воинов». Тожественное по структуре властей православие лучше других вер подходило для этой цели.

Церковь не раз пыталась нарушить византийскую симфонию властей в свою пользу. Однако архетипические представления препятствовали успеху «нестяжателей» и Никона, и благоприятствовали

руках. Взятая на вооружение рациональная идеология Просвещения, ориентированная — взамен христианского — на классический античный образец, как нельзя лучше соответствовала слиянию сакральной и светской функций. (О темпах проникновения идей «века Разума» свидетельствуют радикальные перемены погребального обряда. В некрополе Александро-Невской лавры взамен надгробных крестов на могилах знатных «воинов» воздвигнуты колонны, погребальные урны, саркофаги и другие сооружения просвещенческой «античной» сим-

Языческие идолы древних славян. Славянские волхвы. Гравюра из Русской истории Н.Н. Головина

десакрализации православия в результате петровских реформ. Начиная с царя-«Антихриста», церковь превратилась во второстепенный элемент государственного аппарата, а священнослужители — в государственных служащих.

XVIII век, который в России продолжался до 1825 года, прошел под знаком безраздельного господства «воинов». Вторая их победа символизирована «Медным всадником», попирающим «медного змея». «Задавив гадину» (Вольтер), русское государство соединило «слово» и «дело», «знание» и «силу» в одних

волики.) Образованное общество и просвещенная власть совпали в лице историка-губернатора Татищева, поэта-министра Державина, «философа на троне» Екатерины II. Преодоление раскола властей путем уничтожения сакральной власти — главное условие военных (Суворов и Кутузов), государственных (Потемкин и Сперанский) и культурных (Ломоносов и Пушкин) успехов, пик которых пришелся на «золотой век» Екатерины, а последний всплеск — на «дней alexандровых прекрасное начало».

Именно блестящие царствования

Екатерины и Александра образуют начальную и конечную точки — от Новикова до декабристов — внутритробного развития **третьего поколения «колдунов» — интеллигенции.**

Возникновение интеллигенции, как уже говорилось, обусловлено внутренними особенностями архетипа. Но ее оформление имеет внешнюю масонскую природу. Ма-

Александр I запретил масонское движение. Но было поздно. Восстание декабристов, прошедших отличную масонскую выучку, продемонстрировало это убедительно. 14 декабря 1825 года — день рождения интеллигенции, третьего поколения русских «колдунов».

Евангелие от Искандера. От тотема — к аллюзии

Каждое поколение «колдунов» видит собственное предназначение

Новгородские иконы
XV века

Сенатская площадь.
Гравюра
С. Галактионова

сонство, проникшее в Россию одновременно с Просвещением, с самого начала отличалось от мистики и ритуализма западного образа своей этической и социальной направленностью. Унаследованная «змеиная» ненависть содействовала тому, что этичность и социальность обернулись обличениями безнравственной и антинародной власти, а власть тысячелетним инстинктом сразу распознала, «где таится гибель». Екатерина II обрушила репрессии на отдельных масонов — Новикова и Радищева.

в хранении своего сакрального текста. Для волхвов — это восточнославянская мифология. Для духовенства — Священное писание. Какой же сакральный текст хранит интеллигенция?

Если принять во внимание, что ядром сакрального текста обычно является открытое выступление «первоколдуна», то у интеллигенции был выбор между литературной критикой Радищева и «критикой вооруженной рукой» (П.А.Вяземский) декабристов.

Интеллигенция выбрала декабристов. В историографии Радишеву в лучшем случае отводится роль «предтечи» — *в начале интеллигенции было не сакральное «слово» отчаянного одиночки, а военное «дело» группы заговорщиков.* Сакрализация декабристов соответствует архетипическим представлениям о верховенстве «воинов» и «соборном» слиянии в руках «воинов-пророков» (А.И.Герцен) сакральной и светской функций. **Декабристы** и есть архетипизированный сакральный текст русской интеллигенции.

Важным свидетельством сакральности являются количественные несоответствия западной и отечественной литературы о декабристах. Во всей огромной зарубежной историографии России едва наберется дюжина значительных работ о декабристах, и те написаны в основном русскими эмигрантами. Отечественная же литература давно перевалила за двенадцать тысяч публикаций, их авторы — от Николая I до Окуджавы, а жанры — от следственных дел до оперных либретто. Также разительно отличается и отношение к движению декабристов. Для западной историографии — это рядовой эпизод российской истории. Для отечественной литературы — «лучезарная точка в русских летописях», по выражению М.С.Лунина.

Творение сакрального декабристского текста пришлось на время между рождением интеллигенции 14 декабря 1825 года и обретением имени (ее инициацией) в шестидесятых годах XIX столетия.

Канонизация декабристов в общественном сознании протекала по евангельскому образцу — от презрения к обожанию. Декабристы претерпели весь скорбный путь Сына Человеческого. Современники повешенных, как и современники распятого, не были готовы поверить в опозоренного Бога. Народ, которого так не хватало декабристам, тихо злорадствовал по поводу унижения мучителей-дворян. Дворяне же переживали декабристскую виселицу как общесословную казнь, настолько постыдную, что от нее избавлены даже рабы. Бессильный гнев пушкинской подписи под

рисунком той кошмарной виселицы: «И я мог бы как шут...» — направлен отнюдь не на власть, а на бывших друзей — виновников несмываемого позора.

Временной разрыв между историческими событиями и их литературным воплощением для декабристской легенды характерен так же, как и для евангельской. Евангелист декабристов Герцен сумел «развернуть агитацию» только к концу николаевского царствования. И не одни цензурные препятствия тому виной. Приобщение к вере в униженных стало психологически возможным, когда народилось новое поколение, способное воспринимать декабристов иначе, чем символ собственного позора.

«Декабристская легенда» неотделима от ее творца. Мироззрение Герцена формировалось до и после 14 декабря, на переломе эпох Просвещения и романтизма. Эти эпохи, как известно, объединены причинно-следственной связью и противоположны по настроению. Оптимизм Просвещения с его идеей рационального преобразования механизма общественного устройства породил Великую французскую революцию. Трагизм порожденного этой революцией романтизма был основан на постулате невмешательства в жизнь общественного организма. (Примечательно, что и культурные образцы обеих эпох — «залитая солнцем» античность и «темное» христианское средневековье — находятся в тех же отношениях каузальности и противоположности.)

На соединении несовместимого — идей Просвещения и романтизма — основана декабристская легенда, приводимая в движение парадоксальной упряжкой коня революционной пропаганды и трепетной лани христианской символики. Ее суть выражается излюбленным герценовским эпитетом применительно к «героям 14 декабря» — «мученики». В декабристах, сознательно приносящих себя в жертву во искупление дворянских грехов, — весь пафос «благой вести от Искандера». (Воплощением этого пафоса явится мессианский призыв: «В народ!», повинувшись которому поколение «детей», разбуженных

Герценом, искупало грехи поколения «отцов».)

В первую очередь метафора реализуется в функциональном отождествлении декабристов и Христа. Параллели очевидны. Прежде всего в их истории воспроизводятся ключевые моменты евангельского сю-

Крестителем. Так декабристы становились предтечами, исходной точкой, «первым поколением».

Герцена не раз упрекали в идеализации декабристов. Действительно, созданный им образ не совмещается с реальным их поведением, в частности, во время следствия. Но Герцен писал не ученый трактат, а сакральный текст. Говоря его собственными словами, «только

жета — неудачное восстание (въезд Христа в Иерусалим?), неправый суд, немилосердная казнь. Но более важно следование христианской логике сакрализации с ее аксиомой унижения как истинного величия.

Не столь явны параллели, манифестированные обложкой «Полярной звезды». Изображения топора и плахи и отрубленных голов в круглом обрамлении должны были ассоциироваться у тогдашних читателей «тамиздата» с Иоанном

гении способны ошибаться подобным образом». Другая причина «идеализации» связана не с целями работы, а с характером герценовских источников. Н.Я.Эйдельман писал, что «...первый пласт декабристских материалов, попавший в Вольную типографию, был связан с Луниным». Обаяние этого «бога-

тыря, кованного из чистой стали» — шалуна и бретера, остроумца и мыслителя перенеслось на остальных участников тайных обществ. Герцен писал «декабристы», подразумевая «Лунин».

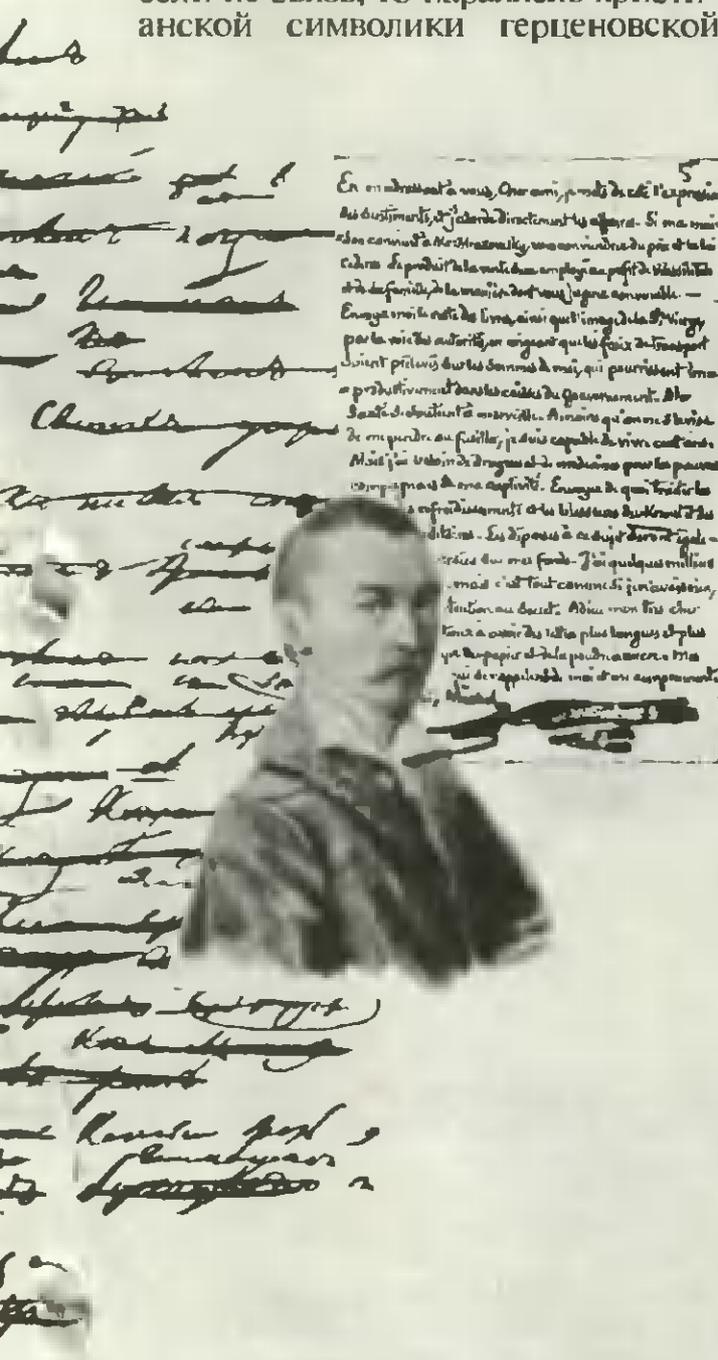
Лунинские тексты, впервые опубликованные «Полярной звездой», представляют лаву расплавленных смыслов. Часть из них кристаллизовалась в интеллигентской традиции. Для примера можно отметить если не связь, то параллель христианской символики герценовской

«легенды» и лунинской автохарактеристики — «апостолы свободы». Лунин также сформулировал принципы сакрального суверенитета интеллигенции в триаде «интеллигенция», «власть», «народ», представители которой «отрекаются (от) жизни и тем свидетельствуют правдивость своего послания, истину своих начал и законность своей власти» в противоположность уваровской формуле — «православие, самодержавие, народность».

Сходство обеих конструкций — в акцентировании «долга перед народом», третьим лишним в прежних опорах двух властей. «Треугольник» российской истории XIX — XX столетий основан не на любви, а на ненависти. Ее периодизация строится в зависимости от того, власть ли с народом давят интеллигенцию либо народ с интеллигенцией сокрушают власть.

(Уровень взаимной ненависти, парализующий любую попытку сотрудничества светской и сакральной властей, демонстрирует беседа А.С.Суворина с Ф.М.Достоевским времен охоты интеллигентов-революционеров на Александра II. Далеко не революционные собеседники согласились, что, узнав о подготовке покушения на императора, ни в коем случае не стали бы доносить.)

Пик ненависти был достигнут в царствование последнего Романова. Ненасильственная христианская символика стала препятствовать всеобъемлющему выражению архетипической «змеиной» злобы. И потому на первый план выдвинулся языческий пласт «легенды» о декабристах. Ни В.И.Ленин, ни Н.П.Павлов-Сильванский, ни В.В.Глинский, ни какой-либо другой партийный идеолог эпохи не являются творцами языческой метафоры сакрального текста. Преемственность с декабристами в кровно-родственных категориях тотемизма — доисторической религии священного предка — определил еще Герцен: «потомки», «предки», «наследники», «родство», «поколение» и так далее. О «трех поколениях» в русском революционном движении задолго до Ленина, Павлова-Сильванского и Глинского писал Н.П.Огарев.

Виселица с казненными декабристами. Рисунок А.С. Пушкина

Альманах «Полярная звезда», 1855 год, и номер «Колокола» за 1862 год

Отрывок из последнего письма М. Лунина

Была и другая причина преобладания языческой метафоры декабристы-«тотем» над христианской — декабристы-«мученики». Начиная с первой русской «революции нового типа» (М. Вебер), наряду с противостоянием интеллигенции и власти, обострилась междоусобица «колдунов». Приобщаясь к тотемному предку, каждая партия приписывала себе исключительную сакральную силу и потому отрицала священное родство конкурентов. Знаменитые ленинские «три поколения» — дворянские, разночинские, пролетарские революционеры — должны были доказывать безусловную монополию большевиков на «декабристское наследие».

Большевики, победившие в 1917 году, мгновенно милитаризировались. (Не случайно эпоха становления большевистского режима вошла в историю как «военный коммунизм».) Гражданская война «белых» и «красных» стала смертельным поединком интеллигентов-«колдунов» и советского поколения «воинов». Н.А. Бердяев отмечает, что за время гражданской войны изменился даже «антропологический тип» большевика. «Революция, о которой интеллигенция всегда мечтала, оказалась для нее концом».

Бердяев ошибся. Русская интеллигенция стала «народной», «советской», но не умерла. О ее живучести свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что подавление интеллигенции было первоочередной задачей советской власти на протяжении всех семидесяти трех лет. Создавая подконтрольные «творческие союзы», Сталин подражал мерам Петра I по огосударствлению церкви. Однако, в отличие от православия, прирученная кнутом и прикормленная пряником советская интеллигенция сумела сохранить сакральность. Начиная с шестидесятых годов, она заявляет о своем праве на верховную власть.

Интеллигенция выполняла свой «нравственный долг» в невероятных условиях главлитовской цензуры. Чтобы сохранять сакральность,

ей было необходимо обличать власть. Но обличать так, чтобы «народ» понимал, а «власть» не догадывалась. Для этой цели был изобретен шизофренически раздвоенный эзопов язык советской культуры.

Сакральный текст тоже надо было приспособить к эзопову механизму трансляции сакральности, поэтому влиятельную накануне коммунистической революции метафору «декабристы-тотем» сменила метафора «декабристы-аллю-

зия». «Декабристский текст» стал рассматриваться как универсальная модель социально-политической ситуации. Интеллигенты-шестидесятники отождествляли реформы Александра I с хрущевской «оттепелью», николаевский застой — с брежневским, ссылку декабристов в Сибирь — со своим изгнанием на московские кухни. В полной мере метафора «декабристы-аллюзия» проявилась в литературе, наиболее яркие примеры — повесть Окуджавы «Глоток свободы» и исследование Эйдельмана. Так что можно сказать, что эта метафора готовила

антикоммунистическую перестройку.

Отголоски аллюзивной метафоры до недавних пор чувствовались в оппозиционной прессе, где неудачливые путчисты августа девяносто первого сравнивались с декабристами. Любопытно, что победившая сторона прибегла к скрытому цитированию герценовской легенды. «Оборона Белого дома» приобрела свой символический

смысл только в связи с мученической смертью трех защитников Белого дома.

Колдун умер. Да здравствует колдун?

Сакральный текст пережил три стадии, три метафоры: декабристы-«мученики», декабристы-«тотемы», декабристы-«аллюзия». Каждая из них представляет реакцию интеллигенции на общественную ситуацию. Характер реакции позволяет судить о состоянии интеллигенции.

Сегодня сакральный текст переживает четвертую стадию — стадию

молчания. Что можно сказать об интеллигенции на основании такой немногословной реакции?

Фигура умолчания весьма многозначна. «Молчание — золото». «Молчание — знак согласия». Когда «народ безмолвствует», молчание — символ несогласия. Но в предельном смысле молчание равнозначно смерти.

На клинический вопрос «Умерла ли интеллигенция?» надлежит отвечать утвердительно. Репрессии Сталина не могли десакрализовать «колдунов». Гонения его последователей только создавали мученический ореол святости...

А теперь? Теперь интеллигенция тихо угасла после того, как ее вожди совершили «хождение во власть».

Недавние «властители дум» с тоской вспоминают о днях сакрального величия. «...Российская интеллигенция почти полностью растеряла свой авторитет... — сетует один из «ходоков», Г.Х.Попов, — ...никто ей не внимает...». Более дальновидные торопятся конвертировать остатки популярности в твердую валюту, либо кривляясь в рекламных роликах, либо скоморошествуя перед нуворищами. Остальные продолжают бодро озвучивать утраченные смыслы. Но смертельная тоска в глазах выдает. Как они заведуют Высоцкому...

Для России же смерть интеллигенции — это всего лишь кончина третьего поколения «колдунов», и пока никто не знает, когда ждать их четвертого пришествия. ●

Сергей Ефремович ЭРЛИХ — аспирант Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН, выходец из Молдавии. Аура Петербурга, его мифы и видения увеличили молодого ученого от традиционных исторических проблем, завлекли в омуты, которыми соблазнялось не одно поколение историков, — судьба русской интеллигенции, разгадка ее «колдовской» сущности. В нашем журнале печатается впервые.

Усадьба Владимира Набокова в Рождествене до пожара. Фото Михаила Гнедовского

ПАМЯТЬ МЕСТА

«Чудом уцелевший, но совершенно пустой деревянный дом и заросший, запущенный парк — вот все, что осталось от усадьбы в Рождествене, построенной двести лет назад и принадлежавшей затем многим владельцам, череду которых замыкает В. В. Набоков». Так в 1992 году я писал об усадьбе Набокова под Санкт-Петербургом, которая поразила меня своей узнаваемостью и одновременно какой-то вневременностью по отношению к творчеству писателя, но прежде всего — фактом своего существования. К этому же времени (май 1992 года) относятся и помещенные здесь фотографии.

Речь тогда шла о создании в усадьбе музея, и мой очерк был первой попыткой «войти в тему», выбрать для этого будущего музея правильный тон, нужную интонацию — по возможности не слишком банальную и не фальшивую. В общем, стоявшая передо мной проблема была, наверное, не столько эстетической, сколько этической: я как бы хотел привлечь в союзники самого писателя, но

Рожественное Музей

или Rozhestveno Revisited

Михаил Гнедовский

все время наталкивался на какое-то внутреннее препятствие... Если перефразировать Набокова — тогда я еще не знал, что мои сценарные предложения в действительности являются проектом будущих воспоминаний.

Потом за восстановление усадьбы взялись реставраторы, дело приняло вполне практический оборот, и вопросы, относившиеся к тонким материям, пришлось отложить на неопределенное время. Я занялся другими проектами. А 12 марта 1995 года усадьба в Рождествене сгорела дотла.

Я почти не сомневаюсь, что усадьбу отстроят заново, как отстраивают сейчас храм Христа Спасителя в Москве. Я также не сомневаюсь, что магия этого места потеряна уже навсегда.

Предлагая вниманию читателей очерк, написанный в далекую дпожарную эпоху (всего три года тому назад), я понимаю, что сегодня об этом надо уже писать совсем другими словами. Но в конце концов в поэтике всех набоковских одиссей главным элементом всегда была фигура невозвращения.

Ж

огда в 1916 году Владимир Набоков унаследовал это имение от своего дяди В. И. Рукавишников, было ему всего семнадцать лет. Пробыв весьма символически в роли хозяина рождественской усадьбы около года, он сразу же ее потерял, и это навсегда соединилось для него с потерей Родины, детства, отрочества и первой юношеской любви под сенью этого парка.

После 1917 года Набоков никогда не возвращался на Родину, не был в Рождествене и не встречал своей первой любви. Он прожил долгую жизнь эмигранта, сначала в Европе, потом в Америке, никогда не занимался политикой, изучал бабочек, читал лекции по русской словесности в американских университетах и писал — стихи, рассказы, романы — сначала по-русски, под псевдонимом Сирин, затем по-английски, под своим собственным именем, которое стало известно во всем мире, но не в России, где при жизни его произведения не печатались. С 1959 года он жил в Швейцарии, в Монтре, и там же в 1977 году умер.

Теперь, когда имя и книги Набокова пришли на Родину, все более отчетливо проявляется значение его как писателя. Пожалуй, он был единственным, кому удалось, преодолев отчуждение эмиграции, стать не только русским, но и признанным англо-американским классиком. (Бунин, например, несмотря на Нобелевскую премию, остался целиком русским автором.) Однако диапазон творческих достижений Набокова в действительности значительно шире: он не только соединил две разноязычные культуры, но и перекинул мост между двумя эпохами. Начав с традиций русской литературы XIX века, пройдя по ему одному ведомому пути через декаданс и модернизм, он стал писателем плоть от плоти XX века — и по языку, и по всему строю своих произведений, и по тому, с какой кажущейся легкостью вплетает он в узор своей прозы наряду с «вечными» темы пограничные и даже рискованные. (Кто еще из русских писателей готов полемизировать с Фрейдом, входя, как к себе домой, в мастерскую психоанализа?)

Выстраивая причудливые хронотопы своих романов, перекручивая и сжимая упругую пружину пространства-времени, Набоков вновь и вновь возвращается мыслью в Рождествено. Именно усадьба, а не Петербург, навсегда остается для него символом потерянной родины, утраченного детства, Эдема или, как пишет он сам, «экологической нишей». Волшебные, чистые, поистине рождественские образы усадебного детства — откровенно автобиографические (в стихах, «Других берегах») или вымышленные, но все равно узнаваемые по звучащей в них ностальгической ноте (в «Даре», «Защите Лужина», «Аде»), — являются для Набокова последней и высшей ценностью и не допускают по отношению к себе никакой иронии, обильно разлитой в остальном его творчестве.

Детство героев Набокова проходит в мире, созданном русской усадебной культурой (и усадебной литературой) XIX века. Это мир, из которого вышел он сам как писатель и как человек. Но герои взрослеют и (вместе с автором) обнаруживают себя в совершенно ином мире — в междувоенной Европе, или в Америке сороковых годов, или вообще вне привычных геополитических и культурно-ландшафтных измерений, но неизменно — в каком-то многоязычном, кипящем страстями Вавилоне, вкрадчиво чуждом, обрекающем их на скитания, на одиночество и ностальгию, питающим надежды и воспоминания, обостряющем все пять (или шесть) чувств и ускользающем, ускользающем.

Мир этот катастрофичен, как и вся история XX столетия, но, в отличие от истории, начисто избавлен от идеологии. Взгляд частного лица, живущего среди других частных лиц (авторская и жизненная позиция Набокова, привитая, должно быть, английским либеральным воспитанием), не позволяет ему относиться всерьез к ролевым играм своих персонажей и современников — бытовым или политическим. Лакеи и прос-

титутки, политики и коммерсанты — неизменный кордебалет, парад масок, сопровождающий главную метаморфозу, основное действие, всегда глубоко и обнаженно личное, освобожденное от социальной скорлупы, хотя и выведенное подчас целиком в плоскость наблюдений и переживаний автора, с детства сохранившего бесконечное удивление перед неизбежным и таинственным перевоплощением куколки в бабочку.

Мир Набокова убедительно призрачен. Люди и вещи, схваченные в неожиданных ракурсах, то сверхъестественно выпуклы и телесны, то вдруг растворяются, рассеиваются как дым, когда чуть изменится угол зрения или строй фразы.

Зрелый, искушенный Набоков, пересекший под флагами разных держав три четверти XX века, очень далеко ушел от берегов русского усадебного романа, но ничего не потерял по дороге. В его творчестве образовались как бы два полюса: на одном — гротеск и фантазмагория, на другом — детские и юношеские впечатления, составляющие ценностный контрапункт любым головокружительным стилистическим и сюжетным коллизиям, создавать которые он был мастер. (Работа этого драматического маятника видна в композиции «Дара»: герой, задумав писать об отце и о самых заветных впечатлениях усадебного своего детства, разрешается вместо этого едким и ироничным эссе о Чернышевском, но уже в самом финале, после того, как он, потеряв ключи, деньги и одежду, бежит в чем мать родила под дождем по улицам Берлина, вдруг оказывается, что «Дар» от начала до конца — роман о любви.)

Пусть это звучит банально, но Набоков стал признанным классиком двух континентов благодаря своей неизменной любви к родине, к детству, к родине своего детства. Его наблюдательность и изобретательность, изысканная смелость и пронзительность его прозы суть продолжение «таинственной способности... воспринимать в жизни только то, что когда-то привлекало и мучило в детстве, в ту пору, когда нюх у души безошибочен». Как писатель он вырос вместе с веком, оставаясь всю жизнь мальчиком, бредущим по аллеям рождественского парка (как Лужину, международному шахматному чемпиону, в очертаниях ночного берлинского парка вдруг чудится тот, иной парк).

Возвращение Набокова из тридевятого царства в родные пенаты — посмертное возвращение — не будет ни быстрым, ни легким.

Одно дело — «воображаемый музей» (термин Андре Мальро), который он всю жизнь носил в сердце и о котором писал, другое — реальный музей в реальном Рождестве, как оно существует сегодня.

Усадебная культура, бывшая когда-то неотъемлемым элементом русского образа жизни, вот уже более семидесяти лет как погибла, оставшись жить только в образах, созданных в литературе. Первым ее поэтом был, наверное, А. Т. Болотов, последним — В. В. Набоков, а между ними — вся золотая пора отечественной словесности. Усадебная Россия исчезла бесповоротно и целиком, как будто под действием катаклизма, какой-то слепой силы — то ли это были большевики, то ли просто XX век.

Рождество — одна из многих усадеб, разбросанных по европейской России, приспособленных в свое время под убогие колхозно-санаторные нужды и потому физически уцелевших, хотя и разграбленных и изуродованных. Ситуация повсюду примерно одна и та же: пустой дом, заброшенный парк и бестелесная память места — звучные имена, далекие легенды, воспоминания. Поросшие бьяльцем замки с призраками...

Когда сегодня заходит речь о дальнейшей судьбе этих памятников, тотчас, как чертик из табакерки, является проект их музеефикации. Однако весь опыт создания литературно-мемориальных музеев-усадеб заставляет быть начеку. Лакированные, глубокомысленно-назидательные гробницы культуры, грубые метафоры, намекающие на ее бессмертие, — как далеки бывают они от той жизни, которая протекала когда-то в этих стенах, наполняя их теплом и дыханием. Иногда кажется: уж лучше

печальное запустение, в котором есть какая-то правда, чем заведомо отчужденные, преисполненные ложного героико-ностальгического пафоса формы «музейного показа».

И все-таки Рождествено — место заповедное и, несомненно, посещаемое музами (по крайней мере, Набоков, говоря о нем, упоминает Мнемосину). Обустривая сегодня эту усадьбу, мы должны выразить отношение нашей культуры к культуре давно и безнадежно ушедшей, причем схваченной на излете, накануне катаклизма. Мы должны помнить, что один из величайших писателей нашего столетия искал здесь опору, нравственное оправдание последующим событиям жизни — своей и своих героев, — происходящим едва ли не на Луне («Ада»).

Прежде всего усадьба в Рождествене, безусловно, нуждается в реставрации, задача которой — воссоздание дома и парка на период начала XX века, то есть на время, когда здесь жил В. В. Набоков.

Однако программа реставрационных работ (включая разработку охранных зон и освоение территории) — это лишь объективная подоснова, необходимый фундамент для гораздо более условной музейной программы, нацеленной на создание вокруг рождественского ансамбля некоего смыслового облака, окрашивающего его в определенные тона, на выявление внутренней топографии и топонимики места, превращение его в многозначный культурный ландшафт, в место встречи сегодняшней живой российской культуры с усадебной культурой прошлого и с той удивительной, самобытной, находящейся вне времени и пространства культурой, которую творит в своих произведениях сам Набоков.

С той поры, когда в Рождествене происходила нормальная полнокровная, подчиненная сезонному ритму усадебная жизнь, минуло, быть может, не так много времени, но воды утекло немало: материальных свидетельств эта жизнь по себе почти не оставила. Поэтому в работе создателей музея центр тяжести неизбежно будет смещен в область реконструкции и интерпретации, и проект поневоле станет, с одной стороны, субъективно-авторским, а с другой — субъективно-набоковским.

Творчество Набокова (этот «магический кристалл», глядя в который мы прозреваем в картинах, относящихся к прошлому, контуры будущего) задает очень высокую «планку» для тех, кто озабочен сегодня созданием музея в Рождествене. Пойдет ли музей по дидактическому пути разъяснения и толкования Набокова для непосвященных, или по пути создания многозначительных и многозначных намеков и символов, понятных лишь ценителям, — в любом случае мир набоковских образов — причудливый, сложный и рефлексивный — потребует нетривиальных решений, выходящих далеко за рамки принятых музейных стандартов, будь то иллюстрирование, стилизация или лубочная драматургия затейливых экспозиционных мизансцен.

Создать музей, эстетика которого станет (в определенном условном смысле) преломлением эстетики самого Набокова, — задача непростая и тонкая. Когда же речь идет о Рождествене, где стянуты в один узел и творческие мотивы, и личная жизнь писателя, требуется не только вкус, но и исключительный такт. Один промах, одна фальшивая нота — и здесь возникнет чудовищный диссонанс, на корню убивающий всю затею.

Но есть еще одно обстоятельство, которое нельзя не учитывать, приступая к созданию музея Набокова. Дело в том (и это, кажется, единственная в своем роде ситуация), что у самого автора (и будущего героя экспозиции — какой бы она ни была) есть свое, вполне определенное и последовательное понимание музея (своя концепция музея — стоило бы сказать, чтобы превратить его из героя в сообщника). Быть может, Набоков обращается к теме музея не так часто, как к теме далекого усадебного детства, но он обращается к ней регулярно. Почти в каждом романе развитие сюжета, по крайней мере, однажды приводит героев в музей.

В целом музей по Набокову — начало амбивалентное, то есть само по

себе ни хорошее, ни дурное, однако неизменно озаряемое отблеском (порой едва заметным) inferнального пламени. Как будто сверхплотное культурное вещество, сосредоточенное в условном пространстве, превысив некую критическую массу, грозит обернуться черной дырой реального физического пространства. (Вот, например, жена повела Лужина в музей и «показала ему любимые свои картины... Лужин кивал и прилежно шурился, и очень долго рассматривал огромное полотно, где художник изобразил все мучения грешников в аду, — очень подробно, очень любопытно».)

Нередко у Набокова музей становится зеркалом, в котором мелькает, как предвестие, зловещая роковая развязка, или неотвязная мысль, или подспудное опасение (героя, читателя, автора — не все ли равно?). Так, Драйер, не ведающий о замыслах своей жены, обнаруживает в экспозиции криминального музея широкую панораму всевозможных убийств, жертвой которых он мог бы стать, осуществись ее планы («Король, дама, валет»).

Музей — хранилище мертвого тела культуры, символ отчуждения и остранения — важнейших в поэтике Набокова категорий: «Вот мяч, тот самый, одобренный властями гладкий резиновый мячик, вдруг оказавшийся в стеклянной витрине, как музейный экспонат. То есть, на самом деле, три мяча в трех витринах, потому что нам показывают все его метаморфозы: вначале новенький, чистый почти до белизны, цвета акульего брюха; затем серый, взрослый, с обветренной, забрызганной грязью щекой; и наконец, вялый, бесформенный труп. Все. Звенит звонок. В музее вновь гаснут огни и воцаряется пустота» («Вепд Sinister»).

Везде у Набокова музей ассоциируется с городом — холодным, пугающим, безличным — и прямо противостоит усадебной пасторали. Франц, молодой провинциал, впервые попав в Берлин, провел два часа в музее древностей, «с ужасом разглядывая пестрые саркофаги и портреты носатых египетских младенцев» («Король, дама, валет»).

В рассказе «Посещение музея» все эти линии сходятся, и потусторонняя машина музея, до сих пор издававшая только невнятный угрожающий гул, наконец, срабатывает. Герой (или автор — рассказ написан от первого лица) бежит, как в дурном сне, по бесконечной анфиладе музейных залов, пока неведомая роковая пружина неожиданно не выбрасывает его из уютного призрачного немецкого городка туда, куда путь ему навсегда заказан, — в абсолютно реальную холодную и сырую ленинградскую ночь.

Откуда же берется у Набокова этот образ музея — один из самых гротесковых, мрачных и пугающих образов, созданных в его произведениях? Похоже, в «Других берегах» писатель сам раскрывает его биографическую подоплеку. В главе одиннадцатой: лето 1915 года, головокружительный роман, свидания с Тамарой (Машенькой, Валентиной?) в пустовавшей тогда дядиной усадьбе в Рождествене.

Часть вторая: «С наступлением зимы наш безрассудный роман был перенесен в городскую, гораздо менее участливую обстановку. Все то, что могло казаться — да и кажется многим — просто атрибутами классической поэзии, вроде «лесной сени», «уединенности», «сельской неги» и прочих пушкинских галлицизмов, внезапно приобрело весомость и значительность, когда мы в самом деле лишились нашего деревенского убежища... тут начинается тема бездомности, — глухое предисловие к позднейшим, значительно более суровым блужданиям».

Итак, контекст совершенно понятен: зима 1915—1916 годов, канун роковых событий, поворотное время в жизни Набокова, начало долгих (всю жизнь продлившихся) прощаний; как напишет он сам (в другой связи), пролог «будущего воспоминания».

Так вот: «Мы посещали музеи. В будни по утрам там было дремотно и пусто, и климат был оранжерейный по сравнению с тем, что происходило в восточном окне, где красное, как апельсин-королек, солнце низко висело в замерзшем сизом небе. В этих музеях мы отыскивали самые отдаленные, самые неказистые залыца, с небольшими смуглыми голландскими видами конькобежных утех в тумане, с офортами, на которые никто не приходил смотреть, с палеографическими экспонатами,

с тусклыми макетами, с моделями печатных станков и тому подобными бедными вещицами, среди которых посетителем забытая перчатка прямо дышала жизнью. Одной из лучших наших находок был незабвенный чулан, где сложены были лесенки, пустые рамы, щетки. В Эрмитаже, помнится, имелись кое-какие уголки, — в одной из зал среди витрин с египетскими, прескверно стилизованными, жуками, за саркофагом какого-то жреца по имени Нана. В Музее Александра Третьего, тридцатая и тридцать третья залы, где свято хранились такие академические никчемности, как, например, картины Шишкова и Харламова, — какая-нибудь «Просека в бору» или «Голова Цыганенка» (точнее не помню), — отличались закутами за высокими стеклянными шкапами с рисунками и оказывали нам подобие гостеприимства, — пока не ловил нас грубый инвалид. Постепенно из больших и знаменитых музеев мы переходили в маленькие, в музей Суворова, например, где в герметической тишине одной из небольших комнат, полной дряхлых доспехов и рваных шелковых знамен, восковые солдаты в ботфортах и зеленых мундирах держали почетный караул над нашей безумной неосторожностью. Но куда бы мы ни заходили, рано или поздно тот или другой седой сторож на замшевых подошвах присматривался к нам, что было нетрудно в этой глуши, — и приходилось опять переселяться куда-нибудь в Педагогический Музей, в Музей придворных карет и наконец в крохотное хранилище старинных географических карт, и оттуда опять на улицу, в вертикально падающий крупный снег Мира Искусства».

Впоследствии из этого материала Набоков (мастер «автобиографической фантастики») вылепит целую вереницу своих потусторонних музеев. Но вся фантазмагория, весь метафизический ужас, неизменно сопровождающие эту тему, еще впереди, а пока здесь лишь глухо сквозит предчувствие перемен: «Позднее, в редкие минуты уныния, Тамара говорила, что наша любовь как-то не справилась с той трудной петербургской порой и дала длинную тонкую трещину. В течение всех трех месяцев я не переставал писать стихи к ней, для нее, о ней — по две-три «пьески» в неделю; в 1916 году я напечатал сборник и был поражен, когда она мне указала, что большинство этих стихотворений — о разлуках и утратах, ибо странным образом начальные наши встречи в лирических аллеях, в деревенской глуши, под шорох листьев и шуршание дождя, нам уже казались в ту беспризорную зиму невозвратным раем, а эта зима — изгнанием».

Музейная тема у Набокова имеет, таким образом, глубокий корень в Рождествене (и во всем, что для него связано с этим местом). Но — в силу ли биографических совпадений, или потому, что сама фактура музея оказалась подходящим для этого материалом, — музей стал для него вехой, отмечающей роковой поворот, символом начала скитаний и внезапно открывающихся жизненных невозможностей. Доигрывая эту тему до логического предела, почти до абсурда, он даже заставляет музейную машину сработать «обратным ходом», вернуть его туда, откуда он однажды с ее же помощью был похищен, но в конечном счете императив судьбы оказывается сильнее музейного волшебства. Набоков никогда больше не встретился со своей Эвридикой, и, при всей его фантазии, не смог (или не захотел) представить, как в действительности сложилась ее судьба.

Когда мы говорим о создании музея в Рождествене, то оказываемся в парадоксальной ситуации, ибо два этих понятия — «музей» и «Рождествено» — находятся и в жизни, и в творчестве Набокова на противоположных смысловых полюсах. В самом деле, должен ли музей Набокова быть одновременно музеем по Набокову? Предположим, что это так.

Сценарий 1, «агрессивный». Принимая «музеологию» взрослого, зрелого Набокова (ее, кстати, предстоит еще реконструировать, так как выше намечен лишь очень приблизительный, контурный ее очерк), мы рассматриваем ее как основной метод построения музея в Рождествене. Тем самым мы как бы включаем Набокова в авторскую группу, а к его текстам

относимся как к проектным предложениям. В этом случае музей пойдет по пути гротеска, драматической и иронической рефлексии над мертвящим музейным жанром, и в пределе станет моделью образного мира Набокова, сфокусированной на «рождественской» теме. Сам Набоков едва ли не на каждой странице провокационно подбрасывает заманчивые сюжеты, относящиеся к тайной жизни вещей. Предметы у него имеют биографию, характер, волю, вступают между собой в сложные взаимоотношения, опутанные тонкой сетью метафор. Все это потребует разработки особого пластического языка, соразмерного языку прозы Набокова (что само по себе не просто, ибо попытки иллюстрирования его произведений, как правило, заканчивались неудачей), и, решив эту задачу, можно будет создать необычный, сложный музей, заведомо новаторский и неоднозначный.

Такой сценарий, вероятно, осуществим. Он позволяет разрешить «музейный парадокс» по Набокову и одновременно резко расширить словарь и грамматику музейного языка. И все-таки он вызывает сомнения: даже не потому, что это рискованный путь, а прежде всего по той причине, что дело происходит в Рождестве. Если бы речь шла о музее Набокова в Петербурге (на Морской), или о временной выставке, эта логика была бы вполне оправданной. Но в Рождестве...

Сценарий 2, «минималистский». В Рождестве хочется начать не с конца, а с начала (сначала?), с неприкосновенной и «немузеефицируемой» (по Набокову) темы детства, отрочества, первой любви, начать с русского усадебного романа, с бабочек, английских велосипедов, с девушки, может быть, с помолвки родителей, запечатленной на фотографиях в семейном альбоме, тем более, что это пока едва ли не единственный реальный экспонат. Нет, дело не в подлинности, а в осмысленности того, что будет происходить в этом месте. Или иначе: дело не в подлинности вещей, а в подлинности переживаний. В конце концов, Рождество, хотя и расположено на оживленном Киевском тракте, но от города далеко, да и Набоков — достаточно сложный писатель, чтобы его музей привлекал к себе не случайную публику, а главным образом паломников, ценителей его творчества. Паломник же стремится к некнижному знанию, к простым и фундаментальным истинам. Его цель — не узнать, а быть. Быть здесь, видеть эту усадьбу, этот дом, парк, реку, косогор и затем вновь и по-новому перечитать Набокова, обнаруживая в нем теплое рождественское начало, открывая для себя не только блестящего, тонкого стилиста, мастера метафоры, исследователя страстей, но и впечатлительного мальчика, и взволнованного юношу, каким он в действительности оставался всю жизнь, — вот простой и осмысленный опыт, который можно вынести из посещения музея в Рождестве. Задача проекта не становится от этого проще. Выявление магии места — дело исключительно тонкое, и здесь потребуются пройти многое из того, о чем было сказано в первом сценарии, хотя бы внутреннее, хотя бы для того, чтобы это отбросить. ●

Михаил Борисович ГНЕДОВСКИЙ — по образованию — математик, по призванию — музеолог, то есть — знаток музеев, автор многих музейных проектов (в их числе художественный музей в Сургуте, культурно-исторический центр в Красноярске). Известен также как блестящий переводчик Эриха Фромма, Фридриха Хайека, Эрнеста Геллнера, Олдоса Хаксли. Словом, типичный возрожденческий персонаж.

ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

Любители сольного пения

Самым знаменитым жителем американского острова Пуэрто-Рико, расположенного в Карибском море, является... (кто бы мог подумать!) небольшая древесная лягушка коки. Местные остряки утверждают, что ее оглушительные крики считаются неофициальным гимном острова.

Будучи длиной менее пяти сантиметров и весом чуть более восьми граммов эти квакушки издают крики силой 108 децибел! То есть они орут громче, чем шумит низколетящий реактивный самолет или грохочущий рядом с вами поезд метрополитена. От крикунов глохнет весь лес.

Поют, если только можно назвать пением похожий на свист крик этих земноводных, исключительно самцы. Раньше предполагалось, что они издают лишь два вида звуков, один из которых означал: «Пошел прочь!». Это относилось к самцу-сопернику, а второй, издаваемый на более высоких тонах: «Иди сюда, дорогая!». К кому относилось это обращение, объяснения не требует. Однако последние исследования показали, что звуковые связи между самцами носят более сложный характер.

Почему же так громко орут мальчишки? Нэрнз выяснил, что самцы обладают способностью очень быстро сокращать мышцы туловища и благодаря этому форсировать выход воздуха из легких, издавая характерный звук.

Так как самцы кричат в основном ради привлечения особей другого пола, а брачный период у них длится круглый год, то

и «концерты» звучат почти не переставая. Коки непринхотливы. Единственное, что им нужно — это немного влаги и место, где при необходимости можно спрятаться. А так как и воды, и леса на Пуэрто-Рико пока достаточно, то знаменитым любителям попеть исчезновение не угрожает. Кстати, водятся они только на Пуэрто-Рико, правда, несколько популяций, образовавшихся от завезенных в свое время особей, появились на Виргинских островах и на юге штата Флорида.

Что делать с атомными отходами?

В Лондоне состоялась международная конференция, посвященная проблеме захоронения атомных отходов в море. Ее участники предложили полностью запретить этот вид деятельности, что приветствовалось и влиятельной общественной природоохранительной организацией «Гринпис». За это предложение проголосовала делегация США, а представители России, Великобритании, Франции, Китая и Бельгии воздержались. Против никто не выступил. Принятый документ предусматривает, что любая страна может отказаться от его соблюдения, предупредив об этом международное сообщество не менее чем за сто дней.

Лондонские решения заменяют собой прежний десятилетний добровольный запрет на захоронение ядерных материалов в море, принятый еще в 1983 году. Научная комиссия, созданная для оценки влияния такого рода деятельности на природную среду, лишь констатировала, что при этом возникают сложные проблемы переноса радионуклидов через государственные границы

и трудности с мониторингом подобных материалов, находящихся в донных осадочных породах.

Бывший Советский Союз, хотя и числился участником прежней конвенции, препятствующей подобной деятельности, десятилетиями тайно ее нарушал. Теперь предложение российской делегации сделать для России исключение и позволить продолжать сброс до 1996 года, было конференцией отвергнуто.

Взамен США, Япония, Норвегия, Великобритания и Южная Корея предложили России свою конкретно не оговоренную помощь в размещении атомных отходов не в море, а на суше. Это, впрочем, обусловлено тем, что Россия представит полный и подробный перечень и описание имеющихся у нее ныне таких отходов.

В отчете российской делегации сообщалось, что в 1972 году советское правительство отменило начатую Военно-морским флотом СССР в шестидесятых годах программу постройки очистительных сооружений для отходов со средней радиоактивностью. Та же судьба постигла проект создания специальных хранилищ для отходов, образующихся при эксплуатации реакторов на атомных подводных лодках. Наблюдения и измерения в возникших местах сброса не велись более двадцати пяти лет. Теперь создание средств хотя бы только для надежного хранения на суше радиоактивных материалов, возникающих при списании российских атомных подводных лодок, потребует нескольких миллиардов долларов. Однако участники международной конференции никакими финансовыми обязательствами на этот счет себя не связали.

ЛИЦЕЙ:

ISSN 0130 - 1640

„Knowledge itself is power” (F. Bacon)

ЗНАНИЕ-СИЛА 10/95

**КУРС ЛЕКЦИЙ:
история западной цивилизации XX века**

Дмитрий Прокудин

ПАРАДОКСЫ ИНДИВИДУАЛИЗМА

(Соединенные Штаты, 1928 — 1938 годы)

Мы считаем самоочевидными истины: что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, среди которых — право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью; что для обеспечения этих прав люди создают правительства, справедливая власть которых основывается на согласии управляемых; что если какой-либо государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй, основанный на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа.

Декларация независимости США
4 июля 1776 года, Филадельфия

Единственное, что должно внушать нам страх, — это сам страх.

Франклин Делано Рузвельт, Радиообращение к нации
6 марта 1933 года, Вашингтон

ВЕЛИКИЙ ИСТОРИК XX века Фернан Бродель озаглавил раздел своего фундаментального труда «Материальная цивилизация, экономика и капитализм», посвященный освоению европейцами Нового Света, знаменательной формулой: «Обе Америки или главная ставка из всех». Основой смысла, который вкладывал в нее автор, примерно следующий: богатства новооткрытого континента оказались основой для мощнейшего экономического и технологического рывка европейской цивилизации в XVIII — XIX веках и ее преобладания в мире. Это, бесспорно,

так. Но мне представляется, что в этом тезисе заложен и более глубокий, не только экономический, но и общеисторический смысл. Америка оказалась во многом и главной идеологической, и политической «ставкой» западноевропейской цивилизации, как бы вынесенным за ее территориальные границы полигоном, на котором испытывались новые формы социальной организации.

Фундаментальное отличие американского (конечно, северо-, а не южноамериканского) общества от европейских еще в середине прошлого столетия сформулировал замечательный наблюдатель и исследователь американской демократии Алексис де Токвиль: «Великое пре-

Продолжение. Лекция одиннадцатая. Начало — в номере 7 за 1994 год.

имущество американцев в том., что они не становятся, а рождаются свободными». Мироощущение такого общества, естественно, могло быть (и стало) только сугубо индивидуалистическим. Это общеизвестно, и на этой уверенности в исключительном индивидуализме американцев воспитаны поколения американских и не только американских школьников.

Однако вот что интересно: даже самые убежденные сторонники интерпретации американской истории как победного шествия либерально-индивидуалистических идей ощущают в самой глубине американской традиции какое-то скрытое противостояние индивидуализму, некий камень преткновения... Вот, например, что пишет автор классической «Либеральной традиции в Америке» Луис Харц: «Считаю, что главная проблема либерального общества связана не с угрозой большинства., а с угрозой единодушия, которая всегда в нем неосознанно присутствует...» Этот, по выражению Харца, «вирус конформности» время от времени поражает страну более или менее серьезными заболеваниями (Харц приводит в качестве примера современный ему маккартизм), причем выздоровление зачастую оказывается весьма непростым. Откуда он? Где истоки этих странных «болезней»?

Представляется, что их надо искать там же, где традиционно (и подчеркну еще раз, совершенно правильно) ищутся основы самого американского индивидуализма, — в истории Америки. Рассмотренная в таком ключе история Соединенных Штатов предстанет перед нами уже не как «победное шествие», а как сложная, часто внутренне противоречивая и парадоксальная трансформация индивидуалистического мироощущения и мировоззрения.

НАЧЕМ С ТОГО, что американскому индивидуализму исторически отнюдь не была с самого начала открыта «зеленая улица». Освоение гигантских территорий, часто сопряженное с серьезными опасностями, требовало не только предприимчивости и ответвен-

ности, но с неменьшей очевидностью и единства действий, организованности и сплоченности. В одиночку на новых диких пространствах не только добиться успеха, но и просто выжить было невозможно. Такая ситуация рождала нередко встречающуюся в истории альтернативу. Один вариант: основой возникшего в XVI — XVIII веках американского общества становится высокоорганизованный принудительный труд, обеспечивающий экстенсивное, ориентированное на механическое расширение используемых территорий ведение хозяйства. Другой вариант: новое общество организуется по принципу добровольной консолидации людей, сознательно подчиняющихся достаточно жесткой дисциплине, основанной на общих мировоззренческих ценностях, что направляет общество на путь интенсивного, производительного труда. Реально с самого начала можно видеть сочетание того и другого вариантов.

Первоначальная колонизация территории будущих США отнюдь не была тем процессом переселения предприимчивых, свободолюбивых людей в новый мир, о котором с удовольствием рассказывают учебники. В XVII веке из Англии в Америку в основном отправляли уголовных преступников и нищих, которые соглашались подписывать кабальные контракты, предусматривавшие пятилетнюю (!) бесплатную отработку за перевоз через Атлантику в трюмах кораблей. Такие «рабочие», по сути дела рабы, ввозились, кстати, не только из Англии — только за 1769 — 1774 годы «152 судна, вышедших из Белфаста, доставили 44 тысячи человек» (Ф.Бродель); в 1720 — 1730 годах иммиграция из Эльзаса, Швабии и т.д. «практически германизировала Пенсильванию» (там же). Тогда же или немного раньше, в конце XVII века, начинается массовый ввоз в североамериканские колонии африканских рабов. Собственно говоря, все это очень напоминает пути развития «другой Америки», испанской и португальской, где принудительный труд, основанный на различных формах крепостничества (вспомним широко известных по художественной литературе пео-

нов — зависимых крестьян), долговой кабалы и прямого рабства, будет господствовать в течение столетий.

Пути тринадцати британских колоний на севере континента оказались другими. Поворот произошел в двадцатых — сороковых годах XVII века, когда религиозная политика королей из династии Стюартов вынудила эмигрировать большую группу пуритан (вспомним об огромной роли пуритан-кальвинистов в становлении предпринимательской этики капитализма, лекция I). Мало склонные к терпимости, пуритане были вынуждены стать терпимыми, поскольку оказались в полирелигиозном обществе и принадлежали к различным, в Европе часто враждующим, религиозным направлениям. В результате в основу общей системы ценностей легла пуританская этика с ее культом труда и предпринимательского успеха, а вопросы совести постепенно становились вопросами личной жизни, которая оказывалась закрытой и неприкосновенной в большей степени, нежели в Европе: house действительно превращался в fortress.

Пуритане Новой Англии вскоре реально достигли существенных экономических успехов, особенно в торговле, в том числе работорговле, поэтому южные рабовладельческие колонии решительно поддержали северные в войне за независимость: они были тесно экономически связаны с рабо-, табако- и хлопкоторговцами-северянами. Столкновение с метрополией стало неизбежным, ибо, по выражению великого экономиста Адама Смита, «свобода английских колонистов ничем не ограничена... решительно во всем, за исключением внешней торговли». Идейной основой противостояния Англии стала для жителей североамериканских колоний объединявшая их индивидуалистическая система ценностей.

В этой открыто заявленной 4 июля 1776 года системе ценностей трудно не заметить первого парадокса американского индивидуализма. Автором знаменитых строк, ставших эпиграфом лекции, был рабовладелец-просветитель (!) Томас Джефферсон... Командующим

американскими силами и первым президентом страны был еще один просвещенный рабовладелец — Джордж Вашингтон. Парадокс закономерен и потому требует объяснения. Оно, мне кажется, достаточно просто: рабовладение — «личное дело», а не социальный факт, потому как бы «не замечается» обществом, не значимо для него. На уровне общественной жизни «все люди созданы равными», на уровне частной — некоторые рабами, а некоторые рабовладельцами.

Индивидуализм здесь скорее условное соглашение, нежели общеобязательный принцип, удобная форма, в рамках которой возможен поворот к обоим описанным выше вариантам развития, выбор еще не сделан... Однако, если выбором будет свобода, то сказанное в Декларации даст ее защитникам настолько мощное идеологическое оружие, что не воспользоваться им будет невозможно.

Собственно, спор о путях освоения пространства континента, если отвлечься от разных привходящих обстоятельств, и составил основное содержание первого столетия американской истории. Интенсивность и непримиримость его при этом постоянно нарастали, компромиссы по главному вопросу о допустимости рабства на новых территориях достигались со все большим и большим трудом, пока наконец 8 — 9 февраля 1861 года Конвент рабовладельческих штатов не принял новой конституции американского Юга. Конституция декларировала рабовладение своим главным принципом и провозгласила образование Конфедерации южных штатов, начав тем самым гражданскую войну. В этой войне Север стоял на принципах личной свободы, гражданского равенства и расового равноправия. Наоборот, Юг утверждал естественное неравенство людей и необходимость «семейного» патерналистского покровительства высших над низшими, доказывал эффективность рабовладельческого хозяйства как средства освоения новых земель. Победа Севера была, несомненно, победой индивидуализма.

Но победив, индивидуализм в Америке не мог более оставаться

оболочкой, формой, которая могла скрывать самое разное содержание. Он стал универсальной и общеобязательной системой ценностей, организующей жизнь и эффективную деятельность людей в зачастую весьма непростых условиях, иными словами — индивидуализм стал идеологией, если не государственной, то в высокой степени обязательной.

Обязательная идеология часто живет своей независимой жизнью, иной раз весьма неожиданной для людей, искренне ее исповедующих. Ее принципы в силу их общеизвестности и социальной значимости становятся чем-то вроде магических формул для манипуляции людьми и тем самым превращаются в свою противоположность. Именно такое превращение произошло, на мой взгляд, с американским индивидуализмом в конце прошлого — начале нынешнего века, и тут второй его парадокс.

КАК РАЗВИВАЛИСЬ СОБЫТИЯ после того, как армия северян во имя «священных принципов» свободы и борьбы с рабством оккупировала южные штаты? Начался один из самых позорных в истории США периодов — знаменитая «реконструкция Юга». Сначала созданные вместо южных штатов генерал-губернаторства, а потом и всю страну захлестнула волна самой беззастенчивой коррупции (это из того времени фраза О.Генри про одного из своих персонажей: «Ему предлагают взятку сенаторских размеров»); нормой стала покупка голосов на выборах (особенно, конечно, чернокожих избирателей на Юге); все большую силу (и главное, подходы к власти имущим) обретает в это время организованная преступность.

Почему? Ведь, казалось бы, страна переживает время исключительного экономического подъема (к началу XX столетия первая промышленная держава мира); с 1862 года действует «Гомстед-акт» — закон о бесплатном наделении землей всех, кто этого желает, каждый, даже недавно натурализовавшийся иммигрант, имеет возможность вести свое хозяйство; успешно развивается рабочее движение, и влас-

ти вполне к нему лояльны: уже в 1868 году принимается (впервые в мире) закон о восьмичасовом рабочем дне для рабочих и служащих государственных организаций. И весь этот подъем идет на фоне прогрессирующего морального разложения общества, сопровождаемого, кстати говоря, совсем уж неприличным лицемерием в виде навязчивой борьбы за «общественную нравственность».

Речь идет, конечно же, о движении, завершившемся принятием самого, наверное, известного американского законодательного акта рубежа веков — «сухого закона». В самом деле, достаточно представить себе кабачок где-нибудь на окраине Бостона, куда с пением гнусавых псалмов на антиалкогольную тему вваливаются несколько старых дев из какой-нибудь «лиги дам-трезвенниц», чтобы понять, чего все это стоило! И ведь был-таки этот злосчастный закон, выгодный только алкогольным мафиози-бутлегерам (на нем составила себе состояние знаменитая «Cosa nostra», итало-американская мафия), принят сначала на местном, потом на федеральном уровне! Откуда все это во вроде бы здоровом, экономически процветающем и политически стабильном обществе?

Для ответа на этот вопрос вспомним, о каком времени идет речь. Рубеж веков — время «электрической революции», рождения конвейерного производства, стандартизации жизни и рождения массового общества. Естественно, что в стране, идущей впереди остального мира в технологии и экономике, все это происходит раньше, чем в других странах. И катализатором экономического развития станет не первая мировая война, как в Европе, а гражданская война с ее невиданными по тому времени мобилизациями (с обеих сторон более полутора миллионов человек), разное освобождение и наделение гражданскими правами совершенно не подготовленных к этому негров с их сильно развитой коллективистской ментальностью (не зря исторически первой формой массовой культуры, распространившейся по всему миру, станет негритянский джаз) и, наконец, самое глав-

ное — огромная, уже не многотысячная, а многомиллионная иммиграция конца XIX — начала XX веков (в среднем на рубеже веков около трехсот тысяч человек в год). Попадавшие в знаменитый американский «плавильный котел» люди прежде всего, разумеется, стремились приспособиться, стать, как все, усвоить нравы, порядки, способ мышления своей новой родины, что в стремительно растущих центрах массовой индустрии достигалось сравнительно легко.

Так формировалось и сформировалось раньше, чем в Европе, американское массовое общество, похожее и не похожее на европейское. Чем похожее, понятно: все характерные черты массовой ментальности, о которых столь часто шла речь ранее, здесь присутствуют. А вот чем не похожее? Для ответа на этот вопрос соединим вместе наши рассуждения об Америке и наблюдения за нею после гражданской войны. Ответ окажется очевиден и неожиданен: победившая окончательно в ходе гражданской войны индивидуалистическая идеология стала идеологией массового общества в США. Перед нами — третий и, пожалуй, главный парадокс американского индивидуализма.

Казалось бы, такого не может быть: идеология, исходящая из представления о примате личности над коллективом, оказывается выражением агрессивно-коллективистского мироощущения массы. Однако вспомним еще раз наблюдение Л.Харца об опасности единодушия, порождающего «вирус конформности», и задумаемся над ним. Мировоззрение и мироощущение — не одно и то же. Идеологические формулы, распространенные в обществе, отнюдь не всегда прямо и однозначно связаны с его системой аксиом: первые осознаны, вторая не всегда. Связи в социально-культурной реальности бывают и нелинейными. Присмотримся внимательнее к американскому индивидуализму последней четверти XIX — первой четверти XX века.

В основе его мы обнаружим установку на безусловно обязательную цель любой человеческой деятель-

ности — успех, и успех прежде всего материальный. Чистильщик сапог, безусловно, обязан стать если не миллионером, то хотя бы преуспевающим бизнесменом средней руки, бедная девушка обязана получить богатое наследство или удачно выйти замуж, американская мечта потому и американская, что должна быть обязательно воплощена. «Правильный» человек — человек успеха, у него всегда все о'кей. Неудачник — плохой американец, не такой, как все, чужой, у него плохие зубы, он нытик, цветной или красный, у него нет настоящего американского патриотизма.

Список объяснений того, почему человек успеха «хороший», а неудачник «плохой», можно продолжать долго, но уже, я думаю, ясно, что речь идет о хорошо знакомой нам аксиоме массовой ментальности: я — человек успеха, поэтому я, как все; неудачник же — это тот, кто не «как все». Поменялась только оболочка, формула осталась прежней. Как всегда, эта формула прикрывает аморализм и агрессивность: успех любой ценой, даже преступной, лишь бы об этом не было широко известно, прикрывает подавление личности. Убеждение, что правильный американец должен быть нравственно здоровым, прикрывает ксенофобию: все страны, кроме Америки, «неправильные», американцам нет до них дела, отсюда утвердившийся в двадцатые годы изоляционизм как основа внешнеполитической доктрины США.

ИТАК, МАССОВОЕ ОБЩЕСТВО в США сформировалось раньше, чем в других странах, и отличалось большим своеобразием. Несколько утрируя, можно сказать, что в сытой и благополучной Америке рубежа веков мы имеем дело с массой в ее сытой и благополучной разновидности. С одной стороны, ставший мифом, превратившийся в набор идеологических клише «американский индивидуализм» служил средством морального и интеллектуального подавления личности. Иногда дело доходило до откровенного мракобесия: вспомним хотя бы знаменитый «обезьяний процесс» — судебное преследова-

ние учителя, осмелившегося познакомить учеников с теорией происхождения человека по Ч. Дарвину; обвинительный приговор основывался на «противоречии» между этой теорией и... приведенными в эпиграфе словами Декларации независимости. С другой — индивидуализм даже в самых идеологизированных своих формах, безусловно, не мог стать благоприятной питательной средой для развития «тоталитарного синдрома», массовое общество в Америке не выработало своей тоталитарной идеологии и практически не заимствовало чужие (слабость коммунистического и фашистских движений в США общеизвестна).

В стране не возникло, соответственно, мощных партий нового типа, но в условиях ранее, чем где-либо, развившейся массовой ментальности искусство манипулирования массой успешно осваивали вполне респектабельные демократические политики: президент Вудро Вильсон добился в 1916 году переизбрания под лозунгом «Он удержал нас от войны» с тем, чтобы через несколько месяцев, проведя соответствующую «агитационно-массовую работу», ввязаться в эту (первую мировую) войну. Тоталитарных механизмов регулирования экономики, разумеется, не возникло, однако вместо этого вошли в систему закулисные сделки между монополистами и верхушкой профсоюзов (часто при участии преступных синдикатов и (или) «демократических» политиков). Во всяком случае, многочисленность, масштабы и скандальный характер сделок такого рода в десятилетия — тридцатые годы впечатляют. Своеобразным эквивалентом тоталитарной культуры, дающей простые и ясные ответы на все вопросы жизни, стала продукция уникальной «фабрики грез» — Голливуда, недаром художественные формы американского массового кинематографа активно заимствовали и германские киномузиклы, и советские кинокомедии. В целом можно сказать, что американское массовое общество, не создав своих политических институтов, адаптировало, «переварило» существующие политические, экономические и культурные меха-

низмы, приспособило их для своего функционирования.

Апогея этот процесс массовизации американской жизни достиг в двадцатые годы, эпоху «prosperity». Избранный в 1928 году на пост президента Герберт Гувер, славу которого составила его ставшая бестселлером книга под оригинальным и неожиданным для нас заглавием «Американский индивидуализм», хотя и воплощение добродетельного догматизма а ля «сухой закон», покровитель скандально знаменитого реакционера судьи Паркера, назначивший его членом Верховного суда, Гувер был олицетворением массы в ее характерном для Америки самодовольном виде. И совершенно, на мой взгляд, не случайно, что именно такого типа человек оказался президентом страны в момент великого кризиса.

КРАХ НЬЮ-ЙОРКСКОЙ фондовой биржи в «черный вторник» 29 октября 1929 года и его экономические последствия для Соединенных Штатов достаточно подробно описаны в лекции 7, поэтому обратим внимание на другие стороны процесса, именуемого Великой депрессией.

Во-первых, сам термин, решительно предпочитаемый американцами. Почему «депрессия», а не «кризис»? Мне кажется, тут существенна не только экономическая, но и психологическая, ментальная составляющая. Общество и в самом деле погрузилось в состояние депрессивного оцепенения, прерываемого вспышками отчаяния, подобного зимним голодным маршам на Вашингтон 1931 и 1932 годов, блокаде Белого дома ветеранами первой мировой войны летом 1932 или вооруженному сопротивлению фермеров продаже ферм за долги.

Миллионы людей, привыкших считать себя членами гигантской процветающей «корпорации Америка», оказались один на один с разбушевавшейся стихией кризиса. Их процветание, а значит, жизнь «как у всех» от них более никак не зависели, доверие к массовизированной демократии рубежа веков и всем ее экономическим, политическим и идеологическим институтам было подорвано.

И в этой ситуации спасительными оказались начальные ценности, положенные в самый фундамент национальной жизни, с позиций которых народ, общество, государство есть не самодовлеющая сила, принадлежность к которой есть признак «правильного», «нашего» человека, а объединение «равных, наделенных неотъемлемыми правами на жизнь, на свободу и на стремление к счастью..., имеющих право изменить государственный строй..., нарушающий эти права». На выборах 1932 года Г. Гувер, более озабоченный сохранением «священных принципов» американского индивидуализма, чем поиском выхода из кризиса, потерпел сокрушительное поражение от кандидата демократической партии, губернатора штата Нью-Йорк Франклина Делано Рузвельта.

Голосовали скорее против Гувера, против бескрылой и явно бесперспективной в условиях нарастающего кризиса политики. Если говорить о том, за что голосовали, то во всяком случае не за конкретную программу действий, ее не было у нового президента. Пожалуй, можно сказать так: голосовали за восстановление доверия нации к ее ценностям и институтам, по гамбургскому счету — за добровольное единство личностей как основу общества, против принудительного идеологизированного единства массы (может быть, и не столь неожиданным в этом контексте выглядит предвыборное обещание Рузвельта отменить злосчастный «сухой закон»), тем самым за индивидуализм как основу образа жизни, против индивидуализма как массовой идеологии. Величие Рузвельта оказалось в том, что он эту ситуацию понял и, поняв, исходил из нее, а не из какой-либо абстрактной идеологемы. Вопрос доверия был главным. В условиях страха и паники никакие экономические мероприятия не эффективны.

На день инаугурации — 4 марта 1933 года — кризис доверия достиг предела: мелкие вкладчики изъяли свои деньги из банков, что и привело к параличу крупнейших финансовых центров страны — Нью-Йорка и Чикаго. Экономика была на грани остановки. Времени на раз-

думья не оставалось. В инаугурационной речи неясным обещанием перемен прозвучали слова «новый курс». Через два дня они начали наполняться конкретным содержанием.

Когда по радио звучали слова, вынесенные в начало лекции, вся страна уже знала о том, что произошло нечто неслыханное: все банки закрыты указом президента и взяты под контроль полиции с тем, чтобы провести проверку их деятельности и исключить малейшие намеки на махинации. 9 марта начинается чрезвычайная сессия Конгресса, принявшая по настоянию президента ряд законов, регулирующих финансы. Остаться «в живых» могли только банки, признанные по результатам проверки здоровыми, но зато они пользовались всемерной государственной поддержкой, вклады частных лиц, не превышавшие пяти тысяч долларов, гарантировались бюджетом, а надежность инвестиционных проектов подлежала государственной экспертизе.

Результат очевиден: частные вкладчики вновь стали доверять банкам. Паника прекратилась, можно было перевести дух. И осознать, пожалуй, главную и, кстати, весьма старую цель нового курса — обрести согласие управляемых.

Начинаются знаменитые «радиобеседы у камина». Классическое орудие тоталитарной пропаганды, радио может, оказывается, использоваться и в диаметрально противоположных целях, достаточно обратиться не к толпе на митинге, а к человеку у него дома, попросив его задуматься над простым вопросом: «Великий ли мы народ?» Обратиться к разуму и чувствам не всех, а каждого, попросить у частного лица согласия на действия правительства... Но ведь на этом и основано «справедливое управление»!

Однако слов мало, и великий политик Рузвельт прекрасно это понимает. 12 мая 1933 года делается важнейший шаг навстречу фермерам: принят парадоксальный закон «О регулировании сельского хозяйства», устанавливавший субсидии за сокращение производства продукции аграрного сектора (перепроизводство сельхозпродукции было одним из главных элементов

кризиса). Ситуация в сельском хозяйстве начинает стабилизироваться, причем основой этой стабилизации опять-таки стало понимание фермеров, что правительство готово с ними сотрудничать, что ради этого сотрудничества оно готово отказаться от догм и исходить из реальности.

Наконец, 16 июня Конгресс принимает Закон о реконструкции национальной промышленности (английская аббревиатура NIRA), сделавший фактом государственную помощь индустрии и государственный контроль за честностью взаимоотношений в бизнесе. Именно в его рамках начинают действовать кодексы честной торговли: частные отраслевые соглашения о нижнем пределе цен, объемах продаж и зарплате, гарантом которых выступает правительство. Озверелое расталкивание друг друга локтями во имя священных принципов частного предпринимательства, реально только разрушающее рынок, сменяется игрой по правилам — лояльной конкуренцией, основанной на доверии. К 1936 году кодексами охвачено 99 процентов промышленных компаний, и хотя консервативно настроенный Верховный суд (Паркер и К^о), блюдя «священные принципы», отменяет NIRA как антиконституционный акт, кодексы де-факто сохраняются: игра по правилам предпочтительнее!

ОДНАКО ГЛАВНЫЙ БАРЬЕР, который предстояло преодолеть Рузвельту, касался не фермеров и бизнесменов, а подавляющего большинства населения — наемных работников. Превращение массового общества в великий народ требовало «форм, которые должны наилучшим образом обеспечить его безопасность и благоденствие». В конкретных условиях Великой депрессии это означало социальные гарантии как основу сознательной общественности. Здесь страх перед нарушением догмы был, пожалуй, сильнее всего, ведь речь шла о помощи неудачникам, «чужим» в американской массовой ментальности. Колебался не только Конгресс, колебался и сам президент. Единовременная помощь безработным (на сумму в полмиллиарда долларов)

была предоставлена сразу в 1933 году, тогда же были организованы общественные работы (только на строительстве комплекса гидроэлектростанций в долине Теннесси было занято к концу 1933 года полтора миллиона человек), но это временные меры, а вот превращать их в закон...

Президент преодолел колебания и сумел убедить законодателей только к середине 1935 года. В июле был принят Закон о трудовых отношениях, устанавливающий максимальную продолжительность рабочей недели, минимальную ставку почасовой оплаты труда и гарантирующий права профсоюзов (в частности, запрет штрейкбрехерства). А в августе после очень долгих споров принят Закон о социальном страховании, устанавливающий государственные пенсии по старости и пособия по безработице (правда, за исключением государственных служащих, домашней прислуги и сельскохозяйственных рабочих).

Это был решительный прорыв к новой Америке, прорыв, основанный на новом осмыслении ее фундаментальных ценностей. Через год принципы нового курса должны были пройти испытание президентскими выборами. Выборы 1936 года стали сенсацией. Соперник Рузвельта республиканец А.Лэндон, очередное издание приснопамятного Гувера, красноречивый трубадур «великих идей американского индивидуализма», не просто проиграл, а проиграл беспрецедентно: в сорока шести штатах из тогдашних сорока восьми! И это несмотря на то, что до преодоления кризиса было еще далеко: в 1936 году, хотя некоторый экономический подъем и наблюдался, производство не достигло уровня 1929 года. Выигрыш Рузвельта был в высшей степени психологическим, а не хозяйственным. Просто будучи подлинным, без кавычек, американским индивидуалистом, он отчетливо понимал, что экономика и государственность мертвы без одушевляющей их энергии индивидуальных усилий свободной человеческой личности. Ставка на человека, как и всегда в истории, себя оправдала: новая жизнь и новая энергия Америки стали безусловным фактом.

Елена Муравенко

Дети и лингвистика

В стандартном наборе школьных дисциплин нет такого предмета — лингвистика. Многим школьникам не знакомо само слово. Те же, кто слышал его, часто считают, что оно синоним «полиглотства». Конечно, определенные лингвистические сведения (правда, не всегда соответствующие современным научным представлениям) дети получают на уроках русского и иностранного языков. Однако при изучении русского языка в школе основной упор делается на овладение навыками правописания, и, к сожалению, многие со школьной скамьи выносят представление о грамматике как о скучнейшем и лишенном какой бы то ни было логики предмете. И при обучении иностранным языкам далеко не все преподаватели обращают внимание школьников на интересные языковые явления. Можно ли пробудить интерес школьников к языку, науке о языке, привлечь к занятиям лингвистикой?

ПОЧТИ ТРИДЦАТИЛЕТНЮЮ историю имеют лингвистические олимпиады. Первая олимпиада по языковедению и математике проводилась на базе отделения структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 1965 году. Почти все организаторы первой олимпиады — студенты и молодые преподаватели, ныне известные ученые, доктора наук. С тех пор олимпиады проходят ежегодно. Отчеты о них, а теперь и воспоминания печатались в журналах. Писал о них и «Знание — сила».

После некоторого перерыва традиция лингвистических олимпиад возобновляется в 1988 году выпускниками отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ в Историко-архивном институте, ныне Российском государственном гуманитарном университете. Теперь ее ежегодно проводят под названием «Олимпиада по лингвистике и математике» филологический

факультет МГУ и факультет теоретической и прикладной лингвистики РГГУ.

Одна из олимпийских традиций — преемственность поколений. Вчерашние школьники — участники олимпиады, — становясь студентами, помогают в проведении следующих олимпиад. Для многих выпускников университета

Школьницей Елена МУРАВЕНКО участвовала в лингвистической олимпиаде, а спустя двадцать пять лет — один из ее организаторов. Кандидат филологических наук, она преподает на факультете теоретической и прикладной лингвистики РГГУ, с удовольствием занимается лингвистикой с детьми. Вместе с Максимом Крангаузом она стала инициатором летних лингвистических школ для старшеклассников, интересующихся этой наукой.

олимпиада стала близким и родным делом, и уже давно окончив его, они продолжают сочинять задачи для новых олимпиад и участвуют в их организации. Особенно ошутимо помогают олимпиаде лингвисты из Института языкознания РАН и Института востоковедения РАН.

Олимпиада проводится в два тура, каждый из которых длится пять часов. Каждый год в ней участвуют двести — триста школьников восьмых — одиннадцатых классов. Прежде всего олимпиада проводится для школьников Москвы и ближнего Подмосковья. Для участников заочной школы юного филолога, действующей при филологическом факультете МГУ, проводится заочный первый тур. Его победители получают приглашение на второй тур в Москву. Был и опыт совместного проведения олимпиады с Ленинградским университетом. В последние годы налажена связь с организаторами олимпиад по компьютерной лингвистике в Болгарии, и трижды в нашей олимпиаде принимали участие болгарские школьники. (Победители наших олимпиад в свою очередь выступали на болгарских олимпиадах и весьма успешно.) Несколько олимпиад проводило отделение математической лингвистики Киевского государственного университета. Но не стало отделения, не стало и олимпиады...

ДЛЯ КАЖДОЙ ОЛИМПИАДЫ готовятся двадцать — двадцать пять задач различной степени сложности. Школьник получает на первом и втором туре по четыре — пять задач (ученикам разных классов предлагаются различные наборы задач). Каждая задача — оригинальное авторское произведение. Она обязательно проверяется, обсуждается и рецензируется задачей комиссией, совершенно особым коллективом единомышленников-энтузиастов, в работе которого на равных правах принимают участие и известные ученые, и студенты. Задачи готовятся к олимпиаде несколько месяцев, так что комиссия работает постоянно. Завершается одна олимпиада, тут же начинается составление задач для следующей. Отобранные для олимпиады задачи издаются в двух брошюрах: задачи

первого тура и задачи второго тура. Приходя на олимпиаду, каждый школьник получает брошюру с задачами соответствующего тура.

Олимпиадные задачи самодостаточны. Для их решения не требуется специальных знаний, ответ может быть получен в результате анализа информации, которая содержится в условии задачи или может быть восполнена на основе знания родного языка. Таким образом, на олимпиаде проверяется не уровень подготовки и лингвистических знаний школьника, а его способность логически рассуждать и умение использовать языковую интуицию.

Жанр самодостаточной лингвистической задачи впервые был представлен в нашей стране серией задач Андрея Зализняка. Их особенностям посвящена книга одного из основателей олимпиад и создателей жанра Альфреда Журина.

Решая задачу, школьник в упрощенных условиях знакомится со многими элементами творческой деятельности лингвиста, открывает для себя многие лингвистические понятия и явления. Задачи позволяют узнать что-то новое и часто неожиданное о родном языке, знакомят с другими языками. В задачах каждой олимпиады используются пятнадцать — двадцать различных языков. За все годы накоплено более шестисот задач на ста девяносто языках мира.

В задачах представлены разнообразные аспекты лингвистического знания — фонетика и графика, морфология и синтаксис, семантика и история языка, отражается связь лингвистики с математикой.

Один из распространенных типов самодостаточных лингвистических задач — билингва. Условие такой задачи — слова или фразы незнакомого языка с переводом на другой язык (не обязательно на русский). Решающему предлагается на основе анализа найти соответствия контрольных слов (или фраз) на другом языке. У таких задач много разновидностей: в качестве «языков» могут рассматриваться графика и фонетика одного языка, исходные соответствия могут быть намеренно перепутаны, а какие-то из переводов пропущены.

Широко представлены также задачи на дешифровку, на сравни-

тельно-исторический анализ, на обнаружение правил построения определенных словосочетаний или выявление отношений между словами и словосочетаниями... Многие задачи настолько оригинальны, что их трудно отнести к определенному типу. Практически на любое языковое явление можно найти задачу (а если вдруг обнаруживается еще не «озадаченное» явление, оно тут же привлекает внимание задачей комиссии — и, не сомневайтесь, на следующей олимпиаде такая задача появится).

Вот несколько типов задач, предлагавшихся участникам лингвистических олимпиад.

Задача 1 (автор Владимир Плунгян).

Даны венгерские существительные и все их переводы на русский язык (в перепутанном порядке):

nyírfá, kórte, almák, kórtefa, nyírfák, alma, almafa;

береза, груша, яблоня, яблоко, березы, яблоки.

Установите правильные переводы. Объясните свое решение.

Примечание: ő — особый гласный звук венгерского языка; знак ' над гласной обозначает ее долготу.

Задача 2 (автор Елена Саввина).

Даны фразы на китайском языке, записанные латинскими буквами, и их переводы на русский язык.

1. Tad gangbi — *Его ручка красивая*
haokan
2. Ger haoting — *Песня красивая*
3. Wo chi pingguo — *Я ем яблоко*
4. Women he cha — *Мы пьем чай*
5. Wod gangbi bu — *Моя ручка не пишет*
xie
6. Wod pingguo bu — *Мое яблоко невкусное*
haochi
7. Ni xue zhongwen — *Ты изучаешь китайский язык*
8. Zhongwen bu — *Китайский язык нелегкий*
haoxie
9. Nimend hanzi — *Ваш иероглиф легкий*
haoxie
10. Wo kan niunai — *Я смотрю на молоко*

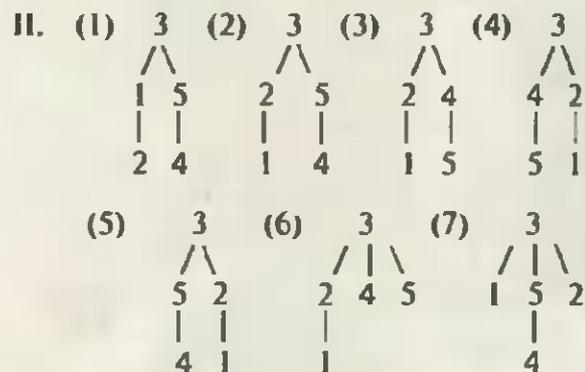
Переведите на китайский язык:

1. *Твое яблоко некрасивое*
2. *Вы пишете иероглиф*
3. *Он слушает песню*
4. *Их молоко невкусное*

Задача 3 (автор Елена Муравенко).

Ниже приводятся предложения и схемы предложений.

1. Знакомые студентки занимаются прикладной лингвистикой.
2. Студент с нетерпением ждал летних каникул.
3. Наш преподаватель возвратился из командировки в Дубну.
4. Пейзажные зарисовки сменили монументальные полотна.
5. Этот переполох вызвал простой солдат.
6. Работа по-новому всколыхнула весь коллектив.

Каждому смыслу предложения соответствует одна схема.

А. Опишите принципы построения схем.

Б. Для каждого предложения найдите все соответствующие ему схемы.

Задача 4 (автор Альфред Журинский).

Даны формулы и названия некоторых химических соединений:

C_4H_{10} (бутан), C_9H_{20} (нонан), $C_{10}H_{22}$ (декан), $C_{18}H_{38}$ (октадекан), $C_{28}H_{58}$ (октатетраконтан), $C_{94}H_{190}$ (тетранонаконтан).

А. Какое из этих соединений названо не по тому принципу, что все остальные?

Б. Напишите формулы следующих веществ: октан, нонаоктаконтан.

В. С какого месяца начинался год в том календаре, к которому восходит наш нынешний календарь?

Задача 5 (автор Михаил Гельфанд).

Даны числительные языка башкарик (дардская группа индоевропейской семьи):

- 12 — duodaš
21 — akobis
54 — čorodašodubiš
79 — ak kam čorbis

Напишите на этом языке: 24, 39, 49.

Указания и ответы

Задача 1. Решая эту задачу, следует помнить, что слово *груша* в русском языке омонимично: оно может служить названием как дерева, так и плода этого дерева. Правильные переводы: *береза, груша* (плод), *яблоки, груша* (дерево), *березы, яблоко, яблоня.*

Задача 2.

1. Nid pingguo bu haokan
2. Nimen xie hanzi
3. Ta ting ger
4. Tamend niunai bu haohe

Задача 3. Задание А, элементарное для лингвиста, может оказаться не таким простым для школьника, привыкшего в силу изучения в школе традиционной грамматики рассматривать в качестве вершины предложения скорее подлежащее, чем сказуемое, и не упорядочивать по тесноте связи зависимые от сказуемого члены предложения.

Б. Предложения	1	2	3	4	5	6
Схемы	1,2	7	3,6	2,5	3,4,5	1,7

Задача 4. А. Вместо *бутан* должно было быть *тетран (слово *бутан* означает «маслянистый» и не указывает на строевые формулы).

Б. C_2H_{18} , $C_{20}H_{180}$.

В. В названии месяца *октябрь* узнается корень, означающий «восемь», в названии *декабрь* — корень «десять» (в названии *ноябрь* — менее четко — «девять»), значит, год начинался с марта.

Задача 5.

- 24 (4+20) — *šorobiš*
39 (1 «ИЗ» 2 x 20) — *ak kam dubiš*
49 (1 «ИЗ» 10 + 2 x 20) — *ak kam dašodubiš*

Преподаватели, знакомые с этим жанром, охотно используют олимпиадные задачи на занятиях со школьниками в кружках, на факультативах, даже на уроках. Ведь знания, полученные в результате пусть совсем маленького, но собственного исследования, как правило, усваиваются значительно лучше, чем преподнесенные в готовом виде учителем.

Проверка задач и система оценок тщательно продуманы и разработаны, благодаря этому удастся получить максимально объективные результаты. В проверочной комиссии олимпиады участвуют шестьдесят — семьдесят человек. Результаты обрабатываются на компьютере.

После каждого тура обязательно проводится публичный разбор результатов решения.

Победители олимпиад определяются по результатам двух туров. Кроме грамот, призеры получают книги по лингвистике и словари. Чем выше место, тем больше книг. Так что участники из ветеранов олимпиады, рассчитывающие на успех, приходят на процедуру награждения с объемистыми сумками.

А теперь внимание!

Очередная, двадцать шестая традиционная олимпиада по лингвистике и математике состоится в ноябре — декабре 1995 года.

I тур будет проходить в воскресенье 19 ноября в 10.00 в МГУ (Ленинские горы, I корпус гуманитарных факультетов; проезд: станция метро «Университет»). Разбор задач I тура, оглашение участников, допущенных на II тур, — в субботу 2 декабря, в 17.00 (МГУ).

II тур — воскресенье 3 декабря в 10.00 в РГГУ (Миусская площадь, 6; проезд: станция метро «Новослободская»). Разбор задач II тура, награждение победителей в воскресенье 17 декабря, в 10.00 (РГГУ).

Принять участие в олимпиаде может каждый ученик восьмого, девятого, десятого или одиннадцатого класса. Никакая предварительная запись не проводится. Для решения задач не требуется специальной подготовки, нужно лишь умение анализировать информацию.

По правилам приема на отделение теоретической и прикладной лингвистики МГУ и факультет теоретической и прикладной лингвистики РГГУ при равенстве конкурсных баллов призеры олимпиады имеют преимущественное право на зачисление.

Телефоны для справок: 250-64-53 (РГГУ), 939-25-65 (МГУ).

Дорогие ребята! Приглашаем вас принять участие в олимпиаде!

Уважаемые взрослые! Просим вас рассказать своим детям и ученикам об олимпиаде. Посоветуйте принять участие в ней тем, у кого развито логическое мышление и есть языковая интуиция.

Советуем прочитать:

Журинский А.Н. Слово, буква, число: обсуждение самодостаточных лингвистических задач с разбором ста образцов жанра. — М., 1993.

Лингвистика в задачах. Условия, решения, комментарии. — М., 1995.

**ПРОБЛЕМА:
РЕБЕНОК И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ**

Виктор Каган

ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ «ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА»?

Мы так привыкли считать, что бытие определяет сознание, а душа вторична по отношению к телу, что отправляясь на борьбу за очень важные для ребенка вещи, забываем о ребенке и начинаем воевать за него с ним самим.

ПОНЯТИЕ психологического насилия раскрывается скорее в переживании и сопереживании, чем в попытках дать «научное» определение и вывести его критерии, обладающие достаточной степенью универсальности. Рассудочное понимание и академический анализ тут практически бессильны. Полюса континуума психологического насилия образуются психологическим садизмом и блестяще описанной Тагором гиперпротективной любовью:

Отчего погас светильник?
Я заслонил его своим плащом,
чтобы спасти его от ветра;
вот отчего погас светильник.

Отчего завял цветок?
Я прижал его к сердцу
с мучительной любовью;
вот отчего завял цветок.

Отчего высох ручей?
Я запрудил его плотиной,
чтобы воспользоваться им для себя;
вот отчего высох ручей.

Отчего лопнула струна у арфы?
Я попытался исторгнуть из нее звук,
который ей был не по силам;
вот отчего лопнула струна у арфы.

На первый взгляд диаметрально противоположные — они сходны в том, что другой человек (в нашем случае — ребенок) является для них «живым объектом» воздействия, а не субъектом взаимодействия; это не отношения с ребенком, а отношение к ребенку, удовлетворяющее ту или иную собственную потребность за его счет. Этот тип отношения при всем разнообразии декларируемых мотивов мы и будем называть психологическим насилием. Оно не оставляет физических следов для освидетельствования и протокола, но именно оно — движущая сила и конечная цель насилия физического. Как правило, в опыте жизни совершающего его можно обнаружить пережитое психологи-

---

Виктор Ефимович КАГАН — доктор медицинских наук, психиатр, психотерапевт. Одним из первых в стране начал работать с проблемами детской сексологии и аутизма. Автор десятков книг.

ческое насилие по отношению к себе.

Отец десятилетней девочки. Младший из трех братьев, вырос в семье, где отец подавлял любую собственную инициативу сыновей за исключением наращивания физической силы. Учился в школе с военно-казарменным стилем поведения учителей и был исключен из нее в девятом классе с напутствием директора: «У тебя одна дорога — в тюрьму». Уже учась в институте, часто испытывал желание после его окончания съездить в родной город, положить диплом перед директором и «дать ему в морду». Когда родилась дочь, решил, что должен во что то ни стало дать ей «хорошее образование». По его настоянию девочка училась в трех школах: общеобразовательной, музыкальной и художественной. Музыкальными занятиями скоро стала тяготиться и прогуливать их. Отец пробовал ее увещевать, но в очередной раз узнав, что дочь пропустила больше двух недель занятий, регулярно говоря ему, что ходит в школу, и рассказывая о своих успехах в музыке, возмутился — «не тем даже, что не ходит. Ну, понимаю — не любит. Но — ложь!» И он решил, что должен выпороть: «Порю и сам плачу, и думаю — ну, заплачь, ладно, не проси прощения — заплачь просто, и я смогу перестать. Не плачет!»

Думаю, можно не приводить другие примеры. Каждый без труда пополнит эту «хрестоматию насилия» если не собственными воспоминаниями, то множеством житейских наблюдений, большая часть которых подпадает под определение «идеального преступления», мотивируемое одним стереотипом: «Я тебя люблю, а потому...».

В некоторых стрессовых, предельных случаях любовь, и правда, заявляет о себе таким образом — в повести Анатолия Кима «Цветок лотоса» находим удивительно точное описание того, как поздно ночью мать, наконец, находит убежавшего на реку сына: «В полной мере познав ужас пред возможностью утраты ребенка, она теперь быстро приходила в себя, и счастье в ней вскипало шипучей мстительной пеной злости... торопливый молчаливый путь до дерев-

ни был продлен до бесконечности твоей памятью, твоим благодарным сыновним чувством к надежности матери, к ее неистовой готовности перевернуть чашу небесную, коли понадобится, или горстями раскидать все звезды, если только посмеют тронуть ее дитя, которое она только что больно драла за уши. И уже недалеко от въезда в деревню... мать вдруг молча повернулась к тебе, вздохнула глубоко и обняла, притянула тебя за шею, прижала к своей большой, тяжелой груди, плавно закачалась, стоя посреди дороги, и зашептала тебе в лицо: «Сынок, а если бы ты утонул, чтобы твоя мамка делала? Я ведь думала, что если тебя принесут мертвенького, я сама не выдержу и зарежусь... Вот ты какое горе для меня, сынок, не балуй больше, не бегай от дома далеко». И что значил этот страстный шепот? Признание в любви, моление сыну, ребенку своему, кто был посланником от бога и хранителем ее бессмертия? Но как же этот эпизод отличается от описанных выше случаев! От картины, описанной Владимиром Маканиным в его «Голосах»:

«Если же говорить о днях за днями и представить себе, кто же они такие и как выглядят — любящие нас, — то каждый может нарисовать себе картинку с сюжетом. Нужно только на время уподобиться, например, жар-птице: не сказочной, конечно, жар-птице, а обычной и простенькой жар-птичке из покупных, у которых родичи и любящие нас люди выдергивают яркие перья. Они стоят вокруг тебя и выдергивают. Ты топчешься на асфальте, на серой и ровной площадке, а они топчутся тоже и проделывают свое не спеша, — они дергают с некоторым перерывом во времени, как и положено, впрочем, дергать».

По ощущению это напоминает укол, — но не острый, не сильный, потому что кожа не протыкается и болевое ощущение возникает вроде бы вовне. Однако прежде чем выдернуть перо, они тянут его, и это больно, и ты весь напрягаешься и даже делаешь уступчивые шаг-два в сторону, и перо удерживается на миг, но они тянут и тянут, — и вот пера нет. Они его как-то очень ловко выдергивают. Ты важно поворачиваешь жар-птичью голову, попросту говоря маленькую, птичью, куриную свою голову, чтобы осердиться, а в эту минуту сзади вновь болевой укол и вновь нет пера, — и теперь ты понимаешь, что

любящие стоят вокруг тебя, а ты вроде как топчешься в серединке, и вот они тебя общипывают.

— Вы спятили, что ли! — сердито говоришь ты и хочешь возмутиться, как же так — вот, мол, перья были; живые, мол, перья, немного даже красивые, — но штука в том, что к тому времени, когда ты надумал возмущаться, перьев уже маловато, сквозь редкое оперенье дует и чувствуется ветерок, холодит кожу, и оставшиеся перья колышутся на тебе уже как случайные. «Да что же вы делаете?» — озленно выкрикиваешь ты, потому что сзади вновь кто-то выдернул перышки, сестра или мать. Они не молчат. Они тебе говорят, они объясняют: это перо тебе мешало, пойми, родной, и поверь, оно тебе здорово мешало. А сзади теперь подбираются к твоему хвосту товарищи по работе и верные друзья. Они пристраиваются, прицеливаются, и каждый выжидает свою минуту... Тебе вдруг становится холодно. Достаточно холодно, чтобы оглянуться на этот раз повнимательнее, но когда ты поворачиваешь птичью свою головку, ты видишь свою спину и видишь, что на этот раз ты уже мог бы не оглядываться: ты гол. Ты стоишь, посиневшая птица в пупырышках, жалкая и нагая, как сама нагота, а они топчутся вокруг тебя и недоуменно переглядываются: экий он голый и как же, мол, это у него в жизни так вышло.

Впрочем, они начинают сочувствовать и даже соревнуются в сочувствии — кто лучше, а кто поплше, они уже вроде как выдергивают собственные перья, по одному, по два, и бросают на тебя, как бросают на бедность. Некоторые в азарте пытаются их даже воткнуть тебе в кожу, врастить, но дарованное перо повисает боком, криво, оно крепится, оно топорщится, и в итоге не торчит, а кое-как лежит на тебе... Они набрасывают на тебя перья, как набрасывают от щедрот, и тебе теперь вроде бы не голо и вроде бы удобно и тепло — все же это лучше, чем ничего, все же сегодня ветрено, а завтра дождь; так и живешь, так и идет время.

Но вот некая глупость ударяет тебе в голову, и ты, издав птичий крик, начинаешь судорожно выбирать из-под этой горы перьев, как выбирают из-под соломы. Ты хочешь быть, как есть, и не понимаешь, почему бы тебе не быть голым, если ты гол. Ты отбегаешь чуть в сторону и, голый, в пупырях, поживаясь, топчешься, дрожа лапка-

ми, — а гора перьев, играющая красками и огнями, лежит сама по себе, — ты суетишься поодаль, и вот тут они бросаются все на тебя и душат, как душат птицу в пупырях, голую и посиневшую, — душат своими руками, не переверяя этот труд никому; руки их любящие и теплые; ты чувствуешь тепло птичьей своей шеей, и потому у тебя возникает надежда, что душат не всерьез, — можно и потерпеть. Конечно, дышать трудно. Конечно, воздуха не хватает. Тебе непременно необходимо вздохнуть. Твоя куриная башка дергается, глаза тарашатся, ты делаешь натужное усилие и еще усилие, — вот наконец воздух все же попадает в глотку. Но, увы, с другой стороны горла: они, оказывается, оторвали тебе голову».

Образ столь же точный, сколь трагический. Приняв его, согласиться с ним, представить себя в роли дергающего перья по отношению к ребенку трудно — душа протестует: «Да ведь я же люблю, я хочу как лучше!» Дело, однако, в том, что и представлять-то не надо — достаточно шаг за шагом проследить один день отношений с ребенком: каковы первые слова, обращенные к нему утром. Что он (она) слышит: «Вставай наконец, вечно тебя не разбудить... сколько можно возиться в ванной? Завтрак стынет, а ты... Опять портфель не собран...» А когда он приходит из школы: «Ну, что получил?...» или «Молодец... хорошо... спасибо...»? Может ли взрослый человек вообразить, что изо дня в день при возвращении домой он слышит: «Ну, как? Что заработал сегодня? Начальник доволен тобой? Нет?!»? Как отнесся бы взрослый человек к тому, что его успехи оцениваются в доме таким, например, образом?

Девятилетний мальчик явно уступает своей одиннадцатилетней сестре в успеваемости и во всем том, что взрослые обычно называют «хорошим поведением». Отчаявшись «достучаться» до него, родители вывешивают на кухне «экран соревнования» сестры и брата, заполняемый ежедневно. Каждый день для мальчика — день проигрыша. Табло неумолимо — оно постоянно перед глазами, оно напоминает, оно кричит о тебе всем в доме, гостям... Говорю родителям: «Что ж, экран соревнования — не-

плохая, может быть, идея. Но почему бы вам не соревноваться вссмпятерым — детям, вам, бабушке?» В ответ — взгляд, как на сумасшедшего.

ГДЕ КОНЧАЕТСЯ «золотое детство» и начинается «золотая клетка»? Вопрос этот сегодня, когда множество детей не имеют гарантированных прав даже на жизнь и здоровье, может показаться в лучшем случае преждевременным, если не просто глупым. Мы так привыкли считать, что бытие определяет сознание, что душа — нечто вторичное по отношению к телу, если не вовсе выдумка, что отправляемся на борьбу за очень важные для ребенка вещи, ...забывая о ребенке или начиная воевать за него с ним самим: «В дни строительства и пожара до малюсенькой ли любви?» (А. Вознесенский).

Разделив принципиально неделимого человека на тело, психику и дух, мы полагаем, что, если тело здорово, то и с психикой все будет нормально, и дух будет здоров. Говоря, что человек — микрокосмос, в котором, как и в макрокосмосе, есть неодушевленное, растительное, животное и человеческое (рациональное и духовное), мы почему-то думаем, что человеческое где-то в будущем, и относимся к ребенку как к вещи, растению или нуждающемуся в дрессировке животному, вступая с ним в манипулятивные и — неизбежно — насильственные отношения «Я — Оно», а не «Я — Ты» (по Мартину Буберу). И тогда самые благие намерения усовершенствовать ребенка, сделать его лучше воспринимаются как сигнал: «Ты не такой (не такая), я не воспринимаю тебя как ты есть, ты не должен (не должна) быть собой, но чем-то другим». Право ребенка быть и становиться собой — это то право, без которого все остальные права (на жизнь, здоровье, жилище, образование) остаются мертвой буквой.

Разговариваю с пятнадцатилетней девочкой, спасенной после тяжелой суицидной попытки: «Меня спрашивают, зачем я это сделала, а я думаю — зачем мне не дали этого сделать? Я устала. Я знаю, что мне скажут — с жиру бесишься. Так

мне родители и говорили. Они, наверное, любят меня, но я не слышу. Ну да, у меня все есть... Но я всю жизнь для них не такая, я должна делать, как они хотят, — худеть, поправляться, учиться, отдыхать, выбирать друзей. Когда я была маленькая, я думала, что в чем-то виновата, что должна исправиться — мне просто хотелось, чтобы меня обняли, прижали к себе, говорили со мной просто так, а не для чего-то. Потом я поняла, что этого никогда не будет. А потом я влюбилась. Он был старше. Мне было очень хорошо с ним — я чувствовала себя так свободно, я была хороша такая, какая есть. Ничего такого, что вы думаете, не было. Но родители только что нас заперли меня в доме, чтобы я «по рукам не пошла». А в тот день он ушел от меня, потому что я «из детсадовского возраста не вышла». Опять не такая! Я никому не нужна такая, какая есть, и себе теперь тоже. Я устала.»

Менее всего я хочу быть понятным в том смысле, что принятие ребенка таким, каков он есть, означает передачу ему всей полноты ответственности за процесс и результат воспитания. Что бы мы ни говорили, общение с ребенком всегда асимметрично: на стороне взрослого опыт, предвидение и осознание последствий, ответственность, сила совладания с жизнью. Диалог взрослого и ребенка — всегда разворачивающийся здесь — и — сейчас диалог прошлого и будущего, консервативности и футуристичности, проектности и спонтанности, силы и слабости, наконец. И никакое воспитание невозможно с позиций слабости — оно требует от воспитателя силы, создающей энергетическое поле воспитания. Где пролегают границы между этим силовым полем и полем насилия? Как различить их? Как не заступить за эти границы? Как вообще получается так, что любовь к детям оборачивается насилием над их душой? Наконец, что происходит с нами — в России, в стране, напомнившей миру, что все будущее счастье человечества не стоит одной пролитой во имя его слезы ребенка, если психологическое насилие стало плотью и кровью воспитания настолько, что мы его не замечаем даже

и удивляемся, а то и оскорбляемся, слыша об этом.

Что творится в душе и с душой взрослого, прибегающего в общении с ребенком к психологическому насилию? Проще всего уличать и обличать, труднее понять и почувствовать, что на языке психологического насилия говорят саднящие и разъедающие проблемы самого взрослого.

В группе обучающихся у меня врачей ярко выделяется мужчина лет сорока. Он задает множество вопросов и использует любую возможность для пространных высказываний, в которых явно старается показать себя, блеснуть эрудицией и нередко теряет нить темы, но не смущается этим. Он просто забывает группу, а то и меня, перехватывает инициативу ответов на вопросы. Однажды в таком монологе он высказывает свою позицию в воспитании: родители и только они знают, что лучше и что хуже для ребенка, если бы не родители, из детей выросло бы бог весть что ужасное, а потому «не умеешь — научим, не хочешь — заставим» — лучший девиз воспитания.

У меня не было оснований сомневаться в его искренности. Он говорил, говорил, говорил... В один прекрасный день прямо на занятии у нас произошел такой разговор:

Я: — Мне хотелось бы поговорить с вами об одной вещи. Вы позволите сделать это при группе?

Он: — Да, а почему нет?

Я: — Спасибо. Скажите, вы всегда так много разговариваете?

Он: — В общем, да. Знаете, если я прихожу на собрание, я обязательно должен выступить.

Я: — А что будет, если вы не выступите?

Он: — Ну, такого почти не бывает. Что будет? Мне тогда чего-то не хватает, как будто я что-то важное не сделал.

Я: — А зачем вам всякий раз выступать?

Он: — Мне нравится выступать.

Я: — Давайте пофантазируем. Допустим, существует волшебник, который может превратить вас во что-то или в кого-то. В кого бы вы хотели, чтобы он превратил вас?

Он: — В академика!

Я: — А вот вы выступили на со-

брании очень удачно, блестяще. Во что он превратил бы вас в этот момент?

Он: — В академика!

Я: — Прекрасно. Но вот вы выступили, но неудачно, плохо, ну, просто очень плохо, и всем ваше выступление страшно не понравилось...

Он: — В школьника, получившего двойку... (долгая пауза, во время которой он как будто хочет что-то сказать).

Я: — Вы хотите что-то сказать?

Он: — Может быть...

Я: — Вас смущает, что здесь много людей?

Он: — Нет, просто мне не об этом хочется... Я почему-то вспомнил отца... Я его очень любил, это был прекрасный человек. И я ему очень благодарен за то, что я кем-то стал, стал человеком. Он мне всегда говорил: «Учись, Коля, а то так дураком и помрешь». (И дальше последовал пространный и подробный, со множеством деталей рассказ о том, как он учился — начиная с первого класса и по сию пору — и всегда был первым или среди первых, получал грамоты, призы, стипендии. Закончив, он замолчал и задумался. Молчала и очень внимательно слушавшая его группа.)

Я: — Вы хотели бы, чтобы другие поделились с вами своими впечатлениями?

Он согласился, и присутствовавшие, очень мягко обращаясь к нему, говорили о том, как это, должно быть, трудно — всю жизнь чувствовать себя маленьким мальчиком, доказывающим папе, что ты не дурак. Теперь очень внимательно и тихо, вопреки обыкновению не вступая в обсуждение, слушал он. Мы занимались еще около двух недель, и он был равным среди равных в общих беседах и диалогах. Лишь иногда его начинало заносить, но он испытывал явное удовольствие, сдерживая себя. И как-то во время беседы в перерыве он сказал мне, что соскучился по детям: «Я все боялся, что разболтаются без меня, а сейчас чувствую — просто очень соскучился».

Думаю, что комментарии тут излишни.

Окончание в следующем номере

Ревекка Фрумкина
Другой Базаров

МНЕ НУЖНА была ссылка. Я открыла роман Тургенева «Отцы и дети» — и не могла оторваться. Роман этот я никогда не любила и потому не пересчитывала со школы. Вообще же русскую классику читала лет с восьми и читала очень много. Благодаря этому в отрочестве моя жизнь оказалась населена лицами, которые были мне ближе и понятнее, чем реальное окружение.

К лицам относились в большей мере авторы, чем герои.

Конечно, это были Пушкин и декабристы, далее — люди сороковых годов — Белинский, Станкевич, Герцен, то есть как раз «отцы». Роман «Отцы и дети» посвящен памяти Белинского, но об этом я забыла. Видимо, Белинский для меня никак не связывался с Базаровым. Ведь Белинский страстно любил литературу, тогда как Базаров... А что — Базаров? Кем был Базаров? И каковы были «отцы» в романе? О чем вообще там велись столь яростные споры?

Есть такое понятие в историографии — «презентизм». Это убежденность в том, что нам не дано постичь прошлое, не навязывая ему наших современных понятий и категорий. Презентизму противопоставлена иная позиция: уважительный диалог с прошлым, где мы, оставаясь собою, помним, что перед нами — Другой.

Я поймала себя на том, что читаю «Отцы и дети» прежде всего непосредственно, забыв о презентизме или иных формах отношений с прошлым. Передо мною была прекрасная книга, а вовсе не памятник эпохи.

Разумеется, я знаю, что роман этот в свое время — то есть в 1862 году — был прежде всего сочинением злободневным. Реакция общества была бурной. Одни ругали автора, написавшего карикатуру на «новых людей», другие ругали самих «нигилистов» — благода-

ря роману слово стало обиходным. Не было журнала, который бы не откликнулся на «Отцов и детей», хотя споры были не столько о романе, сколько о его главном герое, как если бы он был живым человеком.

Накал страстей был таков, что и через шесть лет не угас, так что Тургенев даже опубликовал статью «По поводу "Отцов и детей"», где пытался объясниться с читающей публикой и критиками.

Напомню, о чем роман.

На первых страницах мы знакомимся с одним из «отцов» — Николаем Петровичем Кирсановым — старым, седым и сгорбленным человеком. Как вы думаете, сколько ему лет? Ему сорок два. Его брату Павлу Петровичу немногим больше. Отец их был боевым генералом 1812 года. Николай Петрович кончил университет, служил по штатской части, женился по любви и вышел в отставку, предпочитая жизнь сельского хозяина.

Павел Петрович учился в пажеском корпусе, служил в гвардейском полку, однако безумная и несчастная любовь погубила его карьеру. Он вышел в отставку и, будучи одинок, поселился с рано овдовевшим братом в его имении. Таковы «отцы».

Роман начинается с того, что Николай Петрович встречает сына Аркадия, возвращающегося в родное имение по окончании университета. Сын приезжает с другом, и друг этот — Базаров. Базаров, сын военного лекаря, служившего у старого генерала Кирсанова, тоже учится на лекаря. Таковы «дети».

Известный лингвист и психолог Ревекка Марковна ФРУМКИНА на этот раз выступает в роли читателя: случайно взяла с полки Тургенев, присела, зачиталась и не смогла оторваться...

Некоторое время Базаров гостит в семье Кирсановых. Ведет он себя весьма вызывающе, и между ним и старшим Кирсановым — дядей Аркадия — сразу же возникает взаимная неприязнь. Базарову довольно побыть в кругу этой семьи за ужином, чтобы в тот же вечер в беседе с Аркадием назвать Павла Петровича смешным и архаическим явлением (тот и в деревне одет, как в петербургской гостиной). Так возникает и в дальнейшем обостряется конфликт «отцов» и «детей».

Базаров и Аркадий навещают стареньких родителей Базарова, живущих неподалеку в довольно убогом имении. Друзья также знакомятся с молодой, красивой и богатой помещицей Анной Сергеевной Одинцовой, которая приглашает их к себе погостить.

Одинцова заинтересована Базаровым как необычной личностью. Базаров же неожиданно для себя оказывается во власти сильного и безответного чувства.

После тягостного и для Базарова, и для Одинцовой объяснения Базаров уезжает. Позже Базаров гостит некоторое время у Кирсановых, где его конфликт с Павлом Петровичем приводит к достаточно нелепой дуэли. Базаров окончательно покидает семью Кирсановых и поселяется у своих родителей, помогая отцу пользоваться крестьян.

Случайный порез пальца при вскрытии тела больного, умершего от тифа, оказывается для Базарова губительным: он умирает от заражения крови.

Такова в общих чертах сюжетная канва романа.

В РОМАНЕ, как я прочла его сегодня, оказалось только два действительно живых персонажа: это Базаров и, как это ни странно, Одинцова. Странно потому, что о ней я вообще ничего не помнила.

Собственно, в романе как бы два Базаровых. Один — это довольно резкий, мрачноватый и не слишком воспитанный молодой человек, который ведет себя в чужом доме демонстративно развязно, эпатажируя старшее поколение. По мере чтения понимаешь, что это поза, за которой скрывается незащищенность и неуверенность Базарова в себе.

Предела позиция этого Базарова достигает в его реплике Аркадию по поводу внешности Одинцовой, с которой он только что познакомился: «Экое богатое тело! Сейчас в анатомический те-

атр!» Достаточно вдуматься в эти слова, чтобы понять, что Базаров вовсе не думает о том, как он будет стоять с ланцетом прозектора у холодного тела прекрасной женщины. Базаров просто хочет показать себя последовательным: он столько раз говорил о бесполезности красоты как таковой, что продолжает эту линию.

Этот первый Базаров — в сущности, дерзкий мальчишка, который не столько не умеет себя вести в обществе, сколько хочет быть ему чуждым и подчеркивает это. Пример тому — его поведение при первом визите в имение Одинцовой. Когда дворецкий Одинцовой, проводив Базарова и Аркадия в приготовленную для них комнату, спрашивает, не будет ли каких распоряжений, Базаров благодарит и просит приказать «принести водочки».

Базаров не может не знать, что в соответствии с элементарными правилами этикета он мог бы попросить квасу, чаю, молока, кофею — чего угодно, но никак не водки — летом, в жару, поплудни!

Этот Базаров не показался мне живым человеком: он выглядит скорее рупором для высказывания некоторых идей, общих для появившихся в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов прошлого века «новых люлей». Тургенев назвал этих людей «нигилистами», то есть отрицателями. На создание этого исторического характера «работают» все внешние подробности — небрежность в одежде, грубоватость речи, бравата, неуचितность Базарова.

Базаров задуман как герой-идеолог, но неожиданно для меня оказалось, что его споры с «отцами», а точнее — с главным антагонистом, Павлом Петровичем, лишены серьезного содержания. Видимо, в то время важно было не столько, что говорит Базаров, но кому и как.

Этот Базаров своей заданностью напомнил мне другого героя Тургенева — болгарского революционера Инсарова из романа «Накануне». Об Инсарове мы так и не узнаем ничего, кроме того, что он борется за освобождение Болгарии. Об этом Базарове мы узнаем, что он утилитарист, то есть ценит только то, что приносит прямую пользу, отрицает искусство, не видит особой разницы между человеком и лягушкой.

В общем, он прежде всего не такой, как «отцы». В остальном же — не будь

в романе другого Базарова — я думаю, что роман просто не состоялся бы как произведение большой литературы.

Другой Базаров, напротив того, совершенно живой человек, страдающий, любящий, полный противоречий. Только что он говорил о том, что от женщины «надо добиться толку», а если не вышло — то найдутся другие, то есть отрицал значительность любви именно в ее неповторимости. И вдруг он попадает во власть страстного и глубокого чувства к Одинцовой.

Мало того, что любовь его безответна. Это чувство никак не совмещается с его планами на жизнь и с той миссией, к которой он себя готовит. Ведь хотя Базаров много раз говорит, что он был уездным лекарем, ясно, что это только маска: ни друг его Аркадий, ни Одинцова не принимают эти слова всерьез. В свете его страсти его же собственные взгляды оказываются всего лишь умствованиями, которые опровергнуты жизнью.

То, что Базаров не может противостоять своей любви, как раз и вызывает в нас живейшее сочувствие. Поэтому читатель может идентифицировать себя с Базаровым. А вель иначе главный герой не может состояться — мы должны либо полюбить его, либо отринуть. Безразличие читателя к центральному персонажу — это авторский провал.

Именно этот, другой Базаров узнаваем и сегодня, потому что он становится участником некоторого вечного конфликта, пусть в конкретно-историческом воплощении.

Мы без всяких комментариев понимаем, что между «отрицателем» Базаровым, который говорит о своих вещах «одежонка», не носит перчаток, презирает комфорт и богатство, и владелицей прекрасно устроенного имения, красавицей и умницей Одинцовой не могут сложиться никакие более или менее продолжительные и глубокие отношения. Даже если бы Одинцова ответила на порыв Базарова. Впрочем, и это трудно себе представить.

Пытаясь справиться со своим чувством, Базаров уезжает в имение своих родителей, где надеется забыться в работе. Это ему не удается. Наверное, впервые в жизни чувства его оказываются сильнее воли. Он переживает то, что сегодня мы бы назвали глубокой депрессией: домашние замечают, что он бледнеет, не ест и т.д. Все это закан-

чивается трагедией, тем более ужасной, что совершенно бессмысленной.

Именно абсурдность происшедшего порождает впечатление, что Базаров будто искал смерти. Посмотрите: он возвращается домой из города после вскрытия трупа больного и просит у отца «адского камня» (то есть ляпис-са), чтобы прижечь порез на пальце. Отец предлагает прижечь ранку еще и железом, по поводу чего Базаров как бы равнодушно замечает, что «теперь уж поздно», потому что прошло четыре часа. Но если в городе у прозектора адского камня, по словам Базарова, не было, то железо там уж точно было — однако Базаров этим не воспользовался. Значит ли это, что Базаров отдается на милость судьбы? Но ведь это уже как бы совсем не Базаров-«нигилист»!

БАЗАРОВ УМИРАЕТ. Смерть его в романе — это героическая смерть. Он предугадывает течение своей болезни, говоря отцу, как он будет терять вначале силы, а потом и разум. И единственное, о чем он просит, — это позвать Одинцову, чтобы с ней проститься.

Уход Базарова из жизни выглядит если не как преднамеренный шаг, то по меньшей мере как поражение. Поражение Базаров терпит как бы от самой Жизни: она не является чем-то, что может быть безнаказанно управляемо человеком по своему рассудку или, тем более, по произволу.

А ведь «чувства» Базаров объявлял романтизмом, нервным раздражением! И вот чем это все обернулось...

Базарову сочувствует Тургенев, Базарову сочувствуем мы. Только тогда, когда Базаров уже лежит на смертном одре, мы по-настоящему понимаем масштаб его личности и верим, что он и вправду был предуготовлен к замечательному будущему.

Смерть Базарова воспринимается как трагедия, как проявление сил рока: жизнь как бы мстит тому, кто забыл о ее самоценной органике, кто возмнил, что может положить ей свои законы.

Все, кто давно забыл содержание романа «Отцы и дети», помнят концовку: две согбенные фигуры у могилы сына. Эти строки для человека русской культуры слились в восприятии с известной картиной Серова «У могилы сына». Имела ли действительно эта картина отношение к роману Тургенева? Не все ли равно...

Владимир Строилов

Сверим наши заблуждения

Заметки астролога

ДО СИХ ПОР у нас были только сказуемые, только глаголы. Ведь каждая из планет, про которые мы в основном говорили до сих пор, обозначает область приложения, сферу проявлений тех или иных способностей и стремлений. Из одних глаголов фразу не составишь. Нужны имена.

Строго говоря, каждая точка небесной сферы — это своего рода имя, образ, особенный стиль. Но среди множества таких имен некоторые особенно значимы. Их двенадцать — это знаки Зодиака. Характер, соответствующий тому или иному знаку Зодиака, может проявляться в сфере той или иной планеты. Иногда одни и те же особенности проявляются в нескольких областях так же, как одна и та же мелодия может исполняться на нескольких инструментах. Иногда — на разных инструментах исполняются разные партии: иной раз гармонично сочетающиеся, а подчас диссонирующие друг с другом. Мы более или менее подробно рассмотрели множество инструментов — планет, займемся теперь исследованием множества звуков и их сочетаний. Рассмотрим прежде всего ключевые, опорные элементы этого множества — знаки Зодиака.

Небольшое астрономическое отступление. Орбиты всех планет Солнечной системы лежат примерно в одной плоскости. Поэтому с точки зрения земного наблюдателя другие планеты могут быть видны на фоне лишь узкого коридора, опоясывающего небесную сферу. Центральная линия этого коридора — эклиптика — это линия пересечения небесной сферы с плоскостью Солнечной системы. Любая планета видна с Земли неподалеку от этой воображаемой линии. Эклиптику и прилегающий к ней кольцевой коридор принято делить на двенадцать равных частей и обозначать каждую из них определенным знаком, символом, названием. Это и есть Зодиак. Круг наиболее важных точек небесной сферы. Важных потому, что только на фоне этих участков могут быть видны планеты.

Отнюдь не претендуя на описание механизма астрологических влияний, приведу схему, позволяющую наглядно представить себе роль знаков Зодиака и планет в описании особенностей личности. Представим себе, что мы окружены льющим на нас со всех сторон светом. Еще раз подчеркну, что не берусь говорить о материальной природе и физической сущности этого света: не потому, что это не важно, просто сейчас важно другое.

* Продолжение. Начало — в номере 7 за этот год.

Свет, падающий на нас с разных сторон, разный. Разного цвета, что ли. Мы освещены со всех сторон, но свет, приходящий к нам из некоторых участков небесной сферы, оказывается усиленным. Усилители этого света — планеты — своего рода системы, фокусирующие и, может быть, по-своему дополнительно окрашивающие этот свет. То сочетание цветов, которое сложилось в момент нашего рождения, и определяет во многом наши склонности, способности, стремления. Подобно тому, как легкие наши в момент первого вдоха наполняются окружающим нас воздухом, душа наша в момент нашего появления на свет наполняется светом. Общим, но для каждого своим. Причем те качества, которые соответствуют свету, усиленному в момент рождения, скажем, Марсом, и проявляться будут прежде всего в ссорах и соревнованиях. Важны все качества, заложенные в нашей душе; но отличаемся мы друг от друга только теми, которые были в момент рождения усилены или подавлены теми или иными планетами. Поэтому из всех точек небесной сферы особенную роль играют те, которые могут оказаться фоном для той или иной планеты. Свет от которых может быть усилен или искажен полем одной из планет. Особенную роль играют качества, которыми мы можем отличаться или быть похожими друг на друга. Которые могут стать талантом или проклятьем. Вот почему знаки Зодиака — двенадцать наиболее значимых имен в астрологическом языке.

Из сказанного ясно, что нельзя отождествлять ни одного человека с тем или иным знаком Зодиака, хотя это и практикуется сплошь и рядом даже у некоторых специалистов. Вы — Телец, а вы — Козерог... Такое было бы возможно, если бы все планеты собрались в од-

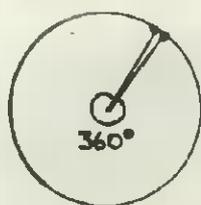
ном знаке. Но такого за всю observable историю движения светил, насколько мне известно, не случилось. В каждом человеке сосуществуют, на мой взгляд, ипостаси, соответствующие нескольким разным знакам Зодиака. Как правило, они проявляются в разных сферах, но часто взаимодействуют, интерферируют. Иногда конструктивно, тогда мы чувствуем активность и душевный подъем. Иногда деструктивно, тогда мы ощущаем депрессию и внутренний разлад.

Одно время мне очень хотелось сформулировать исчерпывающие словесные характеристики каждого знака. Замахнулся... Сейчас мне это кажется не только невозможным, но и ненужным. Сейчас я считаю, что уместнее говорить об образах, соответствующих каждому знаку. Образах динамичных, постоянно обновляемых. Определенных лишь настолько, чтобы идентифицировать каждый знак, отличить его от других знаков.

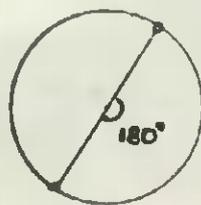
Такая задача кажется мне выполнимой. Хотя для ее выполнения не худо бы, на мой взгляд, вооружиться еще кое-какими понятиями.

Не могу объяснить, но не могу и не отметить тот факт, что характер интерференции, взаимного влияния двух знаков Зодиака, или двух точек эклиптики, или двух соответствующих им образов — допускает довольно простую геометрическую иллюстрацию.

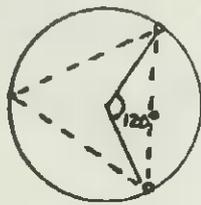
СУЩЕСТВУЮТ ВПОЛНЕ определенные особые случаи взаимного расположения планет, когда проявляемые в соответствующих сферах качества интерферируют особенно сильно. Такие особые случаи взаимного расположения планет или тех точек эклиптики, в которых планеты могли бы находиться, называются аспектами. При этом каждому аспекту соответствует

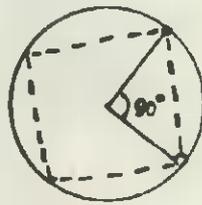
совпад

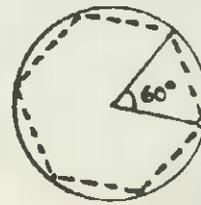
оппозиция

тригон

квадратура

сексагон

простая геометрическая картина.

Совпад (0 ± 10) означает единство, тождественность образов, качеств, черт характера, проявляющихся в сферах той и другой планеты.

Оппозиция (180 ± 10) — прямое противоборство, непримиримость соответствующих стилей.

Тригон (120 ± 5) — сходство, родство, общность темперамента.

Квадратура (90 ± 5) — отсутствие общего языка, с трудом осознаваемая помеха.

Гексагон (60 ± 5) — неожиданное подспорье, с трудом прогнозируемая поддержка.

Аспекты проявляются, становятся заметными в том случае, если угол между направлением на одну и направлением на другую планету соответствует с той или иной степенью точности кратной доле полного оборота — 360 градусов. Однако, если сравнивать не положение планет, а расположение самих точек эклиптики, тоже можно говорить об аспекте, но непроявленном. Такой аспект может проявиться в те моменты жизни, когда текущее, так называемое транзитное, положение какой-либо планеты сопрягается, коррелирует с натальным положением (положением в момент рождения) той же или какой-нибудь другой планеты. Еще один случай

обнаружения до поры до времени непроявленного аспекта — взаимодействие, общение с другим человеком, одна из планет в гороскопе которого находится в аспекте с той или иной планетой вашего гороскопа.

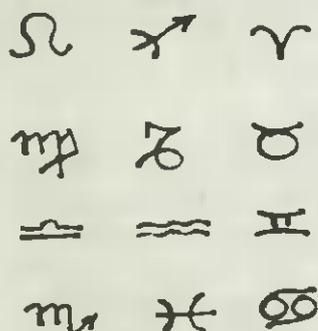
Еще раз продекларирую отсутствие намерения докопаться до механизма (физического или психологического) того или иного влияния или сопоставления. Свою задачу я вижу в том, чтобы описать, назвать и хотя бы отчасти структурировать понятия и представления, которыми пользуется классическая астрология. Хотелось бы показать своеобразную красоту этой системы, ее совершенство, от которого всего лишь один шаг до убедительности.

Тот факт, что углы, соответствующие наиболее важным аспектам, кратны тридцати градусам, делает понятным, почему эклиптика разбита именно на двенадцать знаков по тридцать градусов: такое разбиение наилучшим образом согласуется с названными аспектами.

Перечислим знаки Зодиака в той последовательности, как их проходят Солнце и Луна. Рядом с названием и символом каждого знака указано время пребывания в данном знаке Солнца:

	Водолей	21 января — 19 февраля
	Рыбы	20 февраля — 20 марта
	Овен	21 марта — 20 апреля
	Телец	21 апреля — 21 мая
	Близнецы	22 мая — 21 июня
	Рак	22 июня — 22 июля
	Лев	23 июля — 22 августа
	Дева	23 августа — 22 сентября
	Весы	23 сентября — 22 октября
	Скорпион	23 октября — 21 ноября
	Стрелец	22 ноября — 21 декабря
	Козерог	22 декабря — 20 января

Аспекты помогут нам подобрать-ся и к вопросу о классификации знаков Зодиака. Ведь двенадцать — это очень много. Одновременно удерживать в поле внимания целых двенадцать каких бы то ни было предметов практически невозможно. Значительно легче сгруппировать и описать по отдельности множество таких групп и множество знаков в каждой группе. Основой для такой группировки мог бы послужить, например, тригон. Ведь он означает сходство, родство... Стало быть, множество знаков Зодиака можно представить себе как совокупность четырех групп, по три знака в каждой. Внутри каждой группы знаки чем-то похожи друг на друга, обладают какими-то общими особенностями.

Особенности, общие для знаков каждой группы, таковы:

- огонь — легкое и горячее
- земля — тяжелое и теплое
- воздух — легкое и холодное
- вода — тяжелое и холодное

Огненные знаки считаются мужскими, для них характерны движение, распространение, отталкивание. Огонь — ЯН.

Водные знаки считаются женскими, для них характерны притяжение, локализация, покой. Вода — ИНЬ.

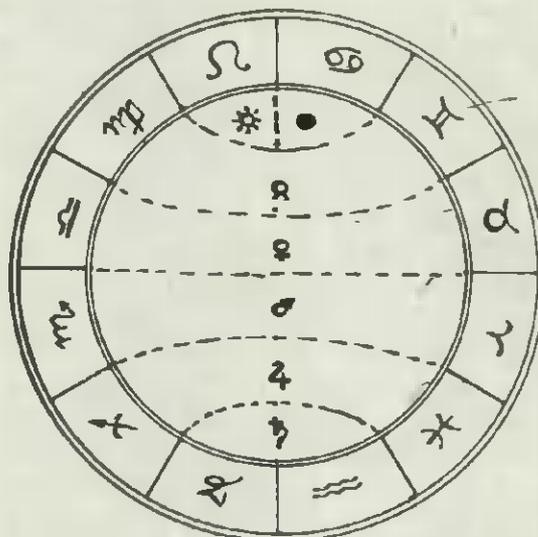
По поводу отношения других знаков с мужским и женским встречаются разночтения. Мне кажется, лучше всего вовсе не приписывать им пола, считать их амбивалентными.

В связи с этим можно еще называть огненные и водяные знаки контрастными, а воздушные и земляные — мягкими.

ТЕПЕРЬ МЫ, пожалуй, готовы к рассмотрению ключевого момента классификации знаков Зодиака:

соотнесения их с планетами. Тут возможны два подхода, две постановки вопроса. Первая: в какой области, в сфере какой планеты качества данного знака раскрываются и проявляются наиболее полно, наиболее адекватно? Вторая: качества, соответствующие какому знаку, обеспечивают наибольший успех в сфере данной планеты?

Пока сосредоточим внимание на первом вопросе. Какая планета наиболее выгодна данному знаку? Пусть такая планета называется хозяйкой этого знака, а сам знак — домом соответствующей планеты. Кстати, эти термины общеприняты. Практически нет разногласий и по поводу ответа на этот вопрос. Его можно представить в виде такой диаграммы.

Что дает нам это распределение для составления образа, для выявления особенностей каждого знака?

Начнем с Меркурия. У него два дома: Близнецы и Дева. Близнецы — знак воздушный (легкий и прохладный), Дева — земляной (тяжелый и теплый). Меркурию, напомним, соответствует сфера деятельности. Пожалуй, речь здесь должна идти о двух типах отношения к деятельности. Близнецам не важно, чем заниматься, лишь бы в хорошей компании. Не правда ли, в этом есть что-то воздушное — легкое и прохладное? Деве не важно, с кем заниматься тем или иным делом, лучше всего — вообще в одиночку. Важно, что за дело. Важны увлеченность, углубленность, перебор вариантов и следствий. Важно удовольствие от дела самого по себе. В этом есть качест-

ва земли: тяжесть, основательность, теплота, не так ли?

Пусть название знака «Дева» не смущает и не вызывает ложных ассоциаций. Дева знак не женский, не водяной, а земляной. Не женщина, даже не девочка — будущая женщина, а дева — оставшаяся девой. Не из-за увлечения ли перебором женихов? Итак, дома Меркурия: Близнецы — стремление к сотрудничеству и умение сотрудничать; Дева — увлеченность, перебор возможностей, стремление выбрать.

Дома Венеры: Телец и Весы. Телец — знак земляной (тяжелый и теплый), Весы — воздушный (легкий и прохладный). Девиз Венеры: мне хорошо, оттого что тебе хорошо; и мне плохо, оттого что тебе плохо. Пожалуй, ласковому, наивному и плодовитому Тельцу подойдет ярлычок — стремление обладать, стремление осчастливить. А справедливым и склонным к диалектике Весам — стремление к гармонии, к равновесию, к взаимности, чтобы все было по-честному.

Дома Марса — контрастные знаки: огненный, мужской (легкий и горячий) Овен и водяной, женский (тяжелый и холодный) Скорпион. Мы уже говорили о мужском и женском, открытом и скрытом способах ведения борьбы. На мой взгляд, бокс — это скорее Овен, а шахматы — скорее Скорпион. Боец, идущий в открытую атаку, — символ Овна; шпион, плетуший агентурную сеть, — символ Скорпиона. Для Овна характерны напористость и безоглядность, для Скорпиона — хитрость и готовность жертвовать.

Дома Юпитера — Стрелец и Рыбы. Здесь снова речь о контрастных знаках. О мужском и женском способах властвовать, об открытом и скрытом способах навязать свою волю другим, о формальном и неформальном лидерстве. Стрелец стремится вписаться в иерархию, имеет склонность к субординации, умеет подчинять и подчиняться. Рыбы умеют добиться своего неявно, для них характерно стремление быть избранными, для этого они в нужный момент умудряются проявить лучшие свои качества, о которых иной раз прежде и не подозревали.

Дома Сатурна — Козерог и Водолей. Снова знаки мягкие — земляной и воздушный. Мужской и женский характер, если и просматриваются, то слабо. Сатурн, напомним, мистическая сфера. Трансцендентные состояния и общения с иными мирами. Грань нашего мира, где человек играет роль не источника, не поглотителя, но лишь проводника — из иных миров в наш; или из нашего мира в иные миры. Сюда же относятся все религиозные проявления: от святой и чистой веры до самых вульгарных суеверий. Из религиозной жизни мне и хотелось бы взять образы, которые помогут почувствовать суть домов Сатурна: Козерога и Водолея. Козерог — пророк, проповедник. Он имеет силу, только если говорит не от себя, но через него в совершенно особом состоянии осуществляется связь (не только информационная, но и эмоциональная, и мистическая) с иными мирами, и с теми, которые выше, и с теми, которые ниже нас. Для Козерога важны требовательность к себе, негибкость, непреклонность. Водолей — принимающий исповедь, через него отпускается грех. Для Водолея характерны способность и стремление поверить, довериться, проникнуться бедами, проблемами или радостью другого.

Чем ближе к алтарю, тем страшнее грех, тем неуместнее и безобразнее ложь. Наверное, ни в одной сфере нет столько лжи, как в сфере Сатурна, там, где она неуместнее и страшнее всего. Наверное, у каждого свой путь. Идти своим путем — это и есть жизнь. Уклоняться от своего пути — это и есть грех. Но путать, переставлять и подделывать дорожные знаки — это, наверное, служба дьяволу.

Нам осталось охарактеризовать два знака, дома Луны и Солнца, Рака и Льва. Рак — самый женский знак, ведь это знак не только водяной, но еще и дом Луны. Наиболее характерной особенностью Рака мне представляется, как ни странно это прозвучит, отсутствие собственной формы. Точнее, готовность отлиться в любую форму и способность обрести устойчивость не за счет внутреннего стержня, а за счет приобретенной формы. Ведь у рака

нет скелета, его целостность поддерживается оболочкой — панцирем. Заметьте, Рак — полная противоположность Козерогу, готовому скорее переломиться, чем согнуться. Впрочем, так и должно быть, ведь Рак и Козерог — в оппозиции друг к другу.

Лев — знак самый мужской, не только огненный, но и дом Солнца. Это значит, что характерные качества Льва наиболее неискаженно проявляются и в наибольшей степени усиливаются в стремлении распространить и продолжить себя. Их можно обозначить как эгоцентризм, уверенность в себе. Здесь снова хорошо просматривается оппозиция. Ведь к характерным качествам Водолея мы отнесли способность и стремление поверить, довериться, проникнуться, а для Льва характерно прямо противоположное.

На две оппозиции мы обратили внимание по ходу перечисления примерных характеристик каждого знака. Давайте проверим остальные оппозиции. Демократичные Близнецы и авторитарный Стрелец. Стремящийся к обладанию Телец и готовый жертвовать Скорпион. Безоглядно напористый Овен и жаждущие взаимности Весы. Устремленные к тому, чтобы быть избранными, Рыбы и увлеченная перебором вариантов Дева, вечно остающаяся девой. Работают оппозиции!

Оппозиции окажут нам еще одну услугу. Знак, противоположный дому той или иной планеты, считается для этой планеты изгнанием. Это значит, что качества данного знака проявляются в сфере этой планеты наиболее искаженно, неадекватно, наихудшим образом. Так, качества Льва и Рака наихудшим образом проявляются в сфере Сатурна. Качества Близнецов и Девы в наибольшей степени искажаются, проявляясь в сфере честолюбия. Качества Тельца и Весов оборачиваются самыми невыгодными сторонами в борьбе и соревновании. Качества Овна и Скорпиона выглядят уродливыми, проявляясь в сфере Венеры. Качества Стрельца и Рыб не могут найти должного выражения в деятельности. Качества, присутствующие Козерогу, несовместимы с проявлениями в сфере Луны. А качества Водолея становятся чуть

ли не смешными, если посредством их стремиться распространить и продолжить себя.

Теперь мы каждый знак не то что бы описали, но, по крайней мере, обозначили. Присвоили каждому знаку ярлычок, при помощи которого появилась возможность не спутать его с другими.

ДАВАЙТЕ НАПОСЛЕДОК проследим, как один знак сменяется другим, чередуясь в нормальной последовательности, в прямом направлении. Тут, правда, возникает вопрос, с какого знака начать. Чаще всего начинают с Овна. Даже приводят этому некоторые обоснования. Пренебрегая страхом показаться нескромным, предложу поискать другой вариант. В самом деле, вряд ли такая симметричная картина, которую мы видим, например, при распределении планет по домам, а знаков по хозяевам, имеет застужку где-то сбоку. Ведь ось симметрии (или почти симметрии) проходит через границу между Козерогом и Водолеем и в то же время между Раком и Львом. По-видимому, если уж размыкать кольцо, то в одной из этих двух точек. Если вспомнить, что Сатурн, представляющий мистическую сферу, ответствен за входы и выходы вообще, а Рак и Лев являются самыми последовательными выразителями полового начала, имеющего кульминацию где-то в середине жизни, пожалуй, самой подходящей точкой для условного мысленного размыкания кольца будет граница Козерога и Водолея. Впрочем, эту границу тоже правильнее было бы рассматривать не как начало и конец, а как границу перехода в новое качество.

Итак, попробуем, начав с Водолея, проследить шаг за шагом изменение возрастных особенностей, определив для круглого счета продолжительность жизни лет, скажем, в шестьдесят. На каждый знак тогда придется лет по пять.

Первые пять лет жизни человека целиком основаны на доверии. Доверии к матери, доверии к молоку, доверии к воздуху, доверии к собственным ощущениям. Но не только. В этом возрасте ребенок привыкает, что и ему все доверяют. «Мы все из света и из тьмы, дитя — из

одного лишь света» (А.Межиров).
Это ли не Водолей?

С пяти до десяти лет основой, пожалуй, становится стремление снискать одобрение окружающих. Прежде всего взрослых. Прежде всего сильных. Если заметят, если одобряют, все будет хорошо. Только бы не подумали чего плохого, только бы не оказаться изгоем. Рыбы.

Следующий период — примерно с десяти до пятнадцати — Овен. Дом Марса. Борьба, соревнование, драки. Больше со сверстниками, причем своего пола. Угловатость. Безоглядность, напористость.

С пятнадцати до двадцати (границы становятся все более размытыми) — эпоха Тельца. Венера. В центре внимания теперь — пол противоположный. Причем речи о глубине чувств, как правило, нет. Приоритет — внешним проявлениям.

С двадцати до двадцати пяти — возраст Близнецов. Меркурий. Первые самостоятельные «дела», а больше — разговоры. Доминирует интеллект, подчас довольно острый и яркий, но пока неглубокий. Разговоры. Демократия.

Двадцать пять — тридцать. Рак. Луна. Пора подумать и о своем доме. Об удобствах. О благосостоянии, о достатке. Отношение к партнерам иного пола тоже становится совсем другим. Пора.

Тридцать — тридцать пять. Лев. Солнце. Наследники. В центре внимания — распространение и продолжение себя. Минимум сомнений, разве что в мелочах.

Тридцать пять — сорок. Дева. Снова Меркурий, но уже совсем по-другому. Дело прежде всего. Желательно свое дело. Или хотя бы свой кусочек дела, в который никто не суется. И семью надо кормить, и...

Впрочем, продолжение этой нехитрой истории вполне можно предложить в качестве домашнего задания. Справиться с ним будет довольно легко, а проверять никто не будет. Вот красота! Главное — не отнестись к этому заданию слишком серьезно. А поговорить на астрологическом языке еще есть о чем. Через месяц.

ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

Снес динозавр яичко

Когда говорят о динозаврах, обычно имеют в виду огромных древних животных, живших еще до появления человека много миллионов лет назад. А ведь среди многочисленной группы этих древнейших пресмыкающихся (около шестисот видов) были и совсем небольшие — длиной всего-то 20 сантиметров. Да, бегали по Земле и такие мини-динозаврики.

Одна из характерных особенностей динозавров — их размножение путем откладывания яиц. В 1869 году осколки окаменевших яиц обнаружили во Франции, правда, являются ли они таковыми на самом деле, нельзя утверждать и сегодня. В 1922 году нашли окаменевшие яйца динозавров в Монголии.

□ невших яиц динозавров в одном относительно небольшом регионе. Это произошло в Китае в тридцати пяти километрах к юго-востоку от уезда Сися провинции Хэнань, в селах Янчэн, Данышуй и некоторых других.

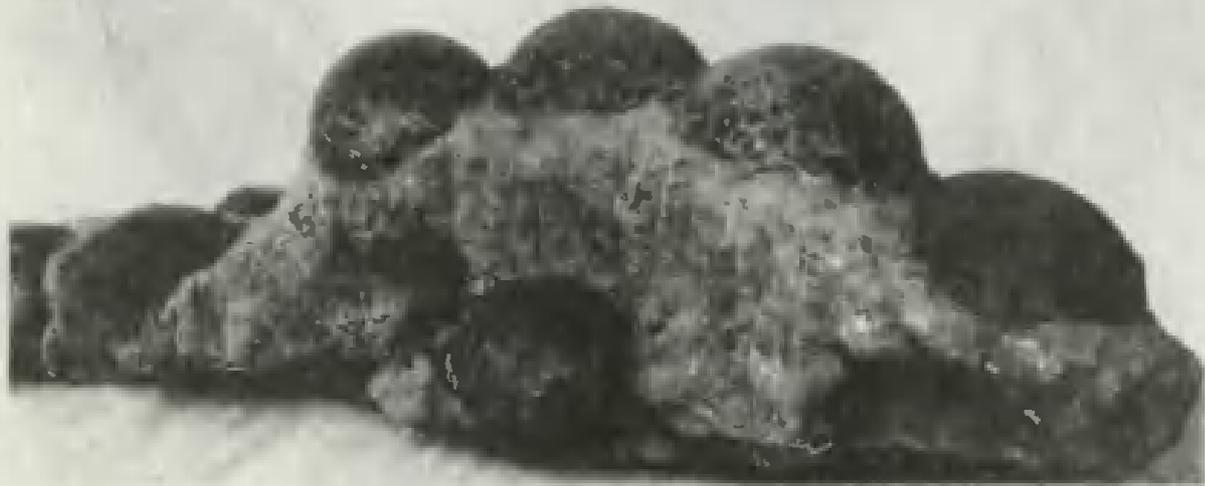
□ Как известно, для образования окаменелостей необходимы определенные условия, одно из которых заключается в том, что животное (яйцо, растение) после гибели сразу же должно быть засыпано землей. По мнению специалистов, закопанные в ил или в песок яйца динозавров не подвергались разложению. На их белок и желток оказывала воздействие минеральная соль, содержащаяся в подземной воде. Находясь в грунте миллионы лет, яйца постепенно каменели.

□ Такое большое количество кладок яиц позволило ученым понять, как же производились кладки. По всей вероятности, динозавр передними ногами рыл яму, оставляя в центре кучку земли, вокруг которой он и откладывал яйца. В каж-

□ дой кладке обнаружено более десятка яиц. Но сколько яиц мог снести динозавр за один раз, пока что не известно.

□ Найденные яйца динозавров представляют большую ценность как материал для изучения размножения динозавров и изменения природных условий столетиями лет назад. Всего в уезде Сися было найдено более пяти тысяч яиц! Все они находились в пласте, относящемся к меловому периоду мезозойской эры (около 140 миллионов лет назад). До этой находки во всем мире было обнаружено всего около пятисот яиц возраста 70 миллионов лет.

□ Найденные яйца имеют разную форму и величину: самое большое из них — 40 сантиметров, а самое маленькое — с гусиное яйцо. Обнаруженные яйца динозавров являются носителями важной информации. В связи с этим по решению китайского правительства был построен музей естествознания и открыт выставочный павильон окаменевших яиц динозавров.

В них обнаружили даже скелеты зародышей на разной стадии развития. Но весной 1993 года ученый мир был потрясен сенсационным сообщением о находке множества окаме-

Алексей Николаевич Жухов,
1913 год

Нина Гавриловна Жухова,
1915 год, после известия
о смерти А.Н. Жухова

Александр Шумилов

История Одной Эпитафии

Только на самой подробной карте найдете вы на западном побережье Таймыра это название — мыс Могильный. Десять — одиннадцать месяцев в году стоят здесь льды; полторы сотни километров до ближайшей полярной станции, восемьсот — до ближайшего поселка. Вот и не кладут на эту могилу цветы — некому. Покосившийся крест из плавника, медная табличка — фамилия, имя, отчество, даты рождения, смерти. И — неожиданно, неправдоподобно в этой ледяной пустыне — стихотворная эпитафия:

*«Под глыбой льда холодного Таймыра...
найдет покой измученный певец».*

Кажется, только крест, да еще одно название на карте — остров Жохова — хранят память об этой давней, уже забытой полярной трагедии, о лейтенанте русского флота Алексее Николаевиче Жохове.

Неспонятная трагедия, странная смерть. И эта эпитафия, написанная самим Жоховым задолго до смерти...

Еще в 1910 году начались работы Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана. Год за годом ледокольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач» вели опись огромного участка побережья — от мыса

Дежнева до мыса Челюскин. Участники экспедиции определили множество астрономических и магнитных пунктов, построили навигационные знаки, выполнили океанографические и метеорологические наблюдения. 1913 год ознаменовался крупнейшим географическим открытием — на карты лег восточный берег неизвестной ранее земли, обнаруженной к северу от мыса Челюскин, ныне — Северной Земли.

После окончания навигации ледокольные пароходы возвращались каждой осенью во Владивосток. Но в 1914 году они, продолжая опись берегов, должны были совершить сквозное плавание от Владивостока до Архангельска. К сожалению, ледовая обстановка оказалась крайне неблагоприятной, «Таймыр» и «Вайгач» вынуждены были зазимовать у западного побережья Таймырского полуострова, километрах в тридцати друг от друга. Во время зимовки скончался лейтенант Жохов...

Рассказывает врач ледокольного парохода «Вайгач» Э.Е.Арнольд: «Человек погиб, в сущности говоря, совершенно зря... Болезнь началась у него, безусловно, с нервного расстройства... Он перестал совершенно есть или ел совершенно несуразно, заявив, что он принципиально не хочет... С первых чисел января у него началось, в сущности, голодание. Чувствуя развивающуюся слабость, отвращение к жизни,.. он начал проводить все время в каюте... Так продолжалось почти весь январь. Наконец он до того ослабел, что в конце января совершенно слег в койку. Ко врачебной помощи, однако, он не желал обращаться... Видя, что здоровье его резко ухудшилось, я просил... убедить Жохова начать лечиться...»

Фельдшер «Вайгача» В.Г.Мизин: «Я предполагал — катар желудка. Мысль о нефрите была далека. 23 февраля отек легких и слабость сердца. Общее состояние становилось хуже. 24 февраля перед нами явления уремии (отравления). 26 февраля больной ослабел ... засыпая, бредил».

27 февраля с «Вайгача» радиовали начальнику экспедиции на «Таймыр»: «Лейтенант Жохов серьезно болен. Слабость сердца, острый нефрит, отек обоих легких. Случае необходимости Арнольд рассчитывает на любезное согласие Старокадомского проконсультировать».

С «Таймыра» ответили немедленно: «Мы очень огорчены болезнью Алексея Николаевича. Доктор выйдет при первой благоприятной погоде... Вилькицкий».

Доктор Старокадомский вместе с тремя матросами подготовил все необходимое: и для оказания помощи больному, и для нелегкого тридцатикилометрового перехода. Но приходилось ждать — при разыгравшейся пурге, во мраке полярной ночи (солнце поднималось над горизонтом всего на три-четыре часа) велика была опасность потерять ориентировку, пройти мимо «Вайгача».

28 февраля выйти в путь опять не удалось, ветер еще более усилился. А на следующий день с «Вайгача» поступила радиограмма: «В 11 часов утра скончался от уремии лейтенант Жохов».

Фельдшер В.Г.Мизин: «В 10 часов больной попросил переодеть его в чистое белье. Сознание не покидало больного. В 10 часов 50 минут деятельность сердца упала... Была впрыснута под кожу камфора. Выражение глаз изменилось, что говорило о потере сознания. Дыхание прекратилось. А сердце под действием камфоры все еще билось, как бы призывая организм к жизни, защищая и борясь со смертью, которая уже наступила».

Всего десять дней не дожид Жохов до своего тридцатилетия. Он готовился к смерти, в его каюте нашли стихи — эпитафию, которую он, как выяснилось, написал еще в октябре:

«Под глыбой льда холодного Таймыра,
Где лаем сумрачным испуганный песец
Один лишь говорит о тусклой жизни мира,
Найдет покой измученный певец.

Не кинет золотом луч утренней Авроры
На лиру чуткую забытого певца,
Могила глубока, как бездна Тускароры,
Как милой женщины любимые глаза.
Когда б он мог на них молиться снова,
Глядеть на них хотя б издалека,
Сама бы смерть была не так сурова
И не казалась бы могила глубока».

Можно ли предчувствовать смерть, ожидать ее? Наверное, можно, если смерть — избавление. Впрочем, оставим пока «если». Вспомните слова доктора Арнгольда: «Болезнь началась у него, безусловно, с нервного расстройства». С этим согласны все, кто писал об экспедиции, но вот о причинах нервного расстройства высказывались противоречивые и — теперь можно утверждать — неверные мнения.

Один из биографов Жохова дает самое простое объяснение: «зимовка подействовала на него угнетающе».

Доктор Арнгольд, который вообще-то недолюбливал Жохова, склоняется к такому же объяснению: «Жохов вообще отличался многими странностями, а перейдя к нам с «Таймыра», он был настолько нервно расстроен первое время, что даже раз с ним случился истерический припадок на мостике во время вахты... Затем он просто стал тяготиться своим пребыванием на «Вайгаче», так как чувствовал (да так оно и было), что не подошел к нашей кают-компани... Словом, почувствовал себя одиноким. Для таких же людей, как Жохов, одиночество является бичом, прибавьте к этому вынужденную зимовку и, я думаю, будет достаточно причин, чтобы нарушилось его душевное равновесие».

Нелюбимый неврастеник — таким рисует Жохова доктор Арнгольд. Однако дневниковые записи других офицеров явно противоречат этому мнению.

«...Веселый и общительный человек, хороший моряк и офицер», — пишет Старокадомский.

Всего недели за три до смерти Жохов послал на «Таймыр» две шуточные радиограммы.

6 февраля: «Команда футболистов «Вайгача» предлагает вам разыграть матч на первенство Ледовитого океана. Условия встречи телеграфом. Командир роты Жохов».

И 10 февраля: «С восходом солнца (14 февраля) у нас большой карнавал с церемониалом. Назначены призы за лучшие костюмы. Наша команда приглашает вашу на празднество. Командир роты».

Здесь надо, пожалуй, сказать, что хотя «Таймыр» и «Вайгач» были военными кораблями, но взаимоотношения между офицерами и командой были совершенно необычными для военного флота. Отчасти это объясняется тем, что и верхние, и нижние чины пошли в трудную полярную экспедицию добровольно и даже бескорыстно. Несомненно, что пережитые трудности — а их за пять лет было немало — сплотили экипаж. Несомненно также, что начальник экспедиции Борис Андреевич Вилькицкий многое сделал для создания доброй товарищеской атмосферы. Питание, например, было совершенно одинаковым и в офицерской кают-компании, и в столовой команды. Еще в самом начале зимовки Вилькицкий, отлично понимая пагубность безделья, отдал приказ о проведении систематических научных наблюдений. Для матросов были организованы специальные курсы по изучению географии, истории, математики, иностранных языков и так далее.

Один из офицеров экспедиции, будущий советский адмирал Алексей Модестович Лавров осенью 1914 года писал в дневнике: «...конечно, никто из нас не педагог, но надо рассчитывать, что занятия пойдут успешно, так как команда буквально жаждет, чтобы мы подзаялись с ними». И еще недели спустя: «опыт наших занятий с командой очень утешителен. Приятно заниматься, все они с большим рвением взялись за науку».

Также в приказном порядке Вилькицкий ввел ежедневные прогулки

и футбол на свежем воздухе. Как пишет Арнгольд, «...футбол у матросов пользовался наибольшей популярностью; даже в самые темные полярные ночи они играли с большим увлечением».

Не нужно, конечно, думать, что отношения между офицерами и матросами были совсем уж идиллическими. Лейтенант Транзе, например, ударил по лицу и выбил зуб одному из матросов. Бывали и другие случаи рукоприкладства.

Жохов, как командир роты на «Вайгаче», по долгу службы значительную часть времени проводил с нижними чинами. Возможно, он действительно «не прижился» в кают-компании, но матросы его любили.

«Матч на первенство Ледовитого океана», «карнавал с церемониалом» ... Нет, не вяжется все это с портретом неврастеника-одиночки.

Карнавал на «Вайгаче» состоялся 14 февраля. «Праздник прошел сверх ожидания весело. Все остались довольны», — записал в дневнике фельдшер В.Г.Мизин. А на следующий день Алексей Николаевич Жохов уединился в каюте — отказывался от пищи, отказывался от врачебной помощи. Только 19 февраля его осмотрел доктор Арнгольд: «Кроме обыкновенного бронхита и застойных явлений в нижних долях легких сзади, я решительно ничего не нашел, но общий вид у него был отчаянный». Всего через десять дней Жохов умер...

Очень немного написано о замечательных плаваниях «Таймыра» и «Вайгача». Можно сказать, что Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана с самого начала оказалась полузабытой. Даже крупнейшие географические открытия экспедиции остались почти незамеченными в грохоте мировой войны. Справедливо писал Руал Амундсен: «В мирное время эта экспедиция возбудила бы восхищение всего цивилизованного мира». Потом, после Октябрьской революции, многие офицеры экспедиции встали на сторону народа, еще долгие годы продолжали верно служить Родине. На картах, на бортах научно-исследовательских судов можно встретить имена крупнейших советских гидрографов Ф.А.Матисена, Б.В.Давылова, К.К.Неупкоева, профессора Н.И.Евгенова, адмирала А.М.Лаврова. Но многие офицеры, служившие на «Таймыре» и «Вайгаче», после революции эмигрировали — Б.А.Вилькицкий, П.А.Новопашенный, Н.А.Транзе, В.В.Нилендер и другие. Во многом по этой причине богатейшие научные материалы экспедиции до сих пор не опубликованы. По этой же причине ход работ, взаимоотношения внутри экспедиции излагаются зачастую предвзято, необъективно.

Имя начальника экспедиции, флигель-адъютанта, капитана 2-го ранга Бориса Андреевича Вилькицкого сохранено на карте нашей страны. Пролит Вилькицкого отделяет от материка архипелаг Северной Земли, который был открыт экспедицией, а группа островов Вилькицкого лежит к востоку от Таймырского полуострова. Уже находясь в эмиграции, Вилькицкий, по приглашению советских внешнеэкономических организаций, возглавлял третьи и четвертую советские Карские экспедиции. Потом — ирония судьбы — прославленный полярный исследователь долгие годы работал гидрографом в Африке, на реке Конго. Умер он в Бельгии в 1961 году, так и не успев воспользоваться полученным разрешением для возвращения на Родину.

В литературе именно Б.А.Вилькицкого нередко изображают злым гением Жохова. Врач Л.М.Старокадомский, который через три десятка лет, в 1946 году, опубликовал первую достаточно полную книгу об экспедиции, писал: «На «Таймыре» несколько лет плавал лейтенант Жохов... Его почему-то невзлюбил начальник экспедиции Вилькицкий, который не скрывал своего неприязненного отношения к молодому офицеру. Нам казалось, что Вилькицкий при первом удобном случае постарается от него избавиться. И мы не ошиблись: в начале навигации Жохова перевели на «Вайгач», а вместо него взяли с «Вайгача» лейтенанта Транзе. Перевод

сильно подействовал на Жохова. Он стал нервничать, часто впадал в мрачное настроение. От прежнего жизнерадостного Жохова, каким мы его всегда знали на «Таймыре», не осталось и следа. Он сделался угрюмым, молчаливым, чувствовал себя на «Вайгаче» совершенно чужим человеком. Постоянно держался особняком. Одиночество его очень угнетало».

Пожалуй, эти рассуждения порождены предвзятым отношением Старокадомского к эмигранту Вилькицкому. Кажется, у нас нет никаких оснований думать, что Вилькицкий «невзлюбил» Жохова, хотел «от него избавиться». Напротив, узнав в деле своего бывшего однокашника по Петербургскому морскому кадетскому корпусу (Жохов кончил его на два года позже Вилькицкого), начальник экспедиции после навигации 1913 года сделал лейтенанта Жохова своим ближайшим помощником — старшим офицером «Таймыра». Действительно, 21 августа 1914 года Вилькицкий понизил Жохова в должности, переведя его штурманом, командиром роты на «Вайгач». Но на это были серьезные причины, не зная которых Старокадомский, конечно, не мог.

4 августа «Таймыр» пришел на Аляску, в Ном. Здесь русские моряки узнали, что в Европе началась война. Под руководством Жохова корабль был подготовлен к боевым действиям — протерты орудия, палубная команда вооружена винтовками, проверены спасательные средства. Американский офицер, прибывший на борт «Таймыра», просил Вилькицкого как можно скорее уйти из Номы, так как немецкий крейсер, узнав, по-видимому, местонахождение русского военного корабля, спешил полным ходом на север. Но 11 августа, как планировалось, «Таймыр» выйти в море не смог, и виноват в этом был старший офицер А.Н.Жохов. По оплошности вахтенных, которые подчинялись непосредственно Жохову, якорные канаты безнадежно запутались. «Таймыр» вышел в море только через сутки. Конечно, это упущение в условиях военного времени было очень серьезным. Вилькицкий не мог не наложить на Жохова достаточно строгого дисциплинарного взыскания, а Жохов, пусть и обиженный, не мог не понимать правоту начальника экспедиции...

В семидесятых годах какой-то ненец, оставшийся неизвестным, передал на полярную станцию Тикси письмо П.Новопашенного, командира «Вайгача». Вероятно, он передал это письмо кому-то из офицеров, эвакуированных с ледоколов Бегичевым и Свердрупом. По-видимому, это письмо было утеряно во время перехода на оленях к «Эклипсу» или даже к Дудинке. Оленья почта местных аборигенов через шесть десятков лет все же «доставила» письмо Новопашенного в цивилизованный мир. Адресат — жена Новопашенного — давно скончалась, конечно, но письмо командира Вайгача, подробно рассказывающее о быте экипажей ледоколов, и теперь, многие годы спустя, не утратило интереса для историков.

О Жохове, о смерти его Новопашенный пишет подробно: «Жохов был веселый, сильный и жизнерадостный человек. Он любил команду, и она его тоже. Он был душой всех развлечений и отдался им целиком. Уже в карнавале (который проводился в день появления солнца — 1(14) февраля) он почти не принимал участия. Так он был здоров, его съела какая-то внутренняя болезнь. Доктор осмотрел его, но положительно ничего не нашел. 8-го у него пропала моча, и с этого дня его положение быстро пошло к худшему. Острое воспаление почек, затем отравление мочой и через неделю смерть. Она всех нас поразила страшно. Если бы во Владивостоке или в Питере меня спросили — кто у нас самый здоровый, то я без всякого колебания назвал бы Жохова. Да так и все считали, а потому его смерть была полнейшей неожиданностью. Команду она прямо напугала...

Скоро сделали гроб. Как умели, отпели его, и тело отправили на «Таймыр». От него всего пятнадцать верст до берега, и наша команда, живя на корабле, ходила на берег рыть могилу. Через неделю его похоронили. Он точно чувствовал смерть, и еще когда никто и не подозревал в нем болезни, то есть в ноябре, он написал завешание и стихи, которые просил вырезать на медной доске и прибить к кресту. Он вообще очень недурно писал, и эти стихи вышли у него хорошо. Он перед уходом в плава-

ние сделал предложение и был женихом. Любили они друг друга давно, с окончания корпуса — то есть восемь лет — и их роман должен был закончиться по возвращении из этого плавания. Вот тяжелый удар для его невесты».

В Арктике широко распространилась романтическая версия гибели Жохова. В.Н.Купецкий через столетия писал: «Есть основания предполагать, что это (нервное) расстройство у А.Н.Жохова началось еще до ухода в последнее плавание 1914/1915 годов в связи с серьезными семейными неприятностями. Родные А.Н.Жохова отрицательно относились к его невесте, оставшейся в Петрограде, и всячески противились браку».

О невесте Жохова очень неопределенно и с чьих-то слов вспоминал Николай Иванович Евгенов, бывший гидрограф «Таймыра». Но он умер в 1964 году, а Леонид Михайлович Старокадомский — в 1962 году. Не осталось в живых никого, кто мог бы рассказать о таинственной невесте лейтенанта Жохова...

Сколько уже говорилось и писалось о личных архивах. Зачастую в них хранятся (и зачастую безвозвратно пропадают) бесценные документы, письма, воспоминания. К счастью, личный архив доктора Старокадомского был своевременно принят на государственное хранение в Центральный государственный архив народного хозяйства.

С волнением читали мы строки письма:

«Дорогой Леонид Михайлович, только в конце декабря 1949 года, и то совершенно случайно... попала ко мне Ваша чудная книжка об экспедиции «Таймыра» и «Вайгача».

Боже, как я была рада те несколько дней, что она была у меня, я с нею не расставалась. Много, многое так мне знакомо, как будто бы я была сама на ледоколе. Я вновь все пережила, не скажу что забытое, потому что все это так дорого моему сердцу, что я ничего забыть не могу и постоянно возвращаюсь вновь и вновь к тем временам.

Я — Жохова Нина Гаврииловна, кузина и невеста Алексея Жохова» ...
Жохова! Кузина и невеста!

В 1915 году Н.А.Транзе, близкий друг Жохова, передал ей листок со стихами — с эпитафией. Наверное, шадя Нину Гаврииловну, он ничего не рассказал ей о последних днях Жохова. Через тридцать пять лет она узнала правду, через тридцать пять лет она все поняла.

«Читая описание смерти Алексея, я снова остро пережила давно прошедшее. Ведь он, уезжая, сказал мне: «Раз дядя (это мой отец) так против нашей свадьбы, говоря, что не следует из-за близкого родства нам соединяться, я решил, что если действительно это так, то тебя судьба пощадит и мы не встретимся. Если так надо, я захвораю и ни в коем случае не буду лечиться и обращаться к врачу, пусть судьба сама укажет путь».

И вот, читая Вашу книгу, я увидела, что он так и поступил, я пережила все снова, два-три дня я была выбита из колеи, я не могла ни работать, ни спать. Так остро все встало вновь...».

Тридцать пять лет она видела в строках эпитафии только поэтические образы, а в них билась непроходящая безысходная боль. «Когда б я мог на них молиться снова, глядеть на них хотя б издалека» ... Когда б он мог ...

Тихая ночная квартира на улице Восстания в Ленинграде. Прижалась лицом к книге одинокая, так никого и не полюбившая женщина. Прожитое и пережитое, многое позади. У нее остались только письма, фотографии, остались воспоминания.

«Мне 60 лет. Работаю двадцать пятый год в больнице Куйбышева: это одна из крупнейших больниц города (бывшая Мариинская). По образованию я филолог, но преподавать я не любила и в 14(15?)-м году сбежала из школы, где я была заведующей, в Госпиталь сестрой. Сейчас я заведую медицинск/ой/ канцелярией и старш/ий/ статистик. Работы очень много,

устаю так, что к концу дня не могу говорить. Трудно мне еще оттого, что я страдаю отосклерозом. А после того, как я в течение всей блокады была донором, слух резко ухудшился. Ну да, думаю, уже не долго осталось мучиться».

Совсем немногое знали мы об Алексее Николаевиче Жохове.

Родился в Костроме 26 февраля 1885 года, окончил Петербургский морской кадетский корпус в 1905 году, служил на различных военных кораблях, в 1912 году добился откомандирования в Гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана.

Только безликая схема, набросок жизни. По письмам Нины Гавриловны (сохранилось три письма) мы как бы впервые знакомимся с Жоховым, узнаем его.

«У Алексея были свои странности, но все же это был очень интересный, содержательный человек, далеко не банальный и, главное, честный и порядочный человек. К сожалению, он был слишком прямой человек, частенько несдержан, а подчас и грубоват, особенно с начальством. С подчиненными он был изумительно хорош и выдержан. Знаю наверно, что команда его очень любила. К сожалению, у меня не осталось фотографий, которые ему присылали матросы с Авроры и друг/их/ /кораблей/ с трогательными надписями вроде: «нашему орлу» и так далее.

...Может быть здесь уместно было бы припомнить, что Алексей Николаевич является родным правнуком Гавриила, а следовательно, и Геннадия Невельских.

Мой отец и мать Алексея Николаевича были детьми Екатерины Гавриловны, урожденной Невельской (дочь Гавриила Невельского), вышедшей замуж за М.Я.Жохова.

Мой отец Гавриил Михайлович Жохов, как единственный наследник Гавриила и Геннадия Невельских (у них были дочери), был по Высочайшему приказу отдан в Морской корпус. Но мой папа плохо сживался с военной дисциплиной и по окончании корпуса поступил в Университет. Много позднее, когда подрос мой брат Леонид, снова был запрос из Морского ведомства, но у брата были слабые глаза и он не мог попасть в Морской корпус; тогда обратились к родителям Алексея и он был взят в Морской корпус.

Как видно, Алексей унаследовал некоторые черты характера от своего прадеда: его непокорность, его честность, его служение долгу, его, пожалуй, неуживчивость и требовательность к начальству.

Нерешительность в большом деле, неуверенность в действиях, карьеризм были для Алексея неприемлемыми чертами характера»...

«У меня сохранился целый ряд фотографий, писем и стихов Алексея», — читаем мы в одном из писем Нины Гавриловны.

Еще важнее свидетельство Н.А.Транзе: «Жохов был большой поэт, и еще в Морском корпусе он писал стихи и посылал их в периодические издания под разными псевдонимами, где никогда не отказывали ему в печатании их».

К сожалению, нам не удалось разыскать публикаций Жохова. В словаре псевдонимов его фамилия не упоминается, видно, его псевдонимы до сих пор не расшифрованы. Но хочется надеяться, что мы еще прочитаем его стихи...

«Под гнетом льда холодного Таймыра...»

Стоит, покосившись, крест на мысе Могильном. Фамилия, имя, отчество, даты рождения, смерти. Только эпитафия стала понятней, человечней. Все же приятно думать, что пусть не сейчас — раньше, но только не в сказке, а в жизни, кто-то от любви умирал. ●

Александр Васильевич ШУМИЛОВ — давний автор журнала, кандидат географических наук. Занимается историей географии, особое внимание уделяет истории освоения Арктики. Один из организаторов клуба «Приключение», руководитель российско-датской экспедиции, отыскавшей могилу В.Беринга через 250 лет после его кончины.

Валентина Чеснокова

АТЛАНТЫ В ЮБКАХ

Мои родственники. «Возможны варианты»...

К. Малевич. Эскиз к картине «Жатва»

С окончанием войны дом, который мама арендовала у одной знакомой женщины, понадобился ей самой. Опять встала проблема жилья, и опять на помощь пришли, как и в самом начале войны, родственники: тетя Таня и ее муж, которого она сама называла «батька» и так же называла моя мама (и в отличие от которого отец Михаил назван был «батькой всехошным»). Батька со своими старшими сыновьями перестроил стоявшую в его дворе бревенчатую «амбарушку» в маленькую четырехстенную хатку, в ней сложили плиту, стены обмазали глиной и побелили. И мы поселились в ней. Здесь прожили мы года четыре.

Снова контакты мои с родственной группой стали очень тесными и повседневными. И снова я отка-

залась в нее включиться. Но на этот раз уже не возмущалась, не переживала отдельные столкновения как «несправедливость» по отношению ко мне. Я все отчетливее понимала, что мы с мамой, с одной стороны, а тетя Таня со своей семьей, с другой, — это два разных мировоззрения, две разные системы убеждений. А следовательно, и в поведении, и в оценках друг друга мы можем и должны не совпадать.

Из разных систем убеждений вытекают разные следствия. Следствия, вытекавшие из системы убеждений «той» стороны, мне не нравились.

Это был 1946 год. Как раз из армии вернулись старший сын тети Тани Анатолий и старшая (вторая) ее дочь Юля. Юле было тогда двадцать три года, работать пошла лет пятнадцати, и поскольку специальность ее — телефонистка — была «военной», она тоже попала в армию. Правда, всю войну она прове-

* Продолжение. Начало — в №№ 8, 9 за этот год

ла где-то под Москвой, в авиационной части, но тем не менее носила военный мундир и считалась бойцом.

Юлька приехала одна, а Анатолий привез из армии себе жену Тоньку.

Вот тут и начались некоторые «следствия из убеждений»; я их наблюдала вблизи и утвердилась в отрицании всей этой системы убеждений.

Тетя Таня невзлюбила Тоньку. Побывавшие в армии женщины вообще вызывали к себе (во всяком случае, в таких поселениях, как наше) какое-то полозрительное отношение. Чем оно было вызвано, я совсем не понимала тогда (в некоторых сторонах жизни я и до сих пор ориентируюсь весьма слабо). Но мне кажется, что если бы и понимала, то не могла бы признать эту причину достаточной. Для меня они были людьми, требовавшими, наоборот, особенно бережного и нежного отношения, особенного уважения: ведь они были на фронте, там же, где был мой отец, где они, по моим представлениям, ежедневно, ежеминутно рисковали жизнью... Теперь, когда война кончилась и будущее должно было быть лучезарным, им следовало создать особые, очень хорошие условия. Ведь это они его отстояли, отвоевали и прочее. В общем, мои представления полностью черпались из литературы, из официальных заявлений, в которые я верила.

Но тетя Таня хотела для своего первенца совсем не фронтовой жены. Я думаю, она его любила больше всех других своих детей. Наверное, эта особая любовь шла еще от времен, когда «батька» строил Турксиб, а она была одна и этот десятилетний мальчик, старший сын, был для нее единственной опорой: и моральной, и чисто физической. Ему пришлось выполнять нагрузку не по летам; видимо, с тех пор у тети Тани остались и чувство жалости к его трудному детству, и особая привязанность к нему.

— Такая страшная была гроза, — рассказывала она раз маме и нам всем, — дождь так и хлещет, молнии — одна за другой, одна за другой, и грохот такой, что за два шага ничего не слышно. Господи, думаю себе, где же мой Анатолий (она все-

гда называла его полным именем: Анатолий), что там с ним... И вдруг вижу: идет мой Анатолий и ведет за собой коня (он был за этим послан еще до того, как началась гроза). А гром как ударит-ударит, конь на колени падает. А Анатолий вцепился в уздечку, весь дрожит и плачет навзрыд, но не выпускает из рук. И опять тянет коня за собой... Ведь вот, — добавила в этом месте тетя Таня, — любой бы взрослый испугался и убежал, а он нет. Сам плачет, плачет, а коня ведет за собой: Орлик, уговаривает его, Орлик, пойдем, Орлик, пойдем... — и голос тети Тани начинал дрожать.

Нет, она не могла относиться к нему, как к остальным детям. Я думаю, она уже настроила в своем воображении планов на его будущее, которое компенсировало бы его прошлое и вполне соответствовало бы его исключительным, по мнению тети Тани, личным качествам. Я помню, с какой гордостью и с каким убеждением она сказала один раз (когда бурно выяснялся вопрос, кто «завалился прямо в грязной обуви на кровать и оставил на одеяле грязные следы): «Анатолий — аккуратист, я же знаю, он никогда не ляжет с грязными ногами на чистое...» И так во всем. Анатолий был просто идеал.

А Тонька была фронтовая жена. И потом при случае вдруг выяснилось, что Тонька иногда ругается матом. Для тети Тани это было потрясение, ведь сама она никогда не употребляла даже слова «черт». Она говорила в соответствующих случаях: «Ах, лихо возьми!», «Нечистая сила!». И это были самые сильные ругательства в ее лексиконе. Короче, тетя Таня Тоньку невзлюбила, и Тонька чувствовала себя плохо и одиноко в этой семье (а жили они все вместе, в одном доме). Я помню, она иногда приходила посидеть в нашу хатку. Наверное, она ощущала другое отношение к ней моей мамы, может, были даже какие-то акты поддержки, я не знаю. Но она приходила и порой долго беседовала со мною, подростком, о том и о сем. И я чувствовала, что там ее обижают, что ей плохо. И я была на ее стороне. А Анатолию, наоборот, не прощала тогда начинавшееся пьянство.

Я, конечно, вовсе не могла себе представить, какие разочарования, перевороты сознания и прочее они пережили там, на этом самом фронте. Какую переоценку ценностей и ломку убеждений. Все это я начала понимать много позднее, когда получила доступ к информации о событиях, судьбах и поступках на войне, несколько иных, чем то, что выдавала нам официальная литература и пропаганда. И не могла я достаточно хорошо осознать, как должен был отразиться на Анатолии тот факт, что он вернулся с войны хромым. Он был два раза ранен в одну ногу, и кусочек кости просто выпал, одна нога стала короче другой. И потому пьянства его я не могла ни понять, ни простить.

А тут еще сама Тонька напилась пару раз в общих компаниях допьяна, что окончательно заклеимило ее презрением в семье мужа. Существование ее стало невозможным, приехали родители и забрали ее вместе с маленькой дочуркой, которая между тем успела родиться.

Я была возмущена. Я не понимала, почему пьянство Тоньки оценивают совсем иначе, чем пьянство Анатолия. Думаю, если бы тетя Таня могла лучше сформулировать свои мысли, она могла бы сказать мне на это: «Потому что в редкой русской семье мужик не пьет. И это довольно привычная модель. Все держится тогда на бабе. Но если и баба тоже пьет — это катастрофа». Думаю также, что я бы ни тогда, ни теперь с этим доводом не согласилась. Если женщина хочет героически тянуть на себе семью, быть единственной ее опорой и создавать благополучие вопреки пьянице-мужу, это — ее личная заслуга, ее можно за это уважать, награждать орденами и общественным олобрением. Но требовать, чтобы она обязательно на себя брала именно такую судьбу, и порицать ее за то, что она такой судьбы не хочет, это уж — извините, никто не имеет такого права. «Но иначе, — сказала бы мне тетя Таня, — сегодня не может существовать семья, не могут воспитываться дети... Иначе все это рухнет...»

Тогда-то бы и выяснилось основное расхождение наших ценностей. Я бы на это ответила без малейшего

колебания: «Ну, значит, туда ей, семье, и дорога...». А для тети Тани вне семьи, вне воспитания детей, вне своего хозяйства вообще нет женщины и ничего нет. И отсюда ее требование к женщине — быть опорой и центром семьи. В этом для нее смысл жизни, в этом для нее было счастье, и вся жизнь как таковая могла заключаться только и исключительно в этом. Все же остальное — ерунда, заменители, паллиативы. Все остальное — это было несерьезно.

Я же, а еще ранее меня моя мама, мы никогда не претендовали на эту роль атлантов при муже-пьянице. Для нас это был один из возможных вариантов жизни, причем не самый лучший и не самый желательный.

Здесь надо еще отметить немало-важный факт, что в то время, когда подрастала я, и в тех условиях, которые я описывала как «продукты распада», роль женщины-героини, полагающей всю жизнь на семью свою и полностью в ней растворяющейся, в сильной степени уже не оправдывала себя. Она не давала женщине компенсации, ощущения хорошо и не напрасно прожитой жизни. Она несла с собой слишком много обид и огорчений. Разъедающее старую модель начало самоуважения, личного достоинства пробило себе дорогу в сознание этих будущих героинь и атлантов на семейном поприще. И оно мешало в дальнейшем полностью раствориться в семье. Кроме того, и чисто физическая нагрузка становилась совершенно невыносимой: ведь в мое время уже фактически не было женщин-домохозяек. Все работали. А домашнее хозяйство в таких поселках, как наш, требует всего рабочего времени и буквально всех сил от женщины. Где же их взять еще и на работу, за которую платится зарплата? А без дополнительной зарплаты тоже не обойтись.

Во времена, когда тетя Таня совершала свои семейные подвиги, ничего этого еще не было. Она сама всегда была только домашней хозяйкой, «батька» работал один. Правда, хозяйство большое: две коровы, свиньи, овцы, а в прежние времена — еще и лошадь. Покосяки становились целым событием года. Огороды были обширны и в не-

скольких местах. Каждый год делали специальные грядки для огурцов, выращивалась и высаживалась рассада помидоров. Заготавливались на зиму грибы, капуста, всякая овощь. Зимой пряли шерсть, настриженную с овец, летом на неделю или две тетя Таня ездила в деревню, где были кросна, и ткала там половики. Она могла бы также в случае необходимости ткать и холсты. В войну, когда доставали муку, она пекла в печи хлебы. В общем, день ее был загружен до предела, она «крутилась» чуть не целыми сутками, и ей все равно не хватало времени.

Ребятишки вечно ходили в чем-то бесформенном и грязном. Попробуй обстирать и обштопать восьмерых! Воспитание выражалось, с одной стороны, в возгласах: «Ай-да Волька! Вот молодец!», а с другой — в шлепках и колотушках. Бесед по душам, каких-то неторопливых рассказов, подобных «сказыванию сказок» в прежних деревнях, я не помню совсем. Это считалось функцией старшего поколения — дедушек и бабушек, каковых тут не было. Тетя Таня вечно в спешке, в хлопотах — при том, что она не обречена была еще разрываться надвое: между работой, на которой хочешь — не хочешь, а надо отбыть восемь часов, и домашним хозяйством.

К тому же «батяка» Соболевский совсем не пил. Конечно, он выпивал на праздники и становился при этом таким разговорчивым-разговорчивым, но в полном смысле слова не «напивался» никогда. В общем, с мужем тете Тани крупно повезло. Здоровья и силы он был необычайных. Огромного роста (в первую мировую войну он служил в гвардии), видимо, довольно приглядный в молодости, он, по рассказам, иногда изменял-таки жене, но покинуть семью ни разу не решился.

Он был спокойного, скорее флегматичного темперамента и воспитанный не в русской, а в польской семье. Терпеть не мог скандалов, криков и истерического «выяснения отношений», характерного для русских деревенских баб. Попадая в такую ситуацию, он терялся, замолкал, старался «утихомирить»

стороны. Когда тетя Таня устраивала всеобщий «разгон», кричала на всех, кто подвернулся ей под руку, колотила ребятишек и швырялась разными вещами, «батяка» сидел где-нибудь в стороне безмолвно, иронично наблюдая за «расходившейся» супругой и вовсе не реагируя на ее выкрики типа: «Ну, что сидишь, глаза вытаращивши? Взял бы сделал то-то и то-то...» Только потом, когда напряжение спадало и тетя Таня утихомиривалась, он иногда, лениво разогнув спину, шел и делал «то-то и то-то».

Зато когда он выходил из себя, это уже означало конец света. Тогда все разбегались и прятались, и тетя Таня умолкала и пугалась. Юлька рассказывала, что когда один раз, вняв воплям матери, отец решил «проучить ее» и кинулся за дочерью с кнутом в руках, она упала в обморок от страха. Именно потому, что из себя вышел отец. «Если бы мама — это что! Но когда я увидела, что папа за мной бежит, у меня ноги отнялись от страха...»

Я думаю, он был примиряющей стороной в спорах мамы с тетей Таней по разным жизненным вопросам. Я к нему относилась хорошо. Не помню, чтобы между нами были вообще какие-то расхождения. Впрочем, не было и особого сближения. Я признавала его авторитет. И все его признавали. А авторитет требует некоторого отдаления. И «батяка» Соболевский, будучи благожелательным ко всем, всегда безошибочно поддерживал эту дистанцию, необходимую для выполнения функции «главы семьи». Мы также входили с мамой каким-то боком в эту семью, особенно когда жили на их дворе и признавали его своим главой, по крайней мере номинально.

Однажды в день рождения, когда мне исполнилось, наверно, шестнадцать лет, «батяка» ранним утром, до моего пробуждения, увил наше крыльцо ветками березы, все, снизу доверху. Этот случай я помню до сих пор, и всегда, когда вспоминаю это, меня буквально заливают чувство нежной благодарности за единственный его яркий жест по отношению ко мне лично. Других не помню. Впрочем, и была я тогда еще просто «сморчком». Гораздо

больше могла бы рассказать мама, я думаю, но все как-то не было у нас времени на воспоминания.

С таким мужем, полагаю, быть опорой и центром семьи не то что легко, но можно. Во всяком случае, это как-то окупуется. И тетя Таня была опорой и центром. К этому же готовила своих дочерей. И не представляла, что можно готовить их к чему-то еще другому.

— Куда ты ее учишь? — кричала она на мою маму (по моему, разумеется, поводу). — Зачем это все нужно девке? Попомнишь мои слова: будет она всю жизнь на твоей шее сидеть!

Юлька успела проучиться не то шесть, не то семь лет. И только она вернулась из армии, как началось выдавание ее замуж.

— Мать вас всех должна кормить?! — кричала тетя Таня. — Откуда у меня силы!

Юлька выскакивала из дома в слезах. Всегда веселая, всегда работающая, покорная и самой малостью довольная Юлька!

• Как я уже говорила, к девушкам, вернувшимся из армии, относились как-то подозрительно. Наверное, агрессивность тети Тани была вызвана и этой причиной тоже: страхом, что девка вообще не выйдет замуж. Юлька нашла себе мужа. Очень была рада «выскочить» за него и избавиться наконец от попреков и от угрозы остаться в старых девах. И потом всю жизнь мучалась со своим алкоголиком Фелькой.

Он много зарабатывал, работой был обеспечен сверх головы: у него были золотые руки, и долгое время никто в поселке, кроме него, не умел чинить телевизоров. Но пропивал все начисто. И семья существовала всегда исключительно за счет Юлькиного заработка и хозяйства, которое все держалось на Юльке же. Она не могла часто доверить Федору дежурство при аппаратуре на радиоузле и дежурила ночами за себя и за него. (Жили они на радиоузле же, в комнатке за аппаратурой.)

Сейчас мучается постоянными, непрекращающимися тяжелыми мигренями, с которыми не могут справиться ни медицина, ни химия, ни ежегодные направления на Озерокарачинский курорт. Она вырос-

тила троих дочерей (все учатся в вузах сейчас!), но на мать была обижена: «Мамочка поспешила меня выставить из дома!» — это я услышала от нее раз в состоянии расстройств. Каждый раз, когда я приезжала в Называевскую, она спрашивала меня: «Не вышла еще замуж? И правильно делаешь! Не выходи, иди оно все к черту!»

И точно тем же возгласом заканчиваются разговоры мои с другой сестрой, Тamarкой. Она была четвертой в семье тети Тани. Ей грозила та же судьба, но она спаслась бегством: после седьмого класса уехала в Омск на какие-то медицинские курсы. Мать была верна своему принципу и почти не помогала ей. Та ходила в одних дырявых валенках, без белья, спала чуть ли не на полу, но домой упорно не возвращалась. Окончив, завербовалась в Магадан и работала там лет двенадцать или пятнадцать. Замуж долго не выходила, вышла только лет в тридцать за уважаемого человека, главврача больницы, который был старше ее на десять лет. И создала себе благополучие.

Но все равно, встретившись со мной, говорит: «Не выходишь замуж? Правильно. Делаешь! Зачем это нужно?»

Нет, молодое поколение женщин в наших поселках — продуктах распада — не ощущало удовлетворения от той роли атлантов, которую возложила на их плечи судьба при активном или пассивном содействии родителей, убежденных, что девку надо не учить в разных там школах и институтах, а быстрее выдавать замуж, иначе старой девой останется. Эта «старая дева» для них самих была истинным пугалом. И они давили на своих дочерей возможностью такой перспективы. А что понимают девчонки?

Только потом, когда на их плечи все это свалилось, они стали соотносить, сравнивать и, наверное, не раз подумали: а что уж такого страшного в этом положении старой девы? У нас в поселке, конечно, положение это было жалким и противным: каждый мужик будет к тебе приставать, и каждая баба, ревнующая своего мужа и убежденная в том, что на такую ценность, как ее мужик, любая бросится, бу-

дет бегать бить тебе окна, по поводу и без всякого повода, все во всем тебя будут подозревать и за тобой всячески следить, строить предположения и взахлеб обсуждать их между собой, так что в конечном счете уже совершенно невозможно будет отделить то, что кто-то видел «своими глазами», от того, что кто-то предположил на основании весьма сомнительных исходных данных, сплетни и клевета будут окутывать тебя плотным слоем и клубиться вокруг на много километров... Все это так. Но ведь можно уехать... Да, нужно было уехать! Но уезжать нужно было вовремя.

Я потому так пристально рассматриваю здесь этот другой вариант женской судьбы, что он мог бы стать и моей судьбой, если бы я родилась в семье тети, например, или бы осталась в ней в результате какого-нибудь несчастья с матерью. Во втором случае это была бы для меня истинная трагедия, ибо мама с самого, видимо, рождения моего прививала мне совсем другое отношение к жизни.

А пока что подростком я могла наблюдать и сравнивать. И некоторые последствия тетитаниной «политики» мне сильно не нравились. Ее модели жизненных целей терпели крах, судьбы ее детей «не складывались». Анатолий «пил горькую», женился и разводился без конца, выгонял своих жен, пока не докатился до того, что жены стали выгонять его. Он опустился, ходил грязный и оборванный, а в последние годы жизни тети Тани его часто видели валяющимся под заборами в грязи: это уже была последняя степень падения даже в глазах самой тети Тани.

Муж Юли, Федька, также пил горькую и постепенно превращался в алкоголика. Хотя он Юльку не бил и не выгонял (однажды только сделал такую попытку), а напротив, часто плакал перед нею пьяными слезами и каялся, Юлька также ощущала свою жизнь «исковерканной». И однажды тетя Таня сама видела такую картину, которую потом передала моей маме со слезами на глазах: «Идет Федор пьяный-препьяный, качается, а Зиночка (дочка Юли) идет рядом с ним, держит его за руку и говорит: пойдём

домой, папа, пойдём домой, а он все лечь хочет или в сторону куда-то свернуть, а она его домой ведет и приговаривает: нет, пойдём домой, тут грязно, нехорошо».

Зиночке было в то время лет пять. А в семь лет она уже вставала в пять часов утра, когда мать была на дежурстве, чтобы выгнать в табун корову. Ставила будильник и вставала с полным чувством ответственности и с сознанием того, что никто за нее этого не сделает, так как отец лежит пьяный, а мать дежурит в радиоузле (к тому времени они жили уже не в самом радиоузле, а на другом конце поселка в собственной избушке). «Господи, — говорили бабы, — гонит эту корову кнутом, такая ж кроха, дите совсем, ей бы спать да спать еще, в постели нежиться». Золотое детство...

Второй сын тети Тани пошел работать тоже после семи или восьми классов, работал монтером на линии, попал под поезд и лишился ступни. И больше не работал. Был инвалидом, получал какие-то гроши, зарабатывал на жизнь охотой на уток (кругом поселка были болота). Пил много и хватил как-то раз, видимо, метилового спирта. Некоторые из тех, кто пил с ним, умерли сразу, один ослеп. А он через несколько лет умер от цирроза печени. Перед этим женился, и жена осталась с тремя детьми мал мала меньше.

Я была в курсе обид и огорчений всех старших детей, свидетелем всех «схождений» и «разводов», битья жен, обливания их грязью, «выгонянья» их из дому по многу раз, пьяных драк, диких оскорблений, унижений. И пьянства, пьянства, пьянства бесконечного, беспробудного, унылого, до полного затмения сознания.

Нет, убеждение тети Тани, что нужно не учить детей, а поскорее пристраивать их к делу, явно не оправдывалось: оно вело к фатальным последствиям. (Между прочим, все мои двоюродные сестры и братья, которые живы и не спились, учат своих детей и отнюдь не стремятся их выдавать замуж или женить, то есть ведут как раз ту политику, которую вела моя, а не их собственная мать.) ●

Ольга Дмитриева

«Глориана»

Портрет Чарлза Ховарда,
лорд-адмирала

Портрет Ф. Дрейка

Восшествие на престол Елизаветы означало выход Англии из-под влияния католической Испании и возвращение на стезю государственной независимости и протестантизма. Это придало мощный импульс национальным чувствам англичан. Однако, восстанавливая англиканскую церковь, королева действовала крайне осмотрительно, дабы не вызвать религиозного раскола в обществе и сохранить гражданский мир. Отвечая тем, кто подталкивал ее к дальнейшим реформам в церкви и уничтожению «папистских пережитков», Елизавета однажды заявила: «Лучше я тысячу раз отстою католическую мессу, чем позволю совершиться тысяче преступлений во имя ее отмены». В первое десятилетие ее правления Елизавете удалось привлечь на свою сторону протестантов, но и не оттолкнуть католиков и тем самым сохранить Англию как «тихую гавань» в раздираемой религиозными распрями Европе.

Наряду с религиозной толерантностью и умелой пропагандой, снискавшей ей необыкновенную популярность в на-

роде, успех полувекового правления Елизаветы был обеспечен ее дальновидной экономической политикой. Она стала одним из первых европейских монархов, осознавших необходимость покровительства национальному производству и торговле. Как расчетливая хозяйка, она поддерживала любые начинания, сулившие прибыль ее подданным и казне: даровала патенты изобретателям технических новшеств, поддерживала паевые товарищества для разработки полезных ископаемых и производства металлов, привлекала иностранных мастеров-эмигрантов из католических стран, которые, осев в Англии, принесли сюда свои навыки в горном деле, мыловарении, изготовлении бумаги, стекла, зеркал, кружев, новых видов тканей. Ее поддержкой пользовалось и английское купечество, вывозившее из страны важнейший национальный продукт — сукно.

Бурный рост производства в шестидесятых — семидесятых годах XVI века и торговая экспансия Англии поставили страну перед новыми внешнеполитическими проблемами: ей явно становилось тесно в пределах небольшого острова.

* Продолжение. Начало — в №№ 8, 9 за этот год.

*Елизавета. Портрет на фоне
гибнущей Армады*

Когда Генрих VIII назвал себя императором, он понимал под этим нечто совершенно отличное от того, что вкладываем в понятие «империя» мы сегодня. Генрих имел в виду, что английский монарх абсолютно независим от других иностранных властителей, и сам по себе есть высшая суверенная власть. Елизавета в течение всей жизни сделала немало, чтобы Англия превратилась в империю в современном смысле этого слова. По какому-то непостижимому, но чрезвычайно счастливому стечению обстоятельств ее интерес к морю, людям моря, вояжам в неведомые земли совпал с пробуждением ее нации и осознанием себя как морского народа.

Удивительно, что это произошло в царствие женщины, а не при ее отце или деде. Англии, казалось, самим Богом было определено стать морской державой: остров изобилует прекрасными гаванями и портами. Приморские графства, в особенности юго-западный берег — Дорсет, Девон, Корнуолл, поставляли поколения моряков, рыбаков и пиратов. Торговые корабли сновали через проливы на континент, увозя из Англии ее исконные товары — шерсть, сукно, олово и свинец, квасцы, пшеницу, и доставляли на остров немецкие и французские вина, фламандские ткани и итальянские кружева. Однако все это были каботажные плавания — в виду знакомого берега, в тесноте Северного моря и проливов, в крайнем случае — в хорошо разведанном Средиземном море.

Когда для Европы пробил великий час океанов — наступила эпоха великих географических открытий, и другие страны — Испания и Португалия — устремились исследовать и завоевывать Новый Свет, англичане по-прежнему пребывали в полудреме. Колумб открыл Америку, Васко да Гама исследовал побережье Африки и пути в Индийском океане, географические карты перекраивались ежегодно, и земля на глазах приобретала из плоской шарообразную форму, благодаря кругосветному путешествию Магеллана, а в Англии этот ажиотаж не находил никакого отклика.

Нельзя сказать, что два Генриха — VII и VIII — полностью игнорировали проблему. Оба поощряли морскую торговлю, первый, по существу, создал королевский флот, второй заботился о нем и довел его численность до ста прекрасных кораблей, но они предназначались для войны с Францией, а не для дальних

плаваний и открытий. Только итальянцу Каботу удалось исторгнуть из Генриха VII немного денег, чтобы исследовать в интересах Англии побережье Северной Америки, и он открыл для нее Ньюфаундленд с прекрасными рыбными промыслами. Но это скромное достижение было никак не соизмеримо с успехами других держав.

Что-то постепенно сдвинулось в сознании англичан при Эдуарде VI: его подданные вознамерились отыскать северо-восточный проход в Китай и Индию по Ледовитому океану. Их проект поддержала и Мария Тюдор, не зря же она была замужем за Филиппом II, владыкой великой колониальной державы. Англичане героически двинулись на север, но ... застряли во льдах в районе современного Архангельска. Московия XVI века не была той фантастически богатой и экзотической страной, какой слыл неведомый Китай, но представляла собой обширный и выгодный рынок, и английские купцы поспешили утвердиться в России, основав Московскую компанию. К моменту вступления Елизаветы на престол других достижений в сфере торговой экспансии за англичанами не числилось.

При Елизавете положение изменилось в корне. Все сошлось, как в фокусе: энергия и инициатива частных лиц, государственный интерес, общественное мнение, и, наконец, энтузиазм самой королевы. И она, и советники, окружавшие ее, уже в полной мере оценили на примере Испании, за которой ревниво наблюдали, преимущества обладания заморскими колониями и торговли с ними. Из Нового Света в Испанию непрерывно шли «золотые» и «серебряные» флоты — караваны, груженные драгоценными металлами из рудников Чили и Перу. Хорошо укрепленные испанские поселения в Южной и Центральной Америке были и торговыми факториями, поглощавшими европейские товары и рабов. С переселенцами можно было бы выгодно торговать, если бы не жесткая монополия политика испанцев, не допуская иностранных купцов в свои колонии. Всякий, кто хотел получать оттуда экзотические товары, был вынужден отправляться в Севилью и покупать их там. Мало кто считал это справедливым, и время от времени французы, англичане, голландцы, словом, все опоздавшие в гонке за открытыми землями, проникали в Новый Свет с контрабандными грузами. Мест-

ные власти охотились за контрабандистами и часто конфисковывали их товары, тогда те, чтобы возместить ущерб, превращались в пиратов и расплачивались за это уже головами. Протестантам доставалось особенно: они считались еретиками, и немало английских моряков были сожжены по приговору инквизиции.

Будущая Британская империя началась в Плимуте — порте на западном побережье Англии. Ее крестными отцами стали местные мореходы У. и Дж. Хоукинсы, крестной матерью — королева Елизавета. Как это часто случается, в начале великого предприятия были лишь деньги. В тридцатых — сороковых годах XVI века Уильям Хоукинс подвизался в весьма прибыльной торговле между Африкой и Америкой. Он покупал в Гвинее рабов и вез их на продажу европейцам-колонистам в Новый Свет. В дело включились его сыновья, и оно превратилось в синдикат, в который охотно вкладывали деньги местные джентльмены и купцы. Однако с годами проникать в испанские колонии становилось все труднее.

Два особенно обидных инцидента произошли с моряками из Плимута в 1566 и 1567 годах. В первом случае испанцы обманном путем захватили товары маленькой экспедиции, состоявшей всего из двух суденышек. Они, должно быть, долго смеялись над тем, как ловко провели «английских еретиков», и не знали, что только что нажили себе смертельного врага, который воздаст им сторицей. Им был молодой моряк по имени Фрэнсис Дрейк, младший из двух капитанов, потерявший свою долю и пылавший праведным гневом по возвращении в Плимут. На следующий год он присоединился к солидной экспедиции Дж. Хоукинса. В нее были вложены большие деньги и не только частными лицами. Сама королева Елизавета, хорошо знакомая с Хоукинсом-старшим и любившая слушать рассказы морского волка о его плаваниях в экзотических морях, где «летучие рыбы залетают в паруса корабля», вложила в это предприятие капитал и снарядила два корабля. Прибыв в испанские колонии, Хоукинс, как мог, подчеркивал, что это флот «Ее величества королевы Англии», но это не спасло его от вероломного нападения испанцев в бухте Сан-Хуан-де-Улуа. У англичан было достаточно ядер и пороха для стычки, но Хоукинс не хотел затевать конфликт. Несмотря

на то, что поначалу им гарантировали безопасность, испанцы все же атаковали «еретиков и контрабандистов». Лишь два корабля успели спастись, остальные были взяты на abordaj, сожжены, а их команды — вырезаны. Но на первом ушел Дрейк, на втором — Дж. Хоукинс. Теперь у Испании появились уже два заклятых врага. В Плимуте их обоих выслушал старый Уильям Хоукинс и отправил к королеве рассказать о том, что они пережили.

Елизавета не меньше их была озабочена потерей своих людей, кораблей и денег. Однако ей судьба послала быстрое утешение в виде испанского флота, груженного золотом, который направлялся в Нидерланды к наместнику испанского короля герцогу Альбе. Его прибило штормом к английскому берегу, и королева, пользуясь случаем и расплывчатыми нормами морского права, наложила руку на это сокровище, достигавшее ста тысяч фунтов стерлингов. Дипломатические препирательства по этому поводу затянулись надолго, не вылившись, однако, в настоящий конфликт между двумя державами. Елизавета впервые отведала вкус испанского колониального золота.

Дрейк же тем временем объявил свою персональную вендетту испанцам. Этот коренастый круглолицый краснощекий крепыш с лицом простака и манерами аристократа стал в семидесятых годах самым авторитетным капитаном на всем западном побережье. Весной 1572 года он с двумя кораблями появился у берегов Панама, очаровал местных индейцев и вместе с ними устроил страшный переполох на караванных путях из рудников Перу и по всему побережью, захватил испанский галеон, шедший из Сан-Доминго, два фрегата из Картахены и отбыл, позаботившись, чтобы его имя навсегда запечатлелось в памяти испанцев. Отныне и навсегда он стал для них — «El Draque», «Драконом».

Плимут встретил его ликованием. Официальный Лондон — с плохо скрытой радостью, королева — с дружеской улыбкой. Дрейк становился национальной легендой.

Его энергия была через край, этому англичанину уже становилось тесно в Атлантике. Когда Дрейк находился в Панаме, на узком перешейке, разделявшем Атлантический и Тихий океаны, он, по преданию, взобрался на дерево, чтобы увидеть безбрежные просто-

ры, простирившиеся на запад от Америки. Завороженный этой картиной, он поклялся, что скоро эти волны увидят английский флаг. Обет Дрейка — часть великой английской национальной легенды. Но правда и то, что он был принесен, и то, что он был исполнен.

В семидесятых годах между Англией и Испанией развернулась странная, не объявленная ни одной стороной война на морях. Испанцы арестовывали английские корабли всюду, где могли, торговля между двумя странами практически замерла из-за постоянных конфискаций товаров и пиратства. К берегам Америки одна за другой уходили полоторговые-полупиратские экспедиции Хоукинсов, Дж.Нобла, Г.Хорсли, Э.Баркера, Д.Оксенхэма, которые, если фортуна улыбалась им, возвращались с богатыми «призами», если нет — оставались болтаться на реях. Официальные Мадрид и Лондон предпочитали закрывать глаза на «частные» войны своих беспокойных подданных, в крайнем случае, ограничивались формальными протестами. Елизавета на все ноты испанского посла лишь пожимала плечами и убеждала его, что это шотландские пираты прикидываются англичанами, чтобы бросить тень на миролюбивых подданных английской короны.

Королеву тем временем все больше захватывала лихорадка авантюрных морских вояжей. Дело было, разумеется, не в романтике дальних плаваний. Ее казна была пуста, а контрабандная торговля, равно как и грабительские экспедиции в Новый Свет, приносили неплохой доход на вложенный капитал.

Однажды Ф.Дрейк поведал королеве и Совету о своей сокровенной мечте: обогнуть американский материк, выйти в Тихий океан и напасть на испанцев там, где они этого не ожидают, — на западном побережье Америки, рядом с фантастически богатыми рудниками Перу. Королева колебалась недолго: вложила собственные деньги и поставила два корабля.

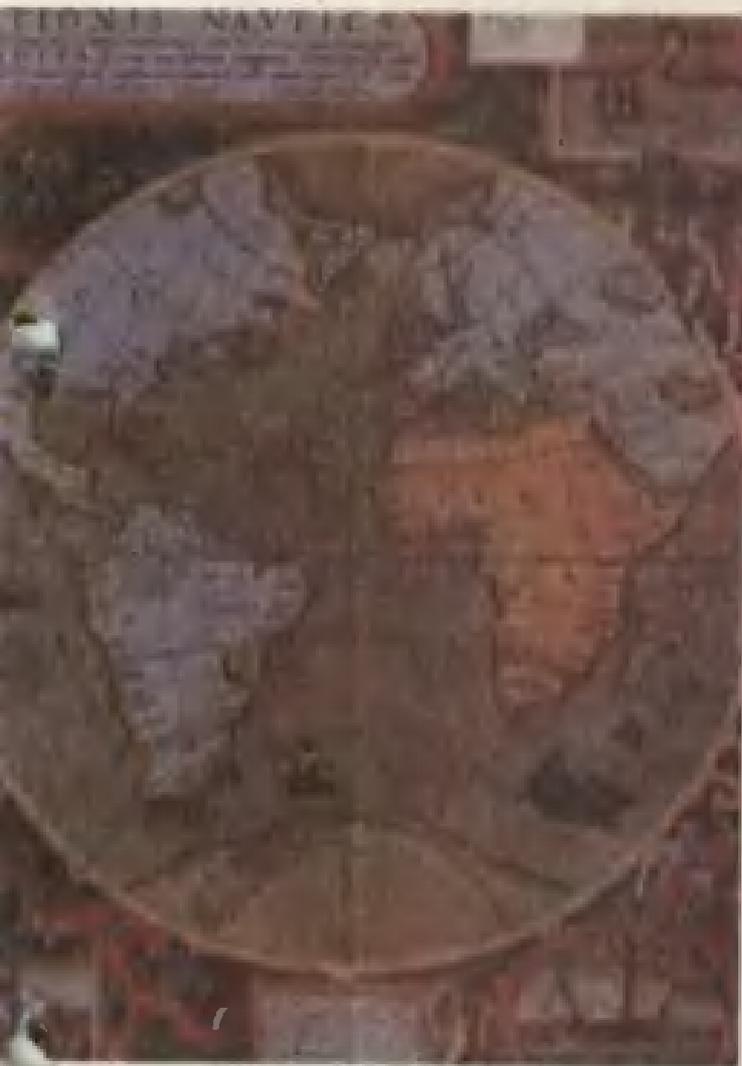
И вот 13 декабря 1577 года пять кораблей, ведомых флагманом «Пеликан», вышли из Плимута в долгое плавание, цель которого была известна лишь капитанам. Матросам же было объявлено, что идут они к западному берегу Марокко. Действительно, Дрейк торопливо его ограбил, а затем взял курс на Южную Америку, и кругосветное путешествие началось. Когда эскадра приблизилась к Магелланову проливу, оставив позади

Географическая карта с кругосветным путешествием Дрейка, 1589 год

по всему берегу ограбленные испанские поселения, Дрейк решил дать новое имя своему флагману, он переименовал «Пеликан» в «Золотую антилопу» в честь фаворита королевы Кристофера Хэттона, в чей герб входило это грациозное животное.

Лишь три корабля из пяти преодолели Магелланов пролив. Когда моряки ошупью искали путь в наиболее опасных местах, Дрейк подбадривал команды мерными ударами барабана. Наконец, они вышли в Тихий океан. Мечта Дрейка сбылась — он бороздил воды «Южного моря» и приближался к Перу, волшебной «пещере Алладина» испанцев. Его не пугало даже то, что буря разметала английские корабли и «Антилопа» осталась одна. Судьба благоволила к смельчакам: у Вальпараисо они захватили испанский корабль, груженный золотом, но впереди маячила еще большая удача. Ночью Дрейк вошел незамеченным в порт Лиму, где стояли на

якоре испанские корабли, и понял из разговоров испанцев, что накануне огромный галеон с золотом отбыл в Панаму. Англичане не стали терять времени и отправились за ним. Настичь тяжело-весный «Какафуэго» оказалось несложно. Испанцы сдались Дрейку без единого выстрела. Он принял пленного капитана «Какафуэго» с почетом и невероятной учтивостью. Ошеломленный испанец описывал потом, как он обедал с грозой морей, наводившим ужас на американское побережье, в роскошной каюте, декорированной мореным дубом, дорогими тканями, среди изысканной мебели и на серебряной и золотой посуде под звуки настоящего оркестра — флейт, скрипок и лютен. Дрейк не отказывал себе в удовольствиях, как-никак, а его кругосветное путешествие обещало быть долгим. Предметом его особой гордости была коллекция духов и притираний, которую он горделиво продемонстрировал испанцу, шепнув не без тщеславия, что кое-что из парфюмерии было подарено ему самой королевой Елизаветой! После реверансов и из-

винений за то, что англичанам пришлось ограбить их судно, испанскую команду отпустили на берег, наделив каждого матроса пригоршней золотых дублонов, — «Антилопа» уже не вмещала фантастической добычи.

Дальше все выглядело совсем просто: они поднялись от Панамского перешейка вверх до тридцать восьмого градуса, исследовав западное побережье нынешней Калифорнии. Белые прибрежные скалы напомнили Дрейку родину, и он окрестил эту землю Новым Альбионом. Оттуда «Антилопа» двинулась на запад, пересекла Тихий океан и сделала остановку на Молуккских островах, возжеленных для европейцев «Островах пряностей», торговля с которыми считалась монополией португальцев и приносила им неслыханные доходы. По-видимому, Дрейк обладал каким-то необыкновенным магнетизмом: он очаровал местного султана, прогостил у него месяц, получил новый груз подарков — драгоценных камней и пряностей, а между делом договорился о будущей торговле англичан в этом регионе, как будто Португалии и Испании больше не существовало на его карте. Потом он пересек Индийский океан, обогнул Африку и вернулся, как всегда, в родной Плимут, закончив свой долгий кругосветный путь 26 сентября 1580 года.

Первым делом, как только Дрейк вступил на берег, он спросил: «Жива ли королева?» И его рассказы, и его добыча заслуживали поистине королевского внимания. Елизавета наградила своего героя по-царски: Дрейк получил десять тысяч фунтов стерлингов из того золотого груза, который привез в Лондон. Сколько получила королева, не узнал никто.

Устная традиция передает, что среди сокровищ «Золотой антилопы» были великолепной чистоты и красоты рубины. Спустя несколько лет среди украшений королевы появился великолепный рубиновый набор — диадема и ожерелье с камнями невероятных размеров. В нем запечатлел ее на портрете художник М.Гирерде.

Испанцы безуспешно требовали вернуть свои реалы. Филипп II неистовствовал, а на борту «Золотой антилопы» разворачивалась тем временем сцена из тех, что навсегда входят в историю. Королева вступила на корабль, украшенный синими полотнищами государственного флага с золотыми львами и лилиями, чтобы возвести Фрэнсиса Дрей-

ка в рыцарское достоинство. Королева была в великолепном настроении; взяв в руки тяжелый меч, предназначенный для ритуала посвящения, она сделала вид, что грозит отрубить своему «пирату» голову. Дрейк смиренно преклонил колени, и Елизавета совершила обряд с помощью французского посла — ударила посвящаемого мечом по плечу. Француз был в неменьшем восторге, чем англичане, от того, как Дрейк щелкнул испанцев по носу.

«Дама, влекущая за собой якорь»

Конечно, Дрейк был самым неподражаемым из елизаветинских морских волков с его бурлящим темпераментом, добродушным юмором, щедрый на трогательные и героические эффекты. Но он — далеко не единственный из новой породы ее одержимых подданных. Многие искали поддержки королевы в самых головокружительных прожектах, немногие получали деньги, но большинство — ее милостивое покровительство, официальный статус, грамоты, подписанные Елизаветой, к неведомым владыкам неведомых земель. С ее именем на устах англичане совершали доселе неслыханное. В шестидесятых — семидесятых годах купцы Московской компании отыскивали сухопутный путь через Московию, Астрахань и Казань в Персию, а их лоцманы и моряки, пробывавшиеся на восток в арктических морях, достигли Сибири и впервые поведали европейцам о существовании «великой реки Обь». В 1576 — 1578 годах энтузиасты поисков северо-западного прохода в Индию и Китай Фробишер, Дэвис и Гилберт обследовали северную оконечность Америки и достигли Гренландии, привезя от эскимосов неведомую горную руду, обещавшую дать много золота. Королева и двор немедленно вложили большие деньги в вояжи к эскимосам; к их разочарованию, руда оказалась незолотоносной, но англичанам достались карты Северной Америки, которую они начнут осваивать позднее. И честь.

Ветер с моря, приносивший запах опасности и наживы, будоражил не только сорви-голов — пиратов и первопроходцев и их высоких покровителей при дворе. Он щекотал обоняние купечества, менее склонного к риску, но хорошо умевшего считать проценты с вложенного капитала. Когда Елизавета взошла на престол, в стране были только две большие купеческие компании —

«купцов-авантюристов» и «Московская», учрежденная совсем недавно. За четыре года при ее покровительстве возникли три новые — Испанская, Эстляндская и Левантийская. Позднее она даровала хартии Берберийской компании и Ост-Индской, которая сыграла огромную роль в последующем становлении Британской империи. Купцы получали не только монопольные привилегии, но и поддержку английских дипломатов повсюду, где они торговали. За это, правда, приходилось платить и платить щедро, но то была справедливая игра.

Поразительно легко и быстро английская нация, еще недавно привязанная к своему острову, усваивала новый взгляд на мир, он становился глобальным в буквальном и переносном смысле этого слова. В стране выходили десятки трактатов с рассуждениями о выгодах освоения новых земель, рынков, рыбных промыслов. Самым знаменитым из них был многотомный труд Ричарда Хаклюйта «Основные плаванья, путешествия и открытия английской нации», собравший воедино отчеты обо всех героических предприятиях английских мореплавателей. Он рождал у читателей опьяняющее чувство необыкновенной силы и молодого оптимизма. Англия становилась вровень с великими морскими державами — Испанией и Португалией. И многие уже стали задумываться об основании собственных колоний в Северной Америке.

Хэмфри Гилберт, сводный брат Уолтера Рэли, очередного фаворита Елизаветы, попытался основать английское поселение в Северной Америке в 1578 году, но неудачно. Он повторил попытку в 1582. Сам Рэли положил немало трудов, чтобы убедить королеву в целесообразности их проекта «насадить имя англичан под северными звездами». Он преуспел, и в знак своего особого покровительства экспедиции Елизавета послала Гилберту символический подарок — драгоценный «якорь, который влекла за собой дама», возможно, аллегорию ее самой. Ободренный Рэли передавал ее напутственные слова брату: «Ее величество повелела мне передать тебе, что она желает тебе такой удачи и безопасности твоему кораблю, как если бы она сама была с вами на нем, она просит тебя быть осторожным, так как заботится о тебе и ради нее ты должен стремиться к этому. Далее, она хочет, чтобы ты оставил свой портрет...». У какого морского волка не дрогнуло бы

сердце от такого обращения его государыни? Когда после нескольких неудачных попыток англичанам все-таки удалось основать колонию в Америке, имя для этого нового «земного Эдема» было найдено с легкой руки Рэли — «Виргиния», «Девственная» в честь Елизаветы, их королевы-девушки.

Кстати, Уолтер Рэли, один из самых удивительных елизаветинских морских волков. Совсем не похожий на моряка, изысканный придворный, поэт и философ, он пронес имя Елизаветы в самые дебри Амазонки и Ориноко, куда отправился искать легендарную страну Эльдорадо. Рэли открыл Гвиану и описал нравы местных индейцев и свои приключения. Едва ли можно вообразить себе более забавную и трогательную картину, чем английский дворянин в джунглях среди аборигенов, показывающий индейцам изображение королевы Елизаветы и втолковывающий им через нескольких переводчиков, что она — великий касик севера, дева, их большой друг и враг злого касика — испанского короля. Индейцы дивились и кланялись ее портрету...

Всего два десятилетия потребовалось англичанам, чтобы донести свой флаг — красный крест Св. Георгия на белом фоне — до самых отдаленных уголков разведанного мира, до Сибири на северо-востоке, Канады и Гренландии на северо-западе, Африки, Филиппин и Молукк, Южной Америки. С законной гордостью Р. Хаклюйт вопрошал: «Кто из королей этой земли прежде Ее величества видел свое знамя, водруженное у Каспийского моря? Кто из них когда-нибудь вел дела с Императором Персии? Кто когда-либо прежде видел английского подданного... у султана Константинополя? Кто когда-нибудь слышал об английских консулах в Триполи в Сирии, в Алеппо, в Вавилоне, в Басре, и более того... в Гоа? Разве до этого английские корабли становились на якорь в великой реке Ла-Плата? Проходили вновь и вновь Магеллановы проливы?»

Мир больше не принадлежал безраздельно Испании. Островной народ смело утверждался в нем, проникая повсюду, готовый постоять за свои права в любом полушарии. Нация мужала, становилась крепче и увереннее в себе вместе со своей королевой, к ногам которой ее герои слагали лавры всех своих побед. Источник их воодушевления, их путеводная звезда звалась Елизаветой.

Победительница «непобедимых»

Грабительские рейды английских пиратов в Атлантике обострили отношения между Англией и католической Испанией. Терпение Филиппа II истощилось после очередного успешного налета Дрейка на испанские колонии в 1586 году, и он отдал приказ о подготовке к вторжению в Англию, чтобы навсегда покончить с этим «гнездом еретиков». Стратеги засели за карты, планируя будущую кампанию. Предполагалось, что мощный испанский флот направится к Англии, войдет в узкие проливы между островом и континентом, встанет на якорь у голландского берега, чтобы принять на борт армию вторжения из Нидерландов, а затем атакует Англию там, где в море впадает Темза, артерия, которая приведет их к самому сердцу страны — Лондону. Флот был готов к весне 1587 года.

Помешал «предприятию» вездесущий Дрейк. Слухи об огромном испанском флоте, который с неизвестной целью собирался в бухте Кадиса, доносимые английской разведкой, взволновали всех. Англичанам, казалось, оставалось лишь ожидать, куда он двинется, и положиться на провидение. «Корабли — деревянные стены Англии», как говорили во времена Генриха VIII и Елизаветы, едва ли смогли бы сдержать натиск испанского флота, названного не без основания Армадой. Но как должны были измениться люди, настроения, какую уверенность обрели они, если осмелились не дожидаться врага, а атаковать его первыми!

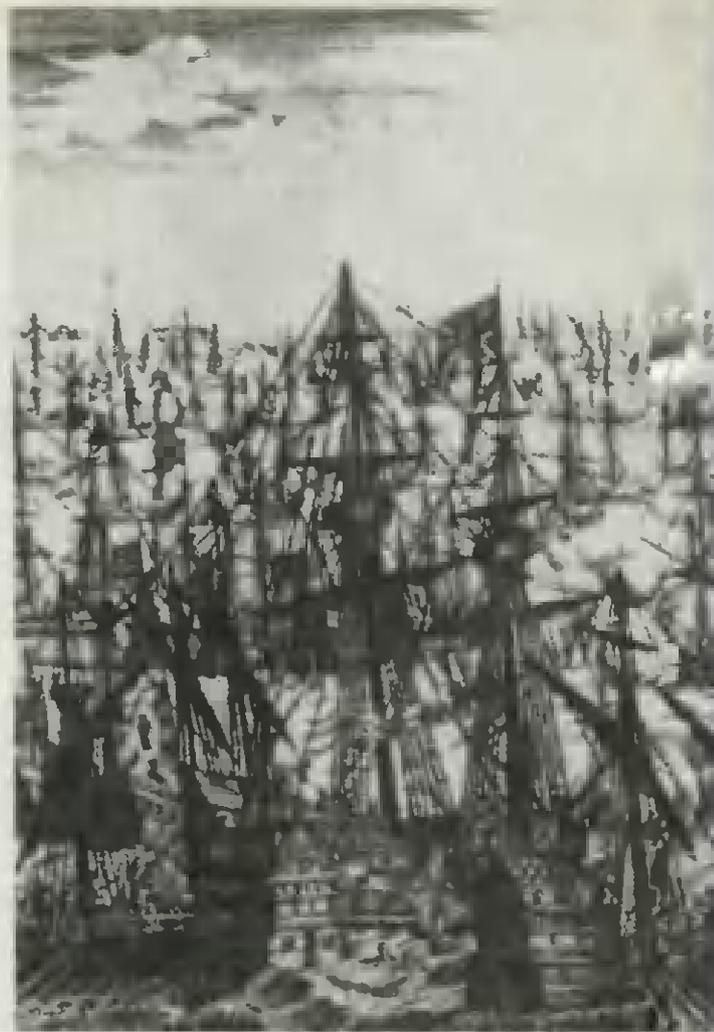
2 апреля 1587 года из Плимута вышла английская эскадра под командованием Дрейка. Помимо новейших дальнобойных пушек, адмирал был вооружен грамотой с личной подписью его королевы, предписывавшей ему атаковать испанский флот во имя «чести и безопасности нашего королевства». Веселый толстяк определил свою миссию менее выспренно: «подпалить бороду испанскому королю».

Спустя несколько недель английский флот подошел к Кадису, в удобной бухте которого на якорь стояли лучшие галеоны испанского военного флота и десятки торговых кораблей. Англичане атаковали их с ходу. Внезапность и переполох, которые поднялись в бухте, когда к испанским кораблям устремились лодки, начиненные взрывчаткой и зажигательными смесями, сделали свое

дело. Тридцать четыре корабля сгорели или были потоплены, и береговая крепость сдалась на удивление легко. Дрейк, как всегда, вежливо обошелся с населением, отдал должное местному вину, и, загрузив им четыре захваченных испанских корабля, отбыл... впрочем, не сразу. Он еще помедлил у Азорских островов, поджидая испанский «серебряный флот» из Америки — благовоспитанный адмирал всегда оставался в душе чуточку пиратом. Но, не дождавись его, Дрейк вернулся в Плимут.

Испанцам потребовался почти год, чтобы оправиться и снарядить новую Армаду. Она должна была стать возмездием англичанам за все — за их протестантизм, за пиратство, за Нидерланды и Кадис. Рассказ о гибели Великой Армады — один из тех, что с детства запечатлевается в памяти каждого, настолько силен в нем дух Истории, героический, волнующий и возвышенный. На деле все обстояло одновременно и более прозаично, и более трогательно.

Интервенция всегда бывает некстати, но она была особенно некстати англичанам в 1588 году. Сундуки королевы были пусты. Война давно велась по принципу самоокупаемости, но после больших финансовых вливаний в Нидерланды и рейда в Кадис новых поступлений в казну не было. Солдат и матросов было не на что кормить, не хватало пороха и ядер, прибрежные города и графства стонали под бременем всевозможных поборов и новинностей, связанных с ожидаемым вторжением: нужно было вооружать и тренировать ополчение, вдоль всей береговой линии дежурить у сигнальных костров, поднятых на высокие столбы. Поддержание страны в боевой готовности съело столько средств, что измученный мыслями о деньгах лорд Берли взмолился наконец: «Если мир невозможен, пусть лучше враг не медлит... потому, что ожидание нас буквально поедает». И как будто вняв его молитве, испанский флот показался на горизонте — сто тридцать кораблей, ведомых герцогом Медина-Сидония, с восемнадцатью тысячами пехотинцев на борту. Никто и никогда еще не видывал такой силы. Испанцы отправлялись в свой крестовый поход против неверных с воодушевлением. Накануне выхода из порта Ла-Корунья они долго молились и дружно отказались от услуг местных проституток. Что может лучше доказать серьезность их намерений и веру в свою священную миссию?

Одно из многочисленных столкновений Армады с английскими кораблями. Сражение у острова Уиат

Как всегда, когда что-то ждут слишком долго, оно застанет врасплох. Английский флот собирался встречать Армаду вовсе не там, где это произошло. Королеве удалось собрать не более ста кораблей, и только ядро ее флота составляли настоящие боевые, построенные по последнему слову техники быстроходные корабли. Остальные принадлежали купцам или дворянам-волонтерам, поднявшимся по призыву Елизаветы. Англичане явно уступали испанцам в количестве, но не в уверенности в себе. Как и годом раньше, командовавшие флотом адмирал Ховард и вице-адмирал Дрейк собирались выйти навстречу Армаде, перехватив ее у берегов Испании, и разбить ее в собственных водах. Несколько раз они пытались покинуть Плимут, но Нептун на этот раз подыгрывал испанцам: сильными штормами и ветрами англичан вновь и вновь прибивало к собственному берегу. Испанским же парусам ветер этот был попутным.

Лето 1588 года выдалось на редкость неудачным — с непрекращающимися ливнями и штормами. Полуголодные английские матросы сидели в Плимуте и в буквальном смысле ждали у моря погоды, когда на горизонте показались корабли Медины-Сидонии. По преданию, Дрейк в это время играл в шары. Услышав крик дозорного, что испанцы у мыса Ящерица — западной оконечности острова, он спокойно довел партию до конца и лишь после этого приказал сыграть общий сбор. По всему побережью от Девона и Дорсета до самого Кента один за другим загорались сигнальные огни, пробиваясь через туман и оповещая Англию о том, что настал долгожданный и страшный час испытания. Графства поднимались по тревоге, старики и мальчишки облачались в кирасы. Вот когда Елизавета могла с гордостью сказать, что не напрасно верила в своих подданных, и ее политика религиозной терпимости оправдалась! В момент национальной опасности все сплотились вокруг нее. Не стало ни католика, ни протестанта — все они были англичанами.

Армада тем временем огромным уг-

рожающим полумесяцем вползала в узкий пролив. Испанцы не ожидали встретить здесь весь английский флот, они рассчитывали достичь Дувра, не встретив сопротивления. Обе стороны находились в смятении, но англичане, похоже, пришли в себя быстрее; их эскадры разделились, Ховард отошел на восток, а Дрейк остался атаковать врага на всем пути его следования. Он набрасывался на них, как бойцовый петух с небольшой, но мобильной эскадрой, и с удовольствием наблюдал со своего флагмана, носившего грозное имя «Возмездие», как английская артиллерия выводит из строя то один, то другой галеон.

Тактика испанцев и та концепция войны, которой они собирались придерживаться, безнадежно устарели. По большей части их корабли были гигантскими и неповоротливыми транспортами для пехоты, артиллерия предназначалась для осад на берегу, а не для морских сражений. Они и собирались воевать на суше, а не среди волн. Английский «Дракон» явно чувствовал себя уверенней в родных водах. Правда, ему катастрофически не хватало боеприпасов и провианта, за которыми приходилось постоянно заворачивать во все попутные порты. Весь июль голодные английские морские волки трепали Армаду, пока она, наконец, не оторвалась от них и не пристала к французскому берегу около Кале.

Наступал решающий час. В хорошую погоду из Кале виден английский берег и Дувр, испанцев отделяли от них лишь несколько десятков миль, оставалось сделать последний бросок. Там их ждали лучшие корабли Елизаветы, ее собственный «королевский флот», туда же стекались эскадры Дрейка и Ховарда с пробитыми парусами, дымные от пороха, потрепанные штормами.

Ветер был третьим участником сражения. Он упорно отгонял оба флота на север. Но англичане стояли на якоре в просторной гавани Дувра, а акватории Кале испанцам явно не хватало. Здесь Медина-Сидония ждал известий от герцога Пармы. Связь с ним никак не удавалось наладить: нерасторопности курьеров и фельдъегерей испанцы обязаны своим поражением не меньше, чем английским морякам. Когда Парма со своими десятью тысячами солдат подошла к Дюнкерку, чтобы, дождавшись флота, погрузиться на корабли, Армада уже снялась с якоря, и ветер утнул ее

слишком далеко в Северное море. Однако поднять якорь ее все-таки заставили англичане. Они атаковали в гавани своими горящими лодками, как год назад в Кадисе, и, чтобы избежать пламени, испанцы были вынуждены ретироваться. Остальное довершил ветер: их бросило на мели около побережья Зеландии, с которых удалось сняться лишь немногим, и понесло дальше, где уже не было гаваней, пригодных для высадки. Не было также ни сил, ни провианта, ни пороха. Оставшиеся корабли, преследуемые англичанами, обогнули Британские острова и с трудом возвратились домой, потеряв две трети из тридцати тысяч «непобедимых». На всем побережье мальчишки еще долго вылавливали из воды остатки их амуниции, то, что море не приняло в жертву.

А что же королева? Для нее, как и для всей страны, нападение Армады было моментом наивысшей опасности. Смертельная угроза вдохнула в нее новые силы: королева, казалось, сбросила лет тридцать, она была энергична, решительно действовала и говорила, не обнаруживая ни малейшего страха, — истинная дочь Генриха VIII! Снова, как в былые годы, она и ее народ черпали друг в друге силы. Опять ей удавалось найти самые проникновенные слова для солдат, которые шли занимать оборону у Тилбери под предводительством Лейстера на случай, если бы испанцам удалось высадиться и двинуться на Лондон. Солдаты и моряки шли умирать с песнями и именем Елизаветы на устах. Последняя линия обороны проходила вокруг Сент-Джеймского дворца, где находилась королева. Но она не пряталась за его стенами, несмотря на опасность, по-прежнему появлялась на людях. Именно в эти минуты маленький мальчик, будущий епископ Гудмен, услышал и навсегда запомнил ее слова: «У вас может быть более великий государь, но у вас никогда не будет более любящего государя». Были ли в истории случаи, когда солдаты предлагали взятку, чтобы оказаться в наиболее опасном месте? И чтобы это был целый полк? Дорсетский полк был готов заплатить пятьсот фунтов стерлингов, чтобы войти в состав гвардии, стоявшей у Тилбери. Если бы испанцы прорвались, они бы полегли все...

В конце июля Лейстер предложил Елизавете навестить его армию в Тилбери и подбодрить солдат, зарывшихся в окопах среди болот Эссекса. Затея

представлялась ему не слишком опасной, так как в случае высадки испанцев ее можно было легко эвакуировать в Лондон, как по суше, так и по реке. Елизавета загорелась этой идеей. 8 августа 1588 года королевская баржа отправилась вниз по Темзе от Вестминстерского дворца и к вечеру добралась до форта Тилбери. Солдаты встретили Елизавету криками радости и восхищения. На следующий день состоялись смотр войск и маневры. Елизавета восседала на своем гордом белом коне с маршальским жезлом в руке. Она казалась царицей амазонок или самой Беллонной — богиней войны. Взволнованная оказанным ей приемом, королева обратилась к солдатам с одной из лучших своих речей. Она сказала: «Мой добрый народ. Нас убеждали те, кто пеклись о нашей безопасности, что следует проявить осторожность, когда мы предстанем перед множеством вооруженных людей. Но уверяю вас, я не хотела бы жить, не доверяя моему верному и любящему народу. Пусть боятся тираны. Я всегда жила так, что после Господа считала своей главной силой и защитой верные сердца и доброе расположение моих подданных. И посему, как вы видите, я среди вас в это время не для развлечения или забавы, но полная решимости в самой гуще и в пылу сражения остаться жить или умереть среди вас, пасть во прахе во имя моего Господа, моего королевства, моего народа, моей чести и моей крови. Я знаю, что я наделена телом слабой и хрупкой женщины, но у меня сердце и душа короля, и короля Англии. И я думаю, это грязная ложь, что Парма или Испанец, или любой другой государь Европы могут осмелиться переступить границу моего королевства».

Слухи об отважном поступке английской королевы и ее необыкновенной речи скоро разнеслись по всем европейским дворам. Ее текст переписывали и читали повсюду, даже в Москве, откуда один из английских купцов, друг Дрейка, сообщал, что получил список и передал его русскому царю.

Лейстер был искренне восхищен Елизаветой. Визит ее в Тилбери не был безопасным пропагандистским трюком. Реальная опасность сохранялась до середины августа. Когда же стало ясно, что все позади, Англия погрузилась в эйфорию. Она, как Давид, победила библейского Голиафа. В честь победы Елизавета повелела отчеканить памят-

ную медаль с собственным золотым ликом; на ее обороте был изображен гибнущий испанский флот с многозначительной надписью: «Господь дохнул, и они рассеялись». Никто, однако, не собирался похищать славу у доблестных английских моряков. Это была их победа. Один из них, У.Рэли писал в дни триумфа: «Испанцы более всего на свете жаждут нашей крови, более, чем крови любого другого народа в Европе, потому что от нас они потерпели многие поражения и бесчестья, их слабость мы явили всему миру. Мы разбили и обесчестили их и у них дома, и за границей, и в Европе, и в Индии, и на суше, и на море, всего с горсткой людей и кораблей». Отныне Англия становилась подлинной владычицей морей и действительно великой протестантской державой.

Гибель Армады произвела сильное впечатление и на ее врагов. Узнав о печальной одиссее своего флота, Филипп II затворился в Эскориале, не промолвив ни слова. Страна погрузилась в молитвы и траур.

В Риме же папа Сикст V повел себя в высшей степени странно. Он, конечно, поддерживал святое дело борьбы с английскими еретиками, но не мог скрыть удовольствия от того, что напыщенных испанцев щелкнули по носу. «Слышали, — спрашивал он, — как Дрейк со своим флотом навязал бой Армаде? С каким мужеством? Думаете, он выказал хоть какой-то страх? Он — великий капитан!» Поистине, чудны были дела Господа, если он заставил папу симпатизировать английскому пирату! Елизавета изумляла его не меньше, и Сикст V пропел ей настоящие дифирамбы: «Она, конечно же, великая королева, и если бы только она была католичкой, мы бы ее очень любили».

Англия предалась бесконечным праздникам. Никогда еще 17 ноября, день восшествия Елизаветы на престол, не отмечали с таким размахом и помпой. В глазах англичан их королева, «царственная леди» затмила всех женщин-героинь в истории. В напыщенных трактатах, поэмах и балладах ее именовали богиней, воплощением славы и победы — Глорианой. Елизавета на глазах превращалась в новое божество, северное солнце, озаряющее своим сиянием души влюбленных и восхищенных протестантских подданных. ●

МОЗАИКА

Цена красоты

В период «тюльпаномании» в Голландии и в других странах Европы и Азии, особенно в Турции, цены на декоративные цветы поднялись до невероятных высот. Так, за одну семенную луковицу перво-классного сорта «Вице-король» в семнадцатом веке на рынке давали (по выбору) две меры пшеницы, четыре меры ржи, четырех бычков, восемь свинок, двенадцать овец, две большие фляги вина, четыре бочонка пива, две кадучки масла, тысячу фунтов брынзы, готовую (с постельными принадлежностями) кровать, мужской костюм или серебряный кубок.

Конечно, это были, говоря современным языком, ажиотажные бартерные сделки и расценки. Но они наглядно демонстрируют тягу населения к достижениям садово-декоративного цветоводства. Кстати сказать, тягу, не ослабевающую и до настоящего времени ради украшения быта.

Рисунок Н. Васильевой

Дорин Тови

А мышей она ловить может?

В следующем году издательство «Армада» планирует выпуск двух книг известной английской писательницы Дорин Тови: «Кошки в доме» и «Кошки в мае». Их выход продолжит «Зеленую серию», начатую издательством недавно, но уже успевшую снискать популярность у читателей. Впрочем, удивляться этой известности не приходится. Среди авторов «Зеленой серии» такие выдающиеся имена, как Джой Аддамсон, Джералд Даррелл, Конрад Лоренц, Джеймс Хэрриот, плюс к этому — прекрасное оформление самих книжек и блестящий перевод. Мы надеемся регулярно знакомить с новинками этой серии. А пока перед вами — глава из книги «Кошки в доме».

Нашу первую сиамочку звали Саджи, а купили мы ее из-за мышей. В оправдание столь прозаичной причины могу сослаться лишь на то, что мыши эти были очень даже не обычными, а прихлебателями нашей ручной белки по кличке Блонден*. За годы и годы они обрели оригинальность и походили на обычных мышей не больше, чем Блонден на обычных белок, и если уж на то пошло, не больше, чем сиамские кошки похожи на всех прочих.

При жизни Блондена мыши нас особенно не допекали, а знай себе путешествовали по дому, то вверх по лестнице, то вниз, то в проволочную вольеру в саду, где Блонден проводил дневные часы с тех пор, как позволил себе прогрызть дыру в двери гостиной, чтобы добраться до яблока.

И мыши занимались делом, трудолюбиво отыскивая орешки и ку-

сочки хлеба, которые он запасал на черный день под ковриками и за сиденьями кресел. Хотя я слегка ошалела, когда в первый раз повстречала на лестнице мышку, семенившую с орехом в зубах, точно собака с костью, в конце концов я с ними свыкла.

Одна, например, повадилась играть со мной в прятки в садовой беседке. И со временем настолько одомашнилась, что в заключение игры выбиралась на открытое место с залорно торчащей изо рта хлебной корочкой, садилась на задние лапки и смотрела на меня взглядом американского миллионера, приценивающегося к Игле Клеопатры.

А другая как-то вечером, не сумев протиснуться с орехом во рту в щель под дверью черного хода, оставила его лежать там, сама выскользнула наружу, распласталась на пороге и принялась подцеплять его лапкой.

Я насмерть перепугалась, наблюдая из кухни, как орех сам собой отчаянно перекатывается под дверью. Я знала, что Блонден тут ни при чем, он уже отправился на боковую. В длинные зимние вечера он ложился рано, мчался наверх в гардероб, где спал на полке под стопкой носков Чарлза, сладко, но достаточно слышно посапывая. И углядев тоненькую лапку полевки и сообразив, что у нас не завелся домовый, я испытала такое облегчение, что открыла дверь и выкатила орех наружу. Естественно, там никого не оказалось. Но когда я посмотрела несколько минут спустя, орех исчез.

Если бы и дальше все шло столь же тихо и мирно, эту книгу я, наверное, писала бы о мышах, а не о сиамских кошках. Однако очень сырой осенью Блонден простудился и умер, а у нас скоро начались серьезные неприятности. Едва мыши обнаружили, что за подушками

* Блонден Шарль (1824 — 1897) — знаменитый французский канатоходец.

Рисунок Ю. Сарафанова

кресел орехи больше их не ждут, как принялись прогрызать дыры в чехах. Ну а отсутствие лакомств под коврами привело их в такую ярость, что они начали отщипывать от них кусочки. Они устраивали налеты на клетку волнистого попугайчика, расхищая его корм и пугая бедняжку до истерики, — нервы у него никогда не были крепкими, и он постоянно терял перья хвоста, а теперь они сыпались, как осенние листья.

Мыши забрались в ящик комода, куда и не думали заглядывать в дни изобилия, а там злонамеренно отгрызли все углы аккуратно сложенной парадной скатерти. Когда в один прекрасный день я ее развернула, она оказалась вся в прорехах в форме звезд и полумесяцев, словно с турецкого флага. О том, чтобы постелить ее на стол, нечего было и думать. Я прямо-таки слышала, как дурацкие мыши хихикают, хватаясь за животы, и в ту же ночь одна, вероятно, выбранная общим голосованием, прогулялась по моему одеялу, а потом и по лицу, просто чтобы я не очень зазнавалась.

Последней каплей явилось утро, когда я открыла хлебницу и увидела, что внутри крохотная полевкамышка отрабатывает прыжки в высоту. Видимо, она забралась туда

перекусить, оказалась в ловушке, когда крышку закрыли, ну и совсем потеряла голову. Она проделала уже столько этих панических прыжков, что они вошли у нее в привычку, и когда я вытряхнула ее на пол, она направилась было к черному ходу, подскакивая, точно кенгуру, а потом сообразила, что выбралась на свободу и за дверь вылетела ракетой.

Это был конец. Мы уже пытались найти белку взамен Блондена, и если бы нам это удалось, равновесие между мышами и людьми могло бы восстановиться. Блондена мы в свое время подобрали еще детенышем — он лежал под деревом покалеченный, и нам как-то в голову не приходило, что он не самое обычное домашнее животное. Однако теперь, когда мы заходили в один зоомагазин за другим и, перекрикивая оглушительную какофонию, слагавшуюся из тьяканья щенков, мяуканья котят, криков попугаев и бульканья золотых рыбок, просили показать нам простенькую, самую обычную белочку, продавцы явно принимали нас за умалишенных. Серьезно к нам отнеслись только в зоопарке при Риджент-парке, но в ответ на наши жалобные мольбы сообщили, что у них

есть длинный список желающих обзавестись белкой.

Ставить ловушки даже на мышей — ни за что! Оставался только один выход — раздобыть кошку и уповать, что после одной-двух молниеносных расправ мыши поймут намек и оставят нас в покое. Беда была в том, что кошки нас не слишком привлекали. Мы опасались, что кошка начнет охотиться на птиц возле дома, а многие из них уже стали совсем ручными. В любом случае, сказали мы, откуда нам взять кошку с такими милыми, забавными повадками, как у Блондена? Ведь от нее не дожидаться, чтобы она прокусила часы Чарлза, лоя того, кто тикает, или отгрызала уголки библиотечных книг, или откусывала пуговицы с брюк гостей, когда они приходят на чай.

Мы колебались и ничего не предпринимали. И тут в одно знаменательное утро нас представили Мими, юной сиамской королеве, которая недавно поселилась у наших соседей дальше по дороге. Ей исполнилось полгода, и ее отдала им женщина, которая уезжала за границу и была вынуждена расстаться с ней. Мими прожила у них всего две недели и уже произвела подлинно революционный переворот в домашнем укладе не склонного к фантазиям сельского работника, собака которого спала снаружи на цепи в полной сквозняков конуре, а обычным кошкам полагалось ловить крыс в амбаре и сараях, но чтобы в дом — ни-ни!

Мими же спала не просто в доме, но в кресле Адамса, хозяина, на его плюсовом жилете, который он вечером, раздеваясь ко сну, специально стелил для нее. После наступления темноты и в дождь ее не выпускали из дома, и соседи с возмущением в голосе рассказывали, что своими глазами видели, как старик после ужина заботливо насыпал землю в ящик, известно для чего.

И в деревушке среди суровых холмов, где мужчины гордились своей закалкой, еще не забыты были дни, когда они устраивали схватки на выгоне, кто кого перебрыкает, а теперь ни один не позволил бы себе катить детскую колясочку даже в гору, Адамс, самый старый, самый закаленный из них, прогули-

вал по дороге, надуваясь гордостью, сиамскую кошечку в алой шлейке из грубой шерсти. За шлейку он извинился. Мать, объяснил он, как поедет в город, купит настоящую, с бубенчиком. А пока вот приходится обходиться вот этой, потому как Маймай (так он переименовал ее кличку; и только много месяцев спустя, когда я помогала ему составлять родословную для ее первых котят, выяснилось, что первая владелица назвала ее Мими в честь героини «Богемы» Пуччини) первый раз в охоте и надо держать ее подальше от котом.

Я уставилась на нее в удивлении: я ведь слышала, что сиамки в такие периоды доводят своих владельцев до иступления, воплями и визгом требуя мужа, а эта стоит себе на дороге тихая и целомудренная, точно монахиня, хотя лишь тонкий шерстяной шнурочек удерживает ее в стороне от страстных деревенских котом, которые тут кишмя кишат.

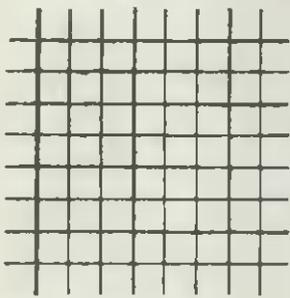
Я спросила, уж не немая ли она. Куда там, ответил он с гордостью. Когда есть захочет, никакому быку с ней не потягаться, или когда ей его кресло требуется. А чтоб кота — ни-ни. Она на простых кошек и не взглянет. А шлсйка, это чтоб ее побыстрее на руки подхватить, если на нее кот бросится.

Да, в ней все говорило о породе, начиная от узкой черной головы, прекрасной, как голова египетской царицы, вырезанной из эбенового дерева, и кончая кончиком изящного гибкого хвоста. Я подумала, что еще никогда не видела такого красивого животного, а когда старик рассказал нам, как она залезла по занавеске на карниз, точно обезьяна, уселась там и отказывалась сходить, а другой раз давай прыгать по комнате с пианино на каминную полку, что твоя скаковая лошадь, я поняла, что пропала. Ну совсем Блонден, с тем преимуществом, что, по словам старика, сиамские кошки никогда ничего не ломают и не бьют.

Мне оставалось удостовериться только в одном. «А мышей она ловить может?» — спросила я. Уж лучше бы я спросила любителя скоростей, может ли его машина двигаться по горизонтальной плоскости быстрее пятидесяти миль в час.

МОЗАИКА

Скульптуры из бумаги

Одни люди самовыражаются, рисуя на бумаге, а художница из Южной

Кореи Ким Ен Хи использует «корейскую бумагу», сделанную из коры тутового дерева, в качестве материала для создания кукол, или, как их правильное название, бумажных скульптур, посвященных миру детства.

Искусствоведы многих стран считают, что этой художнице «нет равных в работе с бумагой».

Рисунки Н. Васильевой

принято после смерти музыканта в прошлом году. Это не единственный «музыкальный» астероид, есть и другие: Лешон, Старр, Мак-Картни, Харисон, Клаттон.

Рок-н-ролл среди звезд

Известный рок-музыкант Фрэнк Заппа останется теперь навеки в небесах: Международное астрономическое общество решило назвать его именем астероид 3834. Решенно было

Уникальный француз

Француз Роллан Дименш — уникальное явление, в его присутствии стрелка компаса отклоняется и возвращается к нормальному положению лишь после того, как он отдаляется хотя бы на десять метров. Пока специалисты лишь смущенно разводят руками и молчат.

